

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1897.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Рѣчь Преосвященнаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго, послѣ освященія новосооруженнаго храма во имя Св. Великомученицы Варвары въ Харьковскомъ женскомъ Епархіальномъ училищѣ 21 Сентября.	325—342
Основное или Апологетическое Богословіе и его задачи (продолженіе). <i>Прот. Т. Буткевича.</i>	343—371
Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству (продолженіе). <i>А. Вертеловскаго</i>	372— ~~380~~
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Отношеніе религіозныхъ вѣрованій къ наукамъ, по ученію А. Сабатье. (продолженіе) <i>К. Истомина</i>	201— ~~208~~
„Золотые стихи Пифагорейцевъ“ съ комментариемъ Гіерокла философа (продолженіе). <i>Проф. Г. В. Малевичскаго</i>	229—251
III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 1895/96 учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія ялицы, контора В. Гляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брепано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Сентября 1897 года.

И. д. Цензора Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

РѢЧЬ

Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго,

послѣ освященія новосооруженнаго храма во имя Св. Великомученицы Варвары въ Харьковскомъ женскомъ Епархіальномъ училищѣ 21 Сентября. ¹⁾.

О высшемъ назначеніи образованной женщины въ средѣ православнаго духовенства.

Радостно привѣтствую всѣхъ начальствующихъ, учащихся и учащихся въ этомъ любимомъ нами епархіальномъ училищѣ съ окончаніемъ и освященіемъ вашего новаго храма—обширнаго и благолѣпнаго. Отнынѣ неотѣсно будетъ въ немъ нашимъ шестистамъ воспитанницамъ стоять, и утѣшительно пѣть и молиться. А молиться надобно усердно не только о нуждахъ общихъ всѣмъ, указываемыхъ церковію, но и о нашихъ собственныхъ: о сохраненіи въ безопасности, мирѣ и здравіи живущихъ здѣсь, объ успѣхахъ учащихся въ наукахъ, о добромъ ихъ нравственномъ настроеніи и тщательномъ приготовленіи къ предстоящей имъ въ будущемъ самостоятельной жизни, и особенно къ разносторонней дѣятельности по новымъ требованіямъ и задачамъ, обращаемымъ къ образованнымъ женщинамъ въ наше время.

Всѣмъ извѣстно, какъ нынѣ расширяется кругъ дѣятельности для образованныхъ женъ и дѣвицъ. Находятъ недостаточнымъ для образованной женщины быть

¹⁾ Произнесена въ актовомъ залѣ училища.

вѣрною супругою, доброю матерью и попечительною хозяйкою въ своемъ домѣ, а въ дѣвическомъ состоянїи быть полезною въ матеріальныхъ трудахъ родственной или какой либо другой семьѣ. Современную женщину вызываютъ на широкое поле общественной дѣятельности на ряду съ мужчинами для самыхъ разнообразныхъ должностей и занятій, къ которымъ, говорятъ, онѣ обязываются своими способностями и образованіемъ. Этотъ взглядъ поддерживается и благожелательными указаніями на доступныя женщинамъ способы обезпечить себѣ средства жизни и независимое положеніе.

Мы не будемъ обсуждать это современное движеніе по существу, ни опредѣлять сообразность, или несообразность съ женскою природою тѣхъ, или другихъ занятій, предлагаемыхъ нынѣ женщинамъ, ни указывать предѣла этому движенію и крайностей, замѣчаемыхъ теперь уже въ нѣкоторыхъ христіанскихъ странахъ. Мы хотимъ только объяснить, что отрицать это движеніе, какъ бы противорѣчащее христіанскому ученію о назначенїи женщины, или какъ непримѣнимое къ положенію женщины въ средѣ православнаго духовенства,—мы не имѣемъ ни права, ни основанія, по наставленію Апостола: *вся искушающе, добрая держите* (Кол. 5, 21). Не для того ли по милости Благочестивѣйшихъ Государей нашихъ и попеченіемъ церковнаго Священноначалія нынѣ дается образованіе нашимъ дѣвицамъ такое, какого не имѣли ихъ предшественницы,—чтобы просвѣтленные наукою умы ихъ были дальновиднѣе и проницательнѣе въ выборѣ наилучшихъ средствъ къ исполненію ихъ назначенія, а облагороженные воспитаніемъ сердца ихъ были отзывчивѣе на все, что требуетъ въ средѣ ихъ окружающей христіанской любви и безкорыстнаго участія. Мы даже думаемъ, что въ средѣ православнаго духовенства легче, чѣмъ въ дру-

гихъ сословіяхъ опредѣлить самыя роды новой благотворной дѣятельности, предлагаемыя нынѣ образованнымъ женщинамъ, и остеречь ихъ отъ увлеченій и крайностей.

Ваши родители и родственники живутъ при храмахъ Божіихъ; вы естественно принадлежите къ ихъ семьямъ. Итакъ ближайшій кругъ вашей дѣятельности, открываемый для васъ образованіемъ, есть приходъ. Кругъ необширный, но весьма достаточный для самаго горячаго служенія благу православнаго народа; кругъ вамъ близкій, какъ и вы ему не чужія, даже можно сказать, вамъ родной. Это призываетъ и самъ народъ нашъ, изъ глубокой древности усвоивъ своимъ приходскимъ пастырямъ имя „батюшки“, а супругамъ ихъ имя „матушки“. Часть этихъ сердечныхъ отношеній народа къ духовенству падаетъ и на всѣхъ членовъ его семействъ, если они даютъ въ себѣ народу видѣть то, чего онъ отъ нихъ желаетъ, т. е. людей благонравныхъ, кроткихъ и любящихъ. Къ несчастію нашему не вездѣ это мы видимъ. Глетворный духъ времени, увлекаая наше духовенство къ новымъ обычаямъ, и соблазняя свободою свѣтской жизни, заставляетъ многихъ изъ его членовъ забывать свое высокое призваніе и тяготиться своимъ положеніемъ. Это гибельное направленіе, убивающее въ духовенствѣ чувство благоговѣнія къ своему высокому призванію и духъ благочестія, есть первое и величайшее зло, съ которымъ мы должны бороться. Вы можете подумать, что это мое замѣчаніе имѣло бы надлежащее мѣсто въ духовной семинаріи, или въ академіи, но вы ошибетесь. Вамъ, дочерямъ духовенства, въ этомъ охлажденіи его къ своему служенію и въ увлеченіи свѣтскими обычаями и пороками принадлежитъ цѣлая половина, и вы можете сдѣлать весьма много добра и пользы въ борьбѣ съ этимъ зломъ.

Я постараюсь указать вамъ, по мѣрѣ силъ моихъ,

свѣтлыя черты дѣятельности, предстоящей образованнымъ женщинамъ въ средѣ православнаго духовенства.

Первое, что требуется отъ образованнаго человѣка при вступленіи его по окончаніи воспитанія на поприще самостоятельной дѣятельности—это осмотрѣться, обсудить общественное значеніе той среды, гдѣ онъ родился, и рѣшить,—можетъ ли онъ оставаться въ ней и приложить свои способности и познанія къ свойственнымъ ей занятіямъ? Эти вопросы въ наше время рѣшаются легко для тѣхъ образованныхъ людей, которые въ слѣдствіе открытаго нынѣ для всѣхъ сословій доступа къ образованію, выходятъ изъ низшихъ слоевъ общества. Образованный юристъ, или медикъ не задумывается надъ тѣмъ, идти ли ему на поприще, указываемое ему спеціальнымъ его образованіемъ, или обратиться къ торговлѣ, или ремеслу, которымъ занимались его родители. Иное положеніе духовныхъ воспитанниковъ и воспитанницъ. Ихъ происхожденіе и образованіе уравниваютъ ихъ съ высшими сословіями государства и для нихъ при выходѣ ихъ на общественную дѣятельность предстоитъ рѣшить: пуститься ли имъ въ такъ называемый свѣтъ съ его разнообразными родами дѣятельности, свободою жизни и доступомъ ко всѣмъ удовольствіямъ, дозволеннымъ обычаями свѣтскому человѣку,—или же остаться въ скромномъ кругу духовенства, гдѣ вѣшнихъ благъ мало, гдѣ служба невидна, гдѣ интересы должны быть сосредоточены въ нравственномъ усовершенствованіи себя и другихъ, что не прельщаетъ юность, жаждущую наслажденій жизни. Говорятъ: „нужда гонитъ молодыхъ людей въ духовное званіе; дѣваться некуда“. Пусть будетъ и такъ для тѣхъ, которые не чувствуютъ внутренняго призванія къ служенію церкви Божіей, а идутъ на это служеніе по нуждѣ.

Но не милліоны ли людей въ государствѣ, гонимые нуждою или привязанные происхожденіемъ къ тому, или другому роду занятій, живутъ и трудятся въ средѣ своего сословія для своего и общаго блага, и находятъ доступныя имъ радости жизни? Благочестивые православныя люди говорятъ, что Богъ судилъ имъ ту, или иную долю, и указалъ путь жизни, который они проходятъ: буди воля Божія! Здѣсь сила въ томъ, чтобы понять и усвоить, какъ говорятъ ученые люди, *идею своего сословія*, чтобы стать на свое дѣло съ сознаниемъ достоинства избраннаго или нуждою указаннаго поприща, такъ какъ нѣтъ труда назначеннаго человѣку Богомъ, т. е. труда честнаго, который бы не имѣлъ важнаго значенія въ общей жизни человѣчества. Не нужда ли нынѣ гонить подъ именемъ воинской повинности всѣхъ нашихъ юношей въ самую тяжкую изо всѣхъ родовъ службы, — военную? Между тѣмъ эта служба признается за весьма важную и почетную, даетъ народамъ героевъ, мучениковъ за благо отечества, высоко чтимыхъ въ потомствѣ. Вотъ нужда и идея сословія! Кто ее понялъ, и ею воодушевился, тотъ не ропщетъ на свое призваніе, не оглядывается по сторонамъ, а идетъ въ дѣло бодро и мужественно, побѣждая трудности и опасности. Иначе онъ нигдѣ не будетъ полезенъ, не заслужитъ уваженія и не будетъ счастливъ, какъ сказалъ Господь: „никто, возложившій руку свою на плугъ, и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія“. (Лук. 9,62).

Духовенство проходитъ свое служеніе въ первыхъ рядахъ того *воинства* (2 Кор. 10, 4), которое подъ знаменемъ Христовымъ подвизается противъ враговъ нашего спасенія для завоеванія всѣмъ вѣрующимъ обѣтованной земли царства небеснаго. Это призваніе такъ и опредѣлилъ Апостоль Павелъ для епископа, а съ

нимъ и для всего духовенства въ посланіи къ Тимоѳею: *ты убо злопостражди, яко добръ воинъ Исусъ Христовъ* (2 Тим. 2, 8.). И если высоко призваніе война, переносащаго труды и лишенія, и умирающаго за Царя и земное отечество, то не выше ли еще воинствованіе за славу Божію и за спасеніе человѣчества? И какъ жены и дѣти героевъ осіяваются славою своихъ мужей и отцовъ, такъ и семейства служителей церкви въ глазахъ христіанъ, понимающихъ значеніе духовенства, окружаются уваженіемъ и попечительностію народа, когда мужья и отцы ихъ съ честію проходятъ поприще своего служенія. Если не всегда это видимъ, то причины охлажденія народа къ намъ не слѣдуетъ ли искать въ нашемъ охлажденіи къ своему служенію?

Что же можетъ сдѣлать образованная женщина въ средѣ духовенства при ясномъ уразумѣніи идеи своего сословія въ качествѣ супруги священника, или родственнаго члена его семьи?

Прежде всего она должна дать въ своемъ лицѣ, въ своей рѣчи, во всемъ обращеніи тотъ свѣтлый, привлекательный образъ убѣжденной христіанки, дышащей чистотою, кротостію и любовію, которымъ такъ утѣшаются благочестивые люди и любители чистой красоты въ изображеніяхъ истинныхъ христіанокъ, оставленныхъ намъ изъ древности великими художниками. Конечно, это не долженъ быть образъ предвзятый, искусственный, лицемѣрный, показной, а долженъ естественно выступать въ лицѣ и поведеніи изъ чистаго сердца и нравственнаго христіанскаго настроенія духа. Не этотъ-ли образъ стараются напечатлѣвать на васъ и всѣмъ вашимъ настоящимъ воспитаніемъ? Удержите его на себѣ, возвысьте его убѣжденіемъ, что вы вступаете въ супружескій союзъ съ служителемъ Божіимъ, или въ дѣвичествѣ причисляетесь къ его семейству, и

родству, въ которомъ на всѣхъ членахъ его должна лежать печать призванія главы его. Не смущайте отцовъ и мужей вашихъ жалобами на стѣсненіе вашей жизни, прихотливыми требованіями въ убранствѣ дома, въ доставленіи вамъ нарядныхъ одеждъ выше ихъ средствъ, порывами къ частымъ выѣздамъ и приѣмамъ гостей, особенно къ свѣтскимъ развлеченіямъ,—и вы откроете имъ просторъ и свободу духа въ исполненіи ихъ обязанностей, отнявъ у нихъ половину заботъ о содержаніи семейства, и охраните ихъ отъ тягостныхъ столкновеній съ вами. Они будутъ выходить на дѣла своего служенія съ спокойнымъ духомъ и возвращаться домой, хотя усталыми, но радостными въ ожиданіи отдыха въ мирной и любящей семьѣ.

Какое примѣненіе можетъ быть сдѣлано изъ получаемого вами образованія въ вашихъ домашнихъ упражненіяхъ? Конечно, не въ чтеніи пустыхъ свѣтскихъ книгъ, которыми такъ щедро награждаетъ насъ современная неразборчивая печать (что однако же не лишаетъ васъ права пользоваться избранными литературными произведеніями), а въ чтеніи сочиненій по близкимъ къ вашему назначенію наукамъ. Для чего нужно умноженіе вашихъ научныхъ познаній? Для вашей просвѣтительной дѣятельности въ приходяхъ,—о чемъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ,—для приобрѣтенія вкуса къ наслажденіямъ ума, которыя для истинно образованнаго человѣка выше свѣтскихъ удовольствій, наконецъ для увеличенія умственнаго запаса, необходимаго для воспитанія вашихъ собственныхъ, или ввѣряемыхъ вамъ дѣтей. Но нужнѣе и выше всего для васъ должно быть приобрѣтеніе болѣе глубокихъ и разностороннихъ познаній въ христіанскомъ ученіи, чѣмъ тѣ, которыя въ видѣ начальныхъ вы получаете здѣсь; а паче всего въ усердномъ, и даже ежедневномъ чтеніи Слова Божія.

Не думайте сами, и не слушайте другихъ, когда будутъ говорить вамъ, что этого слишкомъ много для женщинъ вашего круга, что при недостаточномъ состояніи и при домашнихъ хлопотахъ у васъ не достанетъ для этого времени. Это неправда. Для чтенія полезныхъ книгъ всегда найдется время, особенно въ длинные зимніе вечера, а для ежедневнаго чтенія Священнаго Писанія нужно знать только приемы, употребляемые истинно благочестивыми людьми. У меня пятьдесятъ лѣтъ хранится въ памяти одинъ поразившій меня примѣръ упражненія въ ежедневномъ чтеніи Слова Божія, представленный особою даже не нашего исповѣданія. Бывши молодымъ священникомъ, я рано утромъ пришелъ по дѣлу въ одинъ домъ, гдѣ были разнообразныя жильцы. Проходя въ указанную мнѣ комнату корридоромъ, я увидѣлъ молодую женщину, согнувшуюся на полу передъ голландскою печкою, гдѣ на уголькахъ варился кофе. Въ сумеркахъ ранняго зимняго утра, только свѣтъ изъ печки освѣщалъ женщину, придерживавшую одною рукою кофейникъ, а въ другой державшук маленькую книжку. „Что это вы, сказалъ я, варите кофе и еще читаете въ такомъ неудобномъ положеніи и въ темнотѣ? Что у васъ за книжка?“ „Псалмы“, отвѣчала она. Это была молодая бѣдная учительница, католичка, готовившая свой скудный завтракъ и въ то же время читавшая Слово Божіе. Вотъ, какъ благочестивыя души при всѣхъ затрудненіяхъ находятъ время, чтобы въ утренній часъ, послѣ молитвы озарить свой умъ и сердце свѣтомъ Слова Божія и съ его благодатными впечатлѣніями идти на житейскіе труды и искушенія среди суеты мірской! Нужно ли доказывать, что это возможно для супруги и дочери православнаго священнослужителя? Скоро докажетъ вамъ собственный опытъ, какъ важно,

какъ благотворно для добраго настроенія духа прочтеніе одной главы, даже нѣсколькихъ стиховъ изъ Евангелія, или другой священной книги прежде житейскихъ занятій. Какъ будто совѣтъ друга снабдить васъ предостереженіями отъ соблазновъ, и въ чувствѣ умиленія какъ будто тихая гармоническая пѣснь останется въ вашемъ сердцѣ отъ немногихъ слова Священнаго Писанія. Наконецъ, при вниманіи къ себѣ иногда вы замѣтите, что какъ будто прочитанныя утромъ слова, нарочито даны вамъ въ наставленіе согласно съ обстоятельствами, встрѣченными вами въ теченіе дня. Христосъ будетъ въ вашей душѣ руководителемъ и утѣшителемъ. Не много времени нужно, чтобы вы такъ къ этому чтенію привыкли, и такъ его полюбили, что въ тотъ день, когда вы это опустите, у васъ въ душѣ останется сожалѣніе подобное тому, когда вы утромъ не помолились Богу. Но подумайте, какое доброе впечатлѣніе будетъ производить это благочестивое упражненіе на все ваше семейство, когда оно съ утра будетъ видѣть васъ за такимъ богоугоднымъ дѣломъ!

Теперь посмотримъ, въ чемъ должны выражаться достоинства и преимущества образованной женщины духовнаго сословія внѣ ея дома, въ отношеніяхъ ея къ прихожанамъ мужа или отца? Мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ сельскій приходъ, гдѣ вліяніе образованной и христіански настроенной „матушки“ наиболѣе можетъ быть благотворно.

Внѣ дома она должна съ особенною любовію и благоговеніемъ со всѣмъ семействомъ въ праздники неопустительно являться въ храмъ Божій, гдѣ ея мужъ или отецъ совершаетъ свою высокую и священную службу. Лѣность семейства священнослужителя къ посѣщенію храма Божія, есть дурная рекомендація его дома въ глазахъ прихожанъ. Они здравымъ смысломъ

опредѣлять качества своего пастыря по поведенію его семейства, хотя бы и не знали слова апостольскаго: *аще кто своего дому не умѣетъ правити, како о церкви Божіей прилежати возможетъ?* (I Тим. 3, 5). Какъ должны „матушки“ вести себя въ храмѣ? Что онѣ должны становиться не особенно на виду, какъ будто лица привилегированныя, благоговѣнно и усердно молиться—это всѣмъ понятно; но вотъ что многими изъ нихъ, болѣе или менѣе состоятельными, опускается изъ виду,—это особенности современной женской одежды. Опасайтесь напутывать на себя и на дѣтей вашихъ всѣ нелѣпости современной моды (особенно уѣзднаго мастерства), не соответствующія ни временамъ года, ни потребностямъ сохраненія здоровья, ни чистому вкусу при выборѣ изящнаго. Группа женщинъ разряженныхъ безъ смысла въ странныя для непривычнаго взгляда пестрыя одежды составляетъ яркое и рѣжущее глаза пятно на темномъ фонѣ бѣдной одежды нашего простого народа. Но народъ этотъ уменъ; онъ оцѣнитъ всю женскую суетность въ безусловномъ слѣдованіи всякой модѣ, и не полюбитъ „матушки“, не умѣющей выбрать для себя одѣянія скромнаго и приличнаго. Современная властительница мода—скажемъ кстати—есть язва образованнаго міра нашего времени, развращающая нравственность молодыхъ поколѣній и разоряющая недоедаточныя семейства. Мы безсильны бороться съ этимъ зломъ, но наша обязанность указывать простому народу словомъ и примѣромъ всю безсмысленность ежегодной смѣны одеждъ безъ нужды ради одного вида матеріи, или покроя платья. Будемъ надѣяться, что люди образованные сами когда нибудь поймутъ, какъ унижительно это порабощеніе ихъ промышленникамъ, изъ корыстныхъ видовъ наряжающимъ ихъ въ одежды, часто странныя, неудобныя и вредныя для здоровья.

Въ наше время, благодаря Бога, открываются и особенные пути для сближенія образованныхъ женщинъ духовенства съ народомъ въ видахъ благотворнаго вліянія на него. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаютъ церковно-приходскія школы. Нашимъ дѣвицамъ, какъ вы можете судить по своему училищу, сообщаются не только собственно для нихъ достаточное умственное развитіе и образованіе, но ихъ знакомятъ практически съ современными приемами въ обученіи дѣтей и обращеніи съ ними, а этимъ возбуждаютъ въ нихъ столь свойственную женскому сердцу любовь къ дѣтямъ и ихъ образованію. Обученіе приходскихъ дѣтей въ церковныхъ школахъ есть прямой путь для знакомства и сближенія съ ихъ родителями, и особенно съ ихъ матерями, о чемъ учительницы всячески должны стараться, не чуждаясь ихъ бѣдности и недостатковъ, но имѣя въ виду принести имъ пользу въ нравственныхъ и житейскихъ ихъ потребностяхъ. Ничто не препятствуетъ и супругамъ священниковъ посѣщать церковныя школы своихъ приходовъ,—не въ качествѣ учительницъ, а добротныхъ наблюдательницъ въ школахъ, особенно женскихъ, на что мы съ радостію ихъ уполномочиваемъ. Появленіе въ школѣ „матушки“ доброй и ласковой, и даже молчаливое присутствіе ея при урокахъ съ ободряющимъ взглядомъ на дѣтей, потомъ кроткія замѣчанія имъ послѣ уроковъ о скромности, опрятности, приличіи въ обращеніи съ старшими и сверстниками,—все это окажетъ самое благопріятное впечатлѣніе на дѣтей и ихъ родителей. Дѣти съ радостію будутъ встрѣчать „матушку“, а родители, особенно матери, съ призвательностію отвесутся къ этому участію „матушки“ въ ихъ сердечныхъ заботахъ, свойственныхъ всѣмъ матерямъ, объ участи ихъ дѣтей. Вниманіе къ дѣтямъ поведетъ нашихъ образованныхъ жен-

щинъ къ знакомству съ женскою половиною приходо-
довъ,—забитою, угнетенною невѣжествомъ мужей, и
влекущей бремя своей жизни безъ участія и утѣшенія
со стороны людей лучшихъ, чѣмъ тѣ, какими онѣ окру-
жены. Примите эту мысль къ сердцу. Смотрите со вни-
маніемъ и участіемъ на крестьянокъ,—и бѣдныхъ, и
нескладныхъ, и худо одѣтыхъ; сближайтесь съ ними,
вспоминая Христа Спасителя родившагося въ вертепѣ,
повитаго въ ясляхъ, и принявшаго первое привѣтствіе
отъ пастуховъ. Въ этихъ женщинахъ та же природа,
то же сердце, какъ и въ васъ,—впечатлительное, спо-
собное къ любви горячей, терпѣливой, самоотвержен-
ной. А ихъ вліяніе на мужей можетъ быть такъ же сильно,
какъ во всемъ человѣчествѣ вліяніе женщинъ на мужчинъ;
только нужно дать этому вліянію надлежащее разумное
направленіе. Не пугайтесь трудовъ, какіе вамъ здѣсь
встрѣтятся. Вы войдете въ нихъ тихо, постепенно, безъ
напряженія, между дѣломъ, освоитесь съ ними и ихъ
полюбите. Вамъ не нужно будетъ сзывать крестьянокъ
къ себѣ преднамѣренно, или ходить къ нимъ въ дома;
онѣ сами подойдутъ къ вамъ при выходѣ изъ церкви,
или при встрѣчѣ въ полѣ и на дорогѣ. Отвѣчайте при-
вѣтливо на ихъ поклоны, заговаривайте съ ними ласково,
и вы скоро пріобрѣтете ихъ довѣріе, а при нуждѣ онѣ
и сами придутъ къ вамъ. Вы удивитесь, какъ много иногда
принесетъ пользы минута, посвященная вами этимъ за-
нятіямъ, какъ одно сердечное сказанное вами слово,
при помощи Божіей, благотворно отзовется въ сердцахъ
крестьянки, ищущей утѣшенія и поддержки.

Для этой именно цѣли и нужно для васъ, какъ я ска-
залъ раньше, продолженіе вашего образованія чрезъ
самостоятельное чтеніе научныхъ книгъ. Объясню это
подробнѣе.

Законоучителямъ церковно-приходскихъ школъ пра-

вительствомъ нынѣ предписано знакомить по возможности дѣтей съ расколомъ и разными сектами, распространяющимися нынѣ у насъ съ небывалою силою. Конечно, это полезно. Дѣти хотя по наслышкѣ могутъ знать, какіе у насъ есть враги православной церкви, и какъ нужно ихъ остерегаться. Но вы можете съ успѣхомъ поддержать это вліяніе—не на дѣтей только, но и на семейства ихъ. Вамъ легко при вашемъ образованіи изучить, что такое расколъ, штунда, толстовщина, пашковщина и пр. для того, чтобы при случаѣ предупредить прихожанокъ, что имъ надобно бояться появляющихся нынѣ во множествѣ по деревнямъ распространителей этихъ сектъ и дать имъ простыя и ясныя указанія на признаки, по которымъ можно узнавать ихъ. Самыя простыя, вѣрныя церкви, крестьянки поймутъ, что за люди проповѣдующіе отчужденіе отъ храмовъ Божіихъ и служителей церкви, уничиженіе святыхъ иконъ и угодниковъ Божіихъ, дерзкія мысли о Государѣ и правительствѣ, о присягѣ на вѣрность Царю, о военной службѣ, судахъ и пр. Этими указаніями вы озаботите благочестивыхъ крестьянокъ. Они охотно вступятъ съ вами въ разговоры о вѣрѣ, такъ какъ многихъ изъ нихъ мужья, увлеченные въ секты, силою и побоями принуждаютъ къ принятію „новой вѣры“. Но что особенно важно, вы проникнете въ тайные происки пропагандистовъ, искусно скрывающихся отъ священниковъ и правительства. Вамъ скажутъ крестьянки на ушко: „вотъ, матушка, ты говорила о проходимцахъ, хулящихъ нашу святую вѣру и церковь; у насъ въ деревнѣ былъ такой человѣкъ; собирались къ нему и слушали его наши мужья и дѣти“. Такимъ образомъ вы получите о движеніи сектанства въ вашихъ приходяхъ такія точныя свѣдѣнія, какія трудно добывать священникамъ, и дадите имъ возможность слѣдить за лжеучи-

телями, во-время вразумлять соблазняющихся и обуздывать пропагандистовъ. „Свободные мыслители“, конечно, будутъ говорить намъ, что мы учимъ васъ шпионству, доносамъ вопреки чести и свободѣ совѣсти, но мы скажемъ имъ на это, что если бы за ними самими былъ во время установленъ такой тщательный надзоръ общества и правительства, то мы избѣжали бы многихъ несчастій, постигшихъ наше отечество.

Связь со школами, а чрезъ нихъ и съ семействами прихожанъ откроютъ нашимъ образованнымъ женщинамъ и другіе способы благотворнаго дѣйствованія на прихожанъ. Они могутъ слѣдить за плодами школьнаго обученія крестьянъ съ бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ учителя и сами священники. Говоря съ матерями семействъ объ окончившихъ курсъ ученія ихъ дѣтяхъ, „матушки“ могутъ спрашивать, не забываютъ ли ихъ дѣти грамоту, читаютъ ли книжки вслухъ для всѣхъ домашнихъ, есть ли у нихъ книжки, и какія книжки даютъ имъ изъ другихъ школъ и библиотекъ? Затѣмъ заботливыя „матушки“ могутъ снабжать семейства книгами изъ церковныхъ и своихъ школьныхъ библиотекъ, которыя заводятся всюду, и наконецъ наблюдать успѣшнѣе, чѣмъ сами священники, за распространеніемъ въ народѣ книгъ, разносимыхъ сектантами и издаваемыхъ нашими злонамѣренными просвѣтителями народа. Наконецъ, изучая превосходно въ епархіальныхъ училищахъ, (чѣмъ мы особенно утѣшаемся въ своемъ), церковное пѣніе, „матушки“ могутъ изъ молодыхъ крестьянскихъ женщинъ и дѣвицъ и даже съ дѣтьми составлять хоры для пѣнія по нашимъ обиходамъ, если не въ храмахъ, то на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, что будетъ производить превосходное впечатлѣніе на прихожанъ, и въ чемъ теперь чувствуется недостатокъ. Въ этомъ благомъ дѣлѣ „матушки“, безъ сомнѣнія, найдутъ себѣ

помощниковъ и въ членахъ приходскихъ причтовъ. Въ пріятной перспективѣ можно видѣть въ будущемъ и распространеніе такимъ способомъ употребленія церковныхъ пѣснопѣній въ домашней жизни нашего народа, что такъ желательно для возбужденія въ христіанскихъ сердцахъ чувства благочестія и молитвеннаго настроенія.

Наконецъ, вліяніе нашихъ образованныхъ женщинъ на народъ можетъ быть благотворно въ семейныхъ отношеніяхъ прихожанъ: въ воспитаніи ихъ дѣтей, въ искорененіи суевѣрій и дикихъ способовъ лѣченія у знахарей, въ устроеніи хозяйства, въ распространеніи рукодѣлій и т. под. Сердечное соболѣзнованіе къ женамъ, оскорбляемымъ пьяными и безнравственными мужьями, и другими членами семействъ, каковы: свекровь, деверья, старшая неvěстка и пр. прольетъ утѣшеніе въ сердца скорбящихъ, а осторожное указаніе священникамъ на разстроенныя семейства побудитъ батюшекъ озаботиться вразумленіемъ людей безчинныхъ. Разумныя указанія на обязанности матерей внимательно наблюдать за дѣтьми, за ихъ питаніемъ, хотя скуднымъ, но своевременнымъ и соотвѣтствующимъ дѣтскому возрасту, за предохраненіемъ ихъ отъ побоевъ, отъ вредныхъ игръ, отъ простудъ, безъ сомнѣнія, уменьшитъ въ крестьянствѣ поразительную смертность дѣтей, происходящую всего болѣе отъ неумѣлости и небрежности матерей. Распространеніе популярныхъ книгъ по гигиенѣ и медицинѣ, и благопріятныя виды на умноженіе женщинъ—врачей въ селахъ, съ которыми прежде всѣхъ должны войти въ сношенія „матушки“, откроетъ способы лѣченія крестьянъ простыми и недорогими средствами, успѣшно дѣйствующими на ихъ крѣпкіе организмы. Что же касается до обученія молодыхъ крестьянокъ рукодѣльямъ, которое можетъ быть начато въ

школахъ и распространено на семейства, то значеніе ихъ на упорядоченіе семейнаго быта крестьянъ понятно всякому.

Смѣло можемъ сказать, что первыя „матушки“, которыя вступятъ, перекрестясь, на этотъ указываемый нами путь посильнаго и сообразнаго со склонностями и способностями каждой изъ нихъ служенія благу народа—приведутъ въ восторгъ ихъ прихожанъ, и возрастающая любовь нашего добраго народа къ духовенству будетъ наградою благочестивымъ труженицамъ и ихъ собственнымъ семьямъ.

Я знаю, что представленная мною, такъ сказать, программа дѣятельности нашихъ образованныхъ женщинъ встрѣтитъ возраженія, порицанія и даже насмѣшки. Это обыкновенный пріемъ всякому твердо-христіанскому начинанію оказываемый нынѣ нашими образованными людьми новѣйшаго издѣлія.

Прежде всего конечно скажутъ, что такое строгое благочестивое настроеніе семействъ духовенства и отчужденіе ихъ отъ свѣтскихъ обычаевъ и развлеченій *несовременно*. Но замѣтьте навсегда, что согласіе или несогласіе мысли и дѣйствія съ современнымъ направленіемъ жизни не можетъ быть доказательствомъ ни вѣрности, или ложности мысли, ни достоинства, или незаконности дѣйствія. Философское ученіе о непрерывности механическаго движенія всего міра и съ нимъ челоуѣчества изъ вѣка въ вѣкъ къ совершенству,—на которомъ основано это ученіе объ обязательномъ слѣдованіи за образомъ мыслей и обычаями извѣстнаго времени,—само отжило свой непродолжительный вѣкъ. Ово осуждено уже лучшими современными намъ умами образованнаго міра. Не теченіе свѣтилъ небесныхъ, не смѣны годовыхъ временъ, всегда неизмѣнныя, даютъ направленіе *вѣку*, понимаемому въ смыслѣ извѣстнаго

образа мыслей и дѣйствій людей, а сами-же люди и ихъ дѣятельность. Хороши люди,—заслуживаетъ уваженія *современность*; люди испорчены, вѣкъ развратный,—бѣгите отъ современности къ вѣчнымъ истинамъ и правиламъ жизни христіанскимъ. А нашъ несчастный вѣкъ, славный успѣхами естествознанія и усовершенствованіями во внѣшнемъ общежитіи,—въ нравственномъ отношеніи есть вѣкъ невѣрія, своекорыстія, плотоугодія, политическихъ волненій и безпорядковъ, вѣкъ возвращенія христіанъ къ заблужденіямъ и порокамъ язычества.

Будутъ говорить и въ самомъ духовенствѣ, что указанный мною порядокъ его семейной жизни и характеръ дѣятельности нашихъ образованныхъ женщинъ въ приходахъ „слишкомъ идеальны“. Но во-первыхъ, то и другое совершенно соотвѣтствуетъ *идеѣ духовнаго сословія*. Во-вторыхъ, идеалы христіанства не таковы, какъ измѣнчивые идеалы человѣческой науки, или искусства: они вѣчно истинны, неизмѣнны, и сіяя съ небесной высоты немерцающимъ свѣтомъ зовутъ насъ къ вѣчному усовершенствованію. Стало быть, стремленіе къ нимъ, руководимое Словомъ Божіимъ, постепенное и правильное, никогда не можетъ быть „слишкомъ“ сильнымъ, или доходящимъ до крайностей. Напротивъ, уклоненіе отъ нихъ, ниспаденіе въ пошлую среду нашей свѣтской пустой жизни,—вотъ что страшно для всякаго христіанина, и тѣмъ болѣе для духовнаго сословія.

Можетъ быть, поропнутъ на такія строгія требованія относительно семейной жизни духовенства юныя сердца молодыхъ женъ и дѣвицъ; имъ покажется такая жизнь тяжелою и скучною. Но для чего же имъ дается образованіе? Именно для уразумѣнія истинныхъ интересовъ и благъ жизни, каковы: высшая дѣятельность ума,

удовлетвореніе чистыхъ стремленій сердца въ благоустроенной жизни и семейной любви, и наконецъ, утѣшеніе совѣсти въ благородномъ и спасительномъ трудѣ и подвигѣ. Святой Іоаннъ Златоустъ говоритъ объ истинномъ христіанинѣ: „видишь ли душу твердую, умъ высокій, духъ непоколебимый, который восхищается не вѣнцами только, но утѣшается и подвигами; радуется не наградамъ только, но восторгается и трудами, веселится не отъ воздаянія только, но хвалится и борьбою; прежде вѣнцовъ самые подвиги приносятъ ему великую радость“ ¹⁾.

---

¹⁾ Вездѣ на слова Ап. Павла: не только же, но и хвалимся въ скорбяхъ, видяще, яко скорбь терпѣніе содѣлываетъ и пр. 3.

Основное или Апологетическое Богословіе и его задачи.

Значеніе науки.

Основное, или Апологетическое Богословіе имѣетъ весьма важное значеніе въ общей системѣ богословскихъ наукъ. Особенно это нужно сказать по отношенію къ нашему времени, когда грубое невѣріе повсюду разливается бурнымъ потокомъ, какъ всесокрушающая лава страшнаго вулканическаго изверженія, когда оно все болѣе и болѣе охватываетъ всѣ слои общества и, становясь подъ покровительство мнимой науки, стремится разрушить самыя основы религіозно-нравственной жизни не только отдѣльныхъ лицъ, но цѣлыхъ народовъ и государствъ,—когда чистое ученіе богооткровенной религіи объявляется уже „отсталымъ“ и „отжившимъ“, христіанская вѣра трактуется какъ суевѣріе, а церковь Христова—какъ партійное учрежденіе, препятствующее прогрессу и свободному развитію человѣчества, враждебное наукѣ и просвѣщенію, мѣшающее дѣлу свободнаго устройства общественной и государственной жизни. Когда Будду ставятъ выше Христа, когда христіанство понимаютъ только какъ результатъ естественнаго развитія религіознаго сознанія человѣчества и самое происхожденіе его объясняютъ вліяніемъ различныхъ языческихъ религій—браманства, буддизма, парсизма, египетской или греко-римской мифологіи, когда въ простой мифъ или легенду превращаютъ всю евангельскую исторію, а христіанское ученіе о любви и всепрощеніи искажаютъ и лишаютъ истиннаго смысла и значенія,—тогда нельзя ограничиваться только однимъ положительнымъ или догматическимъ раскрытіемъ богооткровеннаго

христіанскаго ученія. Въ самомъ дѣлѣ,—кто въ наше время удовлетворится ссылкой на авторитетъ вообще и на Божественное Откровеніе въ частности? Спросите объ этомъ любого изъ такъ называемыхъ образованныхъ людей или изъ послѣдователей новѣйшихъ философскихъ міровоззрѣній,—и онъ прямо скажетъ вамъ, что такая ссылка равняется отреченію отъ разума. Теперь все подвергнуто сомнѣнію и недовѣрію; все подлежитъ анализу и критикѣ; требуются факты, основанія, доказательства, а не авторитеты; свидѣтельство разума и внѣшняго опыта ставится выше простоты вѣры и смиренной покорности богооткровенной истинѣ.

Впрочемъ, Основное или Апологетическое Богословіе имѣетъ весьма важное значеніе и само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ особеннымъ потребностямъ нашего или иного времени. Оно не есть простой сборникъ случайныхъ знаній или научныхъ выводовъ. Оно имѣетъ свои корни въ самой сущности Богооткровенной религіи, развивается въ полной гармоніи съ раскрытіемъ въ нашемъ сознаніи истинъ Божественнаго Откровенія, а потому въ дѣйствительности оно лишь стремится удовлетворить самой естественной потребности человѣческаго духа. Конечно, мы можемъ назвать только счастливыми тѣхъ людей, которые, воспринявъ богооткровенныя истины своимъ чистымъ сердцемъ, вполне удовлетворяются своею непосредственною, дѣтскою, не нуждающеюся ни въ какихъ доказательствахъ вѣрою; Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ назвалъ блаженными тѣхъ, которые могутъ усвоить истины вѣры, не требуя никакихъ доказательствъ (Іоан. 20, 29). Но такая чистая непосредственная вѣра есть, къ сожалѣнію, достояніе далеко не всѣхъ; она—даръ Божій, дѣло Божія милосердія; ее внѣдряетъ въ насъ не плоть и кровь, а только одинъ Отецъ нашъ небесный (Мѣ. 16, 17). Большинство людей, напротивъ, прежде усвоенія истинъ вѣры обыкновенно требуетъ доказательствъ; оно, какъ бы подобно Томѣ, говоритъ: „Если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ ребра Его, —не повѣрю“ (Іоан. 20, 25). Но воздержимся отъ осужденія тѣхъ, которые, подобно Томѣ, требуютъ доказательствъ для вѣ-

ры; иначе мы осудимъ саму природу нашу въ ея теперешнемъ состояніи; вѣдь это она заставляетъ насъ требовать такихъ осязательныхъ доказательствъ прежде усвоенія Богооткровеннаго ученія. Религія, на основаніи сверхъестественнаго откровенія, сообщаетъ намъ истины, превосходящія ограниченный разумъ человѣка; она предъявляетъ къ намъ требованія высшаго (абсолютнаго) нравственнаго закона, совершенно независимаго отъ человѣческой воли и неудобопріемлемаго для испорченной грѣхомъ природы человѣческой. Быть исповѣдникомъ богооткровенной религіи—это значитъ усвоить возвѣщаемое ею ученіе, въ нѣкоторыхъ частяхъ таинственное и для ограниченаго разума непостижимое, и подчиниться ея установленіямъ и заповѣдямъ, отказавшись не только отъ своего собственнаго міровоззрѣнія, но и отъ привычнаго образа жизни. Между тѣмъ человѣку свойственно только свой собственный разумъ признавать полноправнымъ судіею въ дѣлѣ отличенія истиннаго отъ ложнаго, только свою волю объявлять нормою своего поведенія. Ясно, что безъ твердыхъ и несомнѣнныхъ основаній, безъ разумныхъ доводовъ и осязательныхъ доказательствъ человѣкъ не можетъ подчинить своего горделиваго ума богооткровенному ученію, свою волю—волѣ Божіей. Но основанія и доказательства богооткровенныхъ истинъ предлагаетъ именно Основное или Апологетическое Богословіе.

Кромѣ того, христіанство, какъ оно утверждаетъ и само, есть единственно истинная, богооткровенная, а потому и все-совершенная или абсолютная религія; ясно, что всѣ другія религіи должны быть признаны ложными и неистинными. Такъ мы вѣруемъ, и въ этомъ мы убѣждены; но одного внутренняго убѣжденія въ этой истинѣ для человѣка, какъ существа разумнаго и мыслящаго, недостаточно. Вѣдь, подобно намъ, христіанамъ, и исповѣдники всѣхъ другихъ религій, магометане, буддисты, евреи и т. д., также утверждаютъ, что только ихъ вѣрованія, только ихъ религіозныя ученія содержатъ истину и именно—истину богооткровенную. Гдѣ же правда и кто заблуждается? Ясно, что, кромѣ внутренняго убѣжденія, нужны еще внѣшнія, объективныя и самыя неопровержимыя доказательства того, что мы не ошибаемся, что погрѣшаютъ исповѣдники

всѣхъ другихъ религій. Но этого можно достигнуть двумя способами: съ одной стороны—отрицательнымъ—черезъ опроверженіе мнѣній противниковъ, съ другой—положительнымъ—черезъ прямое доказательство, что истинною религіею должна быть названа только религія христіанская,—что, какъ увидимъ, и составляетъ главную и существенную задачу такъ называемаго Основного или Апологетическаго Богословія.

Наконецъ, Основное или Апологическое Богословіе, какъ наука, прямо предполагается всею системою богословскихъ наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ раскрытіе и уясненіе ученія Божественнаго Откровенія. Прежде чѣмъ богословъ станетъ излагать содержаніе Божественнаго Откровенія, онъ, конечно, долженъ доказать, что оно дѣйствительно есть откровеніе *божественное*, что истины, сообщенныя Богомъ человѣку, не заключаютъ въ себѣ ни какого противорѣчія, и потому суть истины несомнѣнныя, что онѣ имѣютъ не случайное происхожденіе, а вытекаютъ съ необходимостію съ одной стороны изъ безконечной любви Бога къ человѣку, а съ другой—составляютъ потребность самой природы человѣка, такъ какъ безъ нихъ человѣкъ не могъ бы достигнуть своего спасенія, и, наконецъ, что съ момента сообщенія этихъ истинъ и до настоящаго времени онѣ сохраняются во всей чистотѣ и неповрежденности. И, вотъ, если всѣ богословскія науки излагаютъ вообще то, *что* Богъ сообщилъ человѣку для его спасенія, то Основное или Апологетическое Богословіе указываетъ намъ твердыя и несомнѣнныя основанія нашего убѣжденія въ томъ, что именно *Богъ* сообщилъ людямъ эти истины; если богословскія науки вообще имѣютъ своимъ предметомъ богооткровенную христіанскую религію, то Основное или Апологетическое Богословіе въ частности, какъ первая и основная наука въ системѣ всѣхъ богословскихъ наукъ, доказываетъ намъ объективную истинность и несомнѣнную реальность этой религіи, какъ историческаго факта.

Названія науки.

Послѣ сказаннаго не трудно понять, почему нѣкоторые богословы часто называли и называютъ Основное или Апологе-

тическое Богословіе просто *Введеніемъ въ христіанское богословіе*: оно раскрываетъ тѣ общія и основныя истины, отъ которыхъ исходитъ христіанское Богословіе въ собственномъ смыслѣ. Но это названіе, очевидно, имѣетъ для себя только формальное оправданіе. Въ дѣйствительности, оно не соотвѣтствуетъ вполнѣ самому предмету, какъ и характеру науки, которую оно обозначаетъ, и потому не можетъ имѣть права на особенное предпочтеніе предъ другими названіями.

Нужно вообще замѣтить, что во время своего историческаго развитія Основное или Апологетическое Богословіе носило много различныхъ названій, смотря по тому, какія задачи ему были указываемы, какъ понимали его значеніе въ системѣ другихъ богословскихъ наукъ и какими предметами ограничивали его содержаніе. Но въ настоящее время задачи Основнаго или Апологетическаго Богословія настолько расширены, его объемъ настолько увеличенъ и само оно, какъ наука, испытало такія преобразованія относительно своего содержанія и своихъ методовъ, что всѣ прежнія его названія оказываются уже не точными и не могутъ быть признаны вполнѣ соотвѣтствующими его характеру, содержанію и методамъ.

Такъ, было время, когда теперешнее Основное или Апологетическое Богословіе называли *Общимъ Богословіемъ* (*Theologia generalis*) въ томъ же самомъ, конечно, смыслѣ, въ какомъ у насъ, русскихъ, оно было названо „Введеніемъ въ христіанское богословіе“ (у Макарія и Сидонскаго), потому что имѣло нѣкогда своею задачею—уяснить общія богословскія положенія, предполагаемыя всѣми частными богословскими науками, какъ, напр., о религіи, откровеніи, его источникахъ и церкви, какъ хранительницѣ Божественнаго Откровенія. Но нельзя сказать того, чтобы Основное или Апологетическое Богословіе, въ его теперешнемъ состояніи, имѣло своею задачею разрѣшать лишь одни общія богословскія вопросы или было только пропедевтикою ко всѣмъ вообще богословскимъ наукамъ. Напротивъ, оно имѣетъ свою собственную, точно опредѣленную и *спеціальную* область изслѣдованія, свои методы, свою систему и свои опредѣленныя задачи, а потому и является вполнѣ самостоятельною и *спеціальною* наукою въ системѣ всѣхъ богослов-

скихъ наукъ, находясь однако-же съ ними въ неразрывной внутренней связи. Несомнѣнно съ большимъ основаніемъ можно было бы называть Общимъ Богословіемъ Энциклопедію богословскихъ наукъ, чѣмъ Основное или Апологетическое Богословіе. Во всякомъ случаѣ названіе „Общее Богословіе“, какъ и „Введение въ христіанское богословіе“, въ примѣненіи къ Основному или Апологетическому Богословію, если и можетъ имѣть для себя какое либо оправданіе, то только *формальное*, такъ какъ Основное или Апологетическое Богословіе, дѣйствительно, предполагается, какъ мы видѣли, всѣми другими богословскими науками и такъ какъ безъ него въ общей системѣ богословскихъ наукъ явился бы пробѣлъ, въ настоящее время, при господствѣ невѣрія, особенно замѣтный и ни чѣмъ незамѣнимый.

То же самое нужно сказать, когда, по подражанію другимъ наукамъ, напримѣръ, юридическимъ, гдѣ есть энциклопедія права, Основное или Апологетическое Богословіе называютъ *Энциклопедіею Богословія* или *Богословскою Энциклопедіею* (этого названія нельзя смѣшивать съ *Энциклопедіею богословскихъ наукъ*), потому что оно,—говорятъ,—раскрываетъ только общій взглядъ на основныя предметы христіанскаго Богословія, которые другими богословскими науками раскрываются въ частностяхъ или рассматриваются лишь съ извѣстныхъ сторонъ. Но мы видѣли уже, что Основное или Апологетическое Богословіе совершенно чуждо энциклопедическаго характера и *спеціально* занимается изложеніемъ своего собственнаго предмета изслѣдованія.

Когда въ первой половинѣ настоящаго столѣтія въ первый разъ Основное или Апологетическое Богословіе было введено въ число богословскихъ наукъ, преподаваемыхъ въ С.-Петербургской духовной академіи (по инициативѣ Иннокентія), оно было названо даже *Религіозистикою*, потому что въ то время задачу этой науки хотѣли ограничить только изложеніемъ ученія объ общихъ истинахъ такъ называемой естественной религіи. Но что названіе это было неудачно, ясно доказываетъ то обстоятельство, что отъ него скоро отказались даже тамъ, гдѣ оно первоначально явилось.

Нерѣдко называли Основное или Апологетическое Богословіе

Естественнымъ Богословіемъ или *Рациональнымъ Богословіемъ* (Theologia naturalis, Theologia rationalis), когда задачу его ограничивали (напримѣръ Хр. Вольфъ, Дергамъ, Гукъ, Альфредъ Бари и др.) только изложеніемъ чисто *раціональныхъ* основаній, почерпнутыхъ изъ различныхъ областей *естественнаго* человѣческаго познанія и представляющихъ достаточное доказательство истинъ богооткровенной религіи и разъясненіе ихъ, а его цѣль поставляли только въ раскрытіи того, что составляетъ сущность естественной (не богооткровенной) религіи. Но понимаемое въ такомъ смыслѣ выше приведенное названіе можетъ быть отнесено только къ первой части теперешняго Основнаго или Апологетическаго Богословія, а не ко всей наукѣ вообще. При этомъ нужно имѣть въ виду еще слѣдующее. Во 1-хъ Основное или Апологетическое Богословіе не можетъ ограничиться одними результатами только обыкновеннаго человѣческаго познанія; а во 2-хъ, самое названіе „*Естественное Богословіе*“ или „*Рациональное Богословіе*“, по меньшей мѣрѣ, должно быть признано неудачнымъ и неудобнымъ. Какъ будто бы можетъ быть еще богословіе *не естественное, противуестественное, нерациональное!* Религія можетъ быть сверхъестественною, какъ по своему происхожденію, такъ и по своему существу; но богословская наука *вообще*, уже какъ *наука*, какъ выраженіе человѣческаго сознанія, само собою понятно, всегда можетъ быть только *естественною*.

Не вполнѣ удачнымъ должно быть признано также и названіе Основнаго или Апологетическаго Богословія *системою умозрительнаго богословія* или *системою философской догматики* (на западѣ у Фойгта, Куна, Штауденмайера, Вейссе, Лянге и др.; у насъ—у прот. Ѳ. А. Голубинскаго и Іоанна Смоленскаго). Умозрѣніе предполагаетъ область отвлеченныхъ выводовъ изъ какихъ либо общихъ основаній; умозрѣніе только еще ищетъ высшія истины, стремится къ нимъ и лишь при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ болѣе или менѣе близко подходитъ къ нимъ. Основное или Апологетическое Богословіе какъ наука положительная, напротивъ, уже имѣетъ въ своемъ распоряженіи готовыя, данныя истины и только доказываетъ ихъ при помощи методовъ естественнаго познанія, открыва-

еть ихъ, уясняетъ ихъ нашему сознанию, защищаетъ ихъ отъ нападокъ со стороны невѣрія и ложно поставленнаго *умозрѣнія*, охраняетъ ихъ отъ искаженій. Умозрительное Богословіе или Философская Догматика могутъ быть не только не тождественными съ христіанскимъ богословіемъ, но даже положительно враждебными ему. То обстоятельство, что богословъ—аполугетъ иногда прибѣгаетъ къ выводамъ и приемамъ философіи для опроверженія нападокъ на богооткровенное ученіе, исходящихъ отъ самой же философіи, или вообще для удовлетворенія требованіямъ философствующаго ума, еще не даетъ никакого основанія для превращенія самой богословской науки въ простую философію религіи. Кромѣ философскихъ приемовъ Основное или Апологетическое Богословіе пользуется также результатами наукъ опытныхъ и историческихъ и, во всякомъ случаѣ, имѣетъ свой особый предметъ, свои источники, свои методы, какъ и всякая другая точная наука. Ясно, что указанное названіе развѣ только отчасти можетъ относиться къ Основному или Апологетическому Богословію.

Нѣкоторое время Основное или Апологетическое Богословіе называли (вапр., у Пельта) *Общимъ теологическимъ ученіемъ о принципахъ* (Allgemeine theologische Principienlehre); но по своей неточности и неопредѣленности, и это названіе не могло удержаться надолго.

Многіе ученые богословы (Заккъ, Дрей, Фозенъ, Штейнъ, Деличъ, Баумштаркъ, Дорнеръ, Эбрардъ, Вейссъ, Шандъ, Гутберлетъ, Штеуде,—а у насъ проф. Н. П. Рождественскій) называютъ Основное или Апологетическое Богословіе просто *Апологетикою христіанства* или *Христіанскою Апологетикою, Апологіею*. Это названіе находитъ свое оправданіе въ томъ, что обозначаемая имъ наука, дѣйствительно, имѣетъ въ виду апологію или защиту христіанской религіи отъ возраженій и нападокъ на ея вѣроученіе и нравоученіе со стороны людей невѣрующихъ или даже враждебныхъ къ истинамъ Божественнаго Откровенія. Но это также не можетъ быть признано вполне точнымъ и соответствующимъ какъ предмету, такъ и характеру Основного или Апологетическаго Богословія при той постановкѣ, которая ему указывается въ настоящее

время. Основное или Апологетическое Богословіе вовсе не имѣетъ въ виду исключительно одну полемику съ невѣріемъ или борьбу съ нападками и возраженіями противниковъ: это лишь отрицательная сторона его. Напротивъ въ настоящее время ему указываютъ болѣе положительныя, чѣмъ отрицательныя задачи: раскрытіе и уясненіе основныхъ истинъ богооткровенной религіи при помощи методовъ естественнаго познания, а также и того взаимнаго отношенія, которое существуетъ между этими истинами. Послѣ этого понятно само собою, что названіе *Апологетика* можетъ быть удерживаемо только въ томъ случаѣ, если цѣль науки, односторонне понимаемая, ограничивается лишь защитой вѣроученія и нравоученія христіанской религіи отъ нападковъ и возраженій со стороны невѣрія и если изъ Основнаго или Апологетическаго Богословія исключается цѣлый отдѣлъ (обыкновенно—первый) о религіи вообще и о религіи естественной.

Наконецъ, даже названіе нашей науки просто *Основнымъ Богословіемъ* (*Theologia fundamentalis*), хотя оно и древнѣйшее изъ всѣхъ, также не можетъ быть признано совершенно точнымъ и вполне соответствующимъ ея предмету. Правда, Основное или Апологетическое Богословіе излагаетъ истины богооткровенной религіи главныя, существенныя и основныя; но развѣ Догматическое Богословіе или Нравственное Богословіе имѣютъ своимъ предметомъ лишь несущественныя и второстепенныя истины? Ученіе о Богѣ, Его существѣ и свойствахъ, объ искупленіи падшаго человѣчества, о вѣчной жизни и мздовоздаяніи, составляющее предметъ такъ называемаго Догматическаго Богословія,—развѣ это не основныя истины христіанской религіи? Правда, характеръ и методы изложенія этихъ истинъ въ Основномъ или Апологетическомъ Богословіи иные, чѣмъ въ Догматическомъ; но тогда и названіе науки нужно ставить въ связь съ ея характеромъ и методами, а не съ однимъ только предметомъ ея изслѣдованія.

Впрочемъ, уже одно то обстоятельство, что для одной и той же науки существуетъ множество названій, изъ которыхъ одно постоянно стараются замѣнить другимъ, повидимому, болѣе подходящимъ и точнымъ, ясно говоритъ каждому, что не всѣ

эти названія равно удовлетворительны и что не всѣ они одинаково точно обозначаютъ содержаніе, характеръ и методы науки. Мы удерживаемъ названіе *Апологетическаго или Основнаго Богословія* не потому однако-же, что находимъ его единственно-соотвѣтствующимъ предмету и характеру науки, а потому, что оно *ближе* другихъ выражаетъ какъ ея содержаніе, такъ и характеръ ея изложенія. Слово,— „*апологетическое*“ мы относимъ къ характеру изложенія нашей науки и ея отрицательной задачѣ, а слово— „*основное*“,—къ ея предмету.

Впрочемъ, нужно вообще замѣтить, что неточность названія той или другой науки—дѣло обыкновенное и, при непрерывномъ развитіи человѣческихъ знаній, совершенно естественное. Мало этого; исторія развитія наукъ ясно свидѣтельствуетъ вамъ, что очень часто неточное названіе науки получало такія широкія права „гражданства“, что навсегда осталось за тою или другою наукою, не смотря на протесты отдѣльныхъ ученыхъ. Такъ, напримѣръ, бывший ректоръ с.-петербургской духовной академіи, извѣстный ученый богословъ І. Л. *Яншинъ* совершенно справедливо находилъ неточнымъ названіе *Нравственнаго Богословія* и рекомендовалъ измѣнить его въ *Православно-христіанское ученіе о нравственности*; но—что же?—и въ настоящее время *Нравственное Богословіе* продолжаетъ удерживать свое названіе повсюду и—прежде всего—въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, въ ихъ уставахъ, программахъ и отчетахъ. Неточно, можно сказать, и самое названіе *Богословіе* для тѣхъ наукъ, которыя оно обозначаетъ, такъ какъ *Богословіе* излагаетъ ученіе не о Богѣ только, но и о человѣкѣ, его духовной природѣ и безсмертіи, его нравственной дѣятельности, его паденіи, его спасеніи, конечной цѣли его бытія, и Богословіе поэтому приличнѣе всего было бы опредѣлять какъ науку о царствіи Божіемъ; но названіе этой науки Богословіемъ слишкомъ старо для того, чтобы говорить о необходимости замѣны его какимъ либо инымъ болѣе точнымъ.

Самостоятельность науки.

Неточность названія нашей науки, безъ сомнѣнія, зависитъ больше всего отъ того обстоятельства, что Основное или Апо-

логетическое Богословіе есть сравнительно *наука* новая, еще находящаяся, такъ сказать, въ процессѣ своего развитія. Ея задачи понимаются различно; ея методы часто подвергались измѣненіямъ. Она имѣла и имѣетъ много противниковъ даже среди богослововъ церковнаго направленія, которые отказываютъ ей въ самостоятельности, а потому признаютъ ее излишнею и ненужною. Такъ, какъ мы видѣли, въ с. петербургской духовной академіи Основное или Апологетическое Богословіе, подъ именемъ Религіозистики, было введено Иннокентіемъ въ число академическихъ наукъ; но уже ректоръ той же академіи *Іоаннъ*, бывшій впоследствии смоленскимъ епископомъ, сдѣлалъ довольно категорическое заявленіе о закрытіи этой кафедры, какъ совершенно излишней и ненужной, по несамостоятельности самой науки. И въ этомъ взглядѣ на Основное или Апологетическое Богословіе нашъ ученый не былъ одинокимъ. Такъ же смотрѣли на него и многіе западные ученые, какъ, напр., *Розенкранцъ*, *Толюккъ*, *Пальмеръ* и всѣ представители такъ называемаго *спекулятивнаго* богословія, отвергавшіе всякое значеніе Основнаго или Апологетическаго Богословія, какъ самостоятельной науки, на томъ основаніи, что оно будто-бы не имѣетъ ни самостоятельныхъ принциповъ, ни оригинальнаго содержанія, ни собственныхъ методовъ, а заимствуетъ ихъ изъ другихъ наукъ.

Въ частности, по мнѣнію указанныхъ ученыхъ, Основное или Апологетическое Богословіе заимствуетъ свое содержаніе изъ философіи и потому сливается съ такъ называемою философіею религіи; съ другой стороны оно почерпаетъ свое содержаніе изъ Догматическаго Богословія и, хотя старается понять христіанскіе догматы только съ философской точки зрѣнія, но чрезъ это все таки не приобрѣтаетъ значенія самостоятельной науки, являясь лишь апологетическою частью Догматическаго Богословія или философскою догматикою. Кроме того, оно обогащаетъ свое содержаніе заимствованіями познаній изъ области наукъ историческихъ и опытныхъ. Наконецъ, Основное или Апологетическое Богословіе не можетъ быть будто бы признано самостоятельною наукою и потому, что своею задачею оно ставитъ защиту богооткровеннаго ученія отъ возраженій и

нападковъ со стороны рационализма и невѣрія, а самостоятельная наука не можетъ-де носить только *отрицательнаго* характера.

Но дѣйствительно ли эти мнѣнія указанныхъ ученыхъ настолько основательны, что, соглашаясь съ ними, мы должны отказать Основному или Апологетическому Богословію въ правѣ быть самостоятельною наукою.

Если внимательно вникнуть въ приведенныя мнѣнія, то окажется, что онѣ частію основываются на недоразумѣніи, частію объясняются неудовлетворительнымъ состояніемъ и одностороннимъ пониманіемъ задачъ Основного или Апологетическаго Богословія. Само собою разумѣется, что Основное или Апологетическое Богословіе нельзя признавать самостоятельною наукою въ томъ смыслѣ, что, по своему содержанію и по своимъ методамъ, оно совершенно не зависитъ ни отъ какихъ другихъ наукъ, что оно существуетъ какимъ-то особнякомъ, внѣ связи съ другими науками, и имѣетъ свой предметъ, котораго ни съ какой стороны и ни въ какомъ отношеніи не касается уже никакая другая богословская или философская наука. На самомъ дѣлѣ Основное или Апологетическое Богословіе есть только одна изъ самостоятельныхъ отраслей той единой общей науки, которая называется *Богословіемъ*, подобно тому, какъ напр., анатомія есть одна изъ самостоятельныхъ отраслей медицины и т. п.

Основное или Апологетическое Богословіе не только имѣетъ, но и должно имѣть въ своемъ содержаніи много пунктовъ соприкосновенія съ другими богословскими науками и въ особенности—съ Догматическимъ Богословіемъ, какъ главною и важнѣйшею богословскою наукою. Но въ Основномъ или Апологетическомъ Богословіи эти пункты христіанскаго ученія освѣщаются совершенно другимъ свѣтомъ и совершенно съ другихъ сторонъ, чѣмъ въ догматическомъ богословіи или иныхъ богословскихъ наукахъ. Поэтому Основное или Апологетическое Богословіе отличается отъ Догматическаго Богословія прежде всего своимъ характеромъ и своимъ методомъ, не выходящими изъ границъ естественнаго человѣческаго познанія. Но обѣ эти науки не менѣе существенно различаются между собою и въ отно-

шеніи къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ онѣ черпаютъ свое содержаніе. Догматическое Богословіе, какъ наука вѣры, заимствуетъ свое содержаніе и свои доказательства непосредственно изъ св. Писанія и св. Преданія, уже напередъ признавая ихъ дѣломъ Божественнаго Откровенія; Основное или Апологетическое Богословіе напротивъ еще только ставитъ себѣ цѣль—доказать, что св. Писаніе и св. Преданіе суть дѣло Божественнаго Откровенія, но свое содержаніе оно заимствуетъ изъ философіи, исторіи, естествознанія, сравнительнаго изученія религій, сравнительнаго языковѣдѣнія и т. д.; если оно пользуется также книгами св. Писанія или св. Преданіемъ, то не признаетъ ихъ уже съ самаго начала источниками вѣры или дѣломъ Божественнаго Откровенія, но смотритъ на нихъ только какъ на историческіе памятники, божественное происхожденіе которыхъ оно еще только имѣетъ доказать. Догматическое Богословіе, пользуясь научными методами и приемами, только раскрываетъ со всею обстоятельностью ученіе Божественнаго Откровенія и потому имѣетъ свое *непосредственное* значеніе для тѣхъ лицъ, которыя не сомнѣваются въ самомъ божественномъ происхожденіи этого Откровенія, т. е., для лицъ *вѣрующихъ* въ бытіе личнаго Бога и возможность Откровенія. Основное или Апологетическое Богословіе, напротивъ, имѣетъ въ виду не столько вѣру, сколько разумъ; оно рассматриваетъ не только религію вообще, но и богооткровенную религію какъ психологическое явленіе съ одной стороны и какъ историческій фактъ—съ другой. Оно не излагаетъ со всею обстоятельностью и во всѣхъ подробностяхъ ученія Божественнаго Откровенія, но только въ систематическомъ порядкѣ представляетъ намъ всѣ тѣ основанія и доказательства, которыя ясно свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ божественномъ происхожденіи этого Откровенія. Такимъ образомъ и при соприкосновеніи по своему содержанію въ нѣкоторыхъ частяхъ съ Догматическимъ Богословіемъ Основное или Апологетическое Богословіе вовсе не лишается своей самостоятельности.

Что сказано здѣсь объ отношеніи Основнаго или Апологетическаго Богословія къ Догматическому, то же самое должно быть сказано и объ его отношеніи къ Нравственному Богословію.

Но меньше всего оснований смѣшивать Основное или Апологетическое Богословіе съ философіею религіи. Это двѣ области знанія совершенно различныя какъ по своему методу, такъ и по своему содержанію. Философія религіи имѣетъ предметомъ своего изслѣдованія религію вообще, только какъ фактъ духовной жизни человѣчества; Основное или Апологетическое Богословіе имѣетъ въ виду только религію опредѣленную, данную во времени, какъ фактъ историческій, не субъективный только, но и объективный. Правда, въ своей первой или общей части Основное или Апологетическое Богословіе нерѣдко пользуется результатами философій религіи, какъ необходимымъ матеріаломъ, но лишь настолько, насколько эти результаты могутъ служить къ уясненію религіи какъ явленія историческаго и притомъ даннаго чрезъ непосредственное Божественное Откровеніе. Въ этомъ отношеніи Основному или Апологетическому Богословію можетъ принадлежать только среднее мѣсто между философіею религіи и христіанскою догматикою; ибо если результаты философскаго познанія оно можетъ воспринимать лишь въ свѣтѣ Божественнаго Откровенія, какъ несомнѣнной истины, уже имъ доказанной, то съ другой стороны и истины богооткровенной религіи оно должно уяснять не иначе какъ при помощи методовъ естественнаго познанія, т. е., на основаніи доводовъ здраваго разума или философій религіи. Такимъ образомъ Основное или Апологетическое Богословіе не есть ни философія религіи, ни христіанская догматика, но оно должно вести человѣка отъ философій къ догматикѣ, а содержаніе догматики—уяснять доводами философій; оно должно представить полный синтезъ вѣры и разума; въ немъ вѣра должна быть уяснена разумомъ, а разумъ долженъ найти свое восполненіе въ вѣрѣ.

Что Основное или Апологетическое Богословіе, заимствуя свое содержаніе отчасти изъ историческихъ наукъ, отчасти изъ естествознанія, сравнительнаго изученія религій, сравнительнаго языкознанія и т. п., не теряетъ чрезъ то своей самостоятельности, это понятно каждому. Вѣдь не отказываемъ же мы въ самостоятельности догматическому богословію или православно-христіанскому ученію о нравственности только на

томъ основаніи, что они заимствуютъ свое содержаніе изъ книгъ св. писанія или изъ св. преданія. Основное или Апологетическое Богословіе не изучаетъ самыхъ законовъ природы и ихъ дѣйствій; оно не дѣлаетъ различныхъ опытовъ и экспериментовъ, подтверждающихъ или отвергающихъ какіе либо законы природы; оно смотритъ на природу только какъ на твореніе Божіе, ясно говорящее человѣческому разуму о бытіи и промышленіи Бога, какъ его Творца. То же самое нужно сказать и объ отношеніи Основного или Апологетическаго Богословія ко всѣмъ другимъ опытнымъ наукамъ и въ томъ числѣ къ наукамъ историческимъ. Дѣйствительно, Апологетическое Богословіе заимствуетъ въ историческихъ наукахъ очень многія свои доказательства; но иначе и быть не можетъ, такъ какъ предметомъ своего изслѣдованія оно имѣетъ богооткровенную религію, которая есть несомнѣнный историческій фактъ, данный во времени и находящійся поэтому въ связи съ другими историческими фактами. Послѣдніе, принятые въ область Основного или Апологетическаго Богословія, подчиняются однако-же уже совершенно иной идеѣ, чѣмъ въ историческихъ наукахъ. Здѣсь они представляютъ интересъ не просто какъ историческіе факты, а какъ данныя во времени реальныя доказательства божественнаго происхожденія христіанской религіи.

Наконецъ, указаніе на *отрицательный* только характеръ Основного или Апологетическаго Богословія, равно какъ и смѣшеніе его съ простою полемикою, имѣющею въ виду лишь опроверженіе возраженій противниковъ богооткровенной религіи, основываются просто на надоразумѣніи или на невѣрномъ и одностороннемъ пониманіи того, что составляетъ задачу Основного или Апологетическаго Богословія. Какъ увидимъ ниже, Основное или Апологетическое Богословіе имѣетъ своею задачею не только опроверженіе возраженій, направляемыхъ противъ истинъ Божественнаго Откровенія, но и уясненіе или положительное раскрытіе этихъ истинъ для доказательства ихъ божественнаго происхожденія; а это значитъ, что оно должно носить не только отрицательный, но и положительный характеръ.

Опредѣленіе науки.

Возраженія противъ самостоятельности Основнаго или Апологетическаго Богословія, какъ науки, могло явиться лишь вслѣдствіе того, что многіе ученые имѣютъ совершенно ложное понятіе о немъ. Поэтому намъ необходимо установить точное опредѣленіе Основнаго или Апологетическаго Богословія, какъ науки вполнѣ самостоятельной.

Въ богословской литературѣ можно встрѣтить многія и довольно разнообразныя опредѣленія Основнаго или Апологетическаго Богословія. Но не всѣ эти опредѣленія одинаково вѣрны и не съ одинаковою точностію указываютъ существенныя признаки, входящія въ понятіе нашей науки. Неточность этихъ опредѣленій главнымъ образомъ зависитъ отъ того, что ученые богословы, которымъ принадлежатъ эти опредѣленія, не согласны между собою въ рѣшеніи вопроса: въ чемъ должны заключаться задачи Апологетическаго Богословія? Вслѣдствіе этого системы этой богословской науки отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ по своему содержанію, построенію, плану и методамъ.

Шлейермахеръ первый ввелъ христіанскую апологетику въ систему богословскихъ наукъ; но онъ еще не признавалъ за нею полной научной самостоятельности; она была для него только одною изъ двухъ частей его философскаго богословія. Такимъ образомъ *Шлейермахеръ* первый отождествилъ Основное или Апологетическое Богословіе съ философіею религіи. Въ этой наукѣ онъ смотритъ на христіанскую религію только съ ея общей или теоретической стороны, какъ можетъ трактовать о ней и такъ называемое „Естественное Богословіе“ въ различныхъ философскихъ системахъ, но христіанства, какъ историческаго факта, *Шлейермахеръ* еще не признавалъ предметомъ Основнаго или Апологетическаго Богословія.

Между тѣмъ *Шлейермахеръ* имѣлъ обширный кругъ своихъ послѣдователей, а потому его взглядъ на христіанскую апологетику долгое время господствовалъ среди многихъ ученыхъ западно-европейскихъ богослововъ. Такъ, даже католическій апологетикъ христіанства—*Дрей* въ своей системѣ апологетическаго бого-

словія опредѣляетъ христіанскую апологетику только какъ теорію Божественнаго Откровенія, какъ философію христіанства и какъ доказательство его тожества или совпаденія съ идеею откровенія. Вліяніе Шлейермахера сказалось также на возрѣніяхъ *Эрлиха и Вейтбрехта*, по опредѣленію которыхъ христіанская апологетика есть наука, представляющая въ организмѣ всѣхъ другихъ наукъ только переходную ступень отъ философіи къ богословію.

Если не вполне невѣрно, то во всякомъ случаѣ неточно и то опредѣленіе Апологетическаго Богословія или Христіанской Апологетики, по которому самымъ существеннымъ признакомъ этой науки объявляется лишь *защитеніе* христіанскихъ истинъ. Такое опредѣленіе мы встрѣчаемъ, на примѣръ, у извѣстнаго нѣмецкаго ученаго апологета христіанской религіи—*I. Г. А. Эбрарди*. „По буквальному значенію, говоритъ онъ, Апологетика есть наука о защитѣ (*απολογεῖσθαι*), т. е., наука или руководство, которое подвергаетъ изслѣдованію сущность защиты и, слѣдовательно, сущность апологетической дѣятельности, и изъ этой сущности выводитъ правильный методъ“. Примѣняя это общее опредѣленіе къ апологетикѣ христіанства и указывая на особенность послѣдней, состоящую въ томъ, что она носитъ не только теоретическій, но и практическій характеръ, Эбрардъ дѣлаетъ такое опредѣленіе: „Христіанская Апологетика или—что то же—Апологетика Христіанства есть наука объ апологіи христіанства“. Наконецъ, изъ самой сущности Христіанской Апологетики Эбрардъ выводитъ ея опредѣленіе, которое онъ формулируетъ уже такимъ образомъ: „Апологетика есть та наука, которая изъ сущности самаго христіанства выводитъ, какіе вообще *возможны* роды нападеній, какія *стороны* христіанской истины *могутъ* подвергаться нападенію, и какіе ложные принципы лежатъ въ основаніи этихъ нападеній. Апологетика есть наука о защитѣ истинности христіанства“.

Это опредѣленіе мы назвали неточнымъ потому, что Христіанская Апологетика, понимаемая только какъ защита христіанства, предполагаетъ лишь устраненіе возраженій со стороны противниковъ; а это, какъ мы отмѣтили уже, составляетъ одну отрицательную сторону христіанскаго апологетическаго

богословія. Но съ опредѣленіемъ Христіанской Апологетики, которое предлагаетъ Эбрардъ, нельзя согласиться еще по слѣдующему основанію. „Апологетика, говоритъ Эбрардъ, есть наука, которая *изъ сущности самаго христіанства* выводитъ, какіе вообще возможны роды нападеній, какіе стороны христіанской истины могутъ подвергаться нападенію“ и т. д. Выходитъ, какъ будто-бы въ самой сущности христіанства находятся такія слабыя стороны, которыя сами собою подають поводъ къ различнаго рода вападкамъ и возраженіямъ и что какъ будто-бы эти возраженія развиваются не на враждебной христіанству почвѣ, а, такъ сказать, естественно вытекають изъ самой сущности христіанской религіи или Божественнаго Откровенія. Но подобныя предположенія совершенно немислимы—особенно для христіанскаго апологета. И эта *неточность* опредѣленія Христіанской Апологетики тѣмъ болѣе страшна, что въ другомъ мѣстѣ самъ Эбрардъ утвердительно говоритъ: „Апологетика должна доказывать истинность христіанства противъ такихъ нападеній, которыя, *родившись на почвѣ внѣхристіанскаго и противухристіанскаго сознанія и мышленія*, имѣють въ виду вѣчныя истины христіанства, *какъ истины*, и отвергають ихъ“.

Не выше только-что приведеннаго стоятъ и другія опредѣленія Апологетическаго или Основнаго Богословія, встрѣчаемыя у различныхъ западно-европейскихъ богослововъ-апологетовъ.

Такъ *Лехлеръ* ¹⁾ опредѣляетъ Апологетическое Богословіе какъ „научное доказательство христіанской религіи, какъ абсолютной“. Развивая это опредѣленіе частнѣе, Лехлеръ, подобно тому, какъ впоследствии и Эбрардъ, приходитъ къ тому заключенію, что Христіанская Апологетика есть, собственно, наука христіанской апологіи, т. е., защиты христіанства, а это, по его собственному объясненію, можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что она есть научное изложеніе основаній, по которымъ должно быть защищаемо христіанское ученіе, подобно тому, какъ гомилетика есть теорія проповѣдничества, риторика—теорія словесныхъ произведеній и т. п. Само собою по-

¹⁾ Theolog. Studien u. Kritiken, 1838. Heft 3. стр. 596 и сл. Ueber den Begriff der Apologetik.

нятно, что такое опредѣленіе совершенно не соотвѣтствуетъ той наукѣ, которая называется Основнымъ или Апологетическимъ Богословіемъ. Впрочемъ, исторія этой науки заставляетъ самаго Лехлера отказаться отъ его опредѣленія,—и онъ переходитъ къ другому, по которому Апологетика уже относится къ апологіи не какъ теорія къ практическому примѣненію ея началъ, а какъ научное изложеніе къ популярному; предметомъ же этого „научнаго изложенія“ является христіанская религія какъ религія абсолютная.

Но и это „опредѣленіе“, очевидно, не можетъ быть признано вѣрнымъ и точнымъ опредѣленіемъ Основного или Апологетическаго Богословія. Оно слишкомъ общо и неясно. Допустимъ, что предметомъ Апологетическаго Богословія является „христіанская религія какъ религія абсолютная“; но развѣ предметомъ Догматическаго или Нравственнаго Богословія служить какая либо другая христіанская религія—не абсолютная? Каждому извѣстно, что христіанская религія, и притомъ именно какъ единая истинная и абсолютная, составляетъ предметъ общій для всѣхъ богословскихъ наукъ. Поэтому критики Лехлера совершенно справедливо замѣчаютъ, что въ своей статьѣ „Ueber den Begriff der Apologetik“ Лехлеръ меньше говоритъ о понятіи Апологетики, чѣмъ объ ея матеріи и методѣ, и что онъ выпустилъ изъ виду, что Христіанская Апологетика имѣетъ своимъ предметомъ не христіанство вообще, что она не есть наука о христіанской религіи вообще, а только—наука объ *основаніяхъ* или *доказательствахъ* христіанской религіи, какъ единой, истинной и абсолютной.

По опредѣленію *Геннеля*, Апологетическое или Основное Богословіе есть „наука объ общемъ основаніи для Церкви и богословія“. Несостоятельность этого опредѣленія весьма кратко, но мѣтко показываетъ *Эбрардъ*, когда говоритъ: „въ такомъ опредѣленіи нѣтъ никакого опредѣленія. Основаніе какъ Церкви, такъ и богословія—Иисусъ Христосъ, и въ такомъ случаѣ Апологетика была бы наукою о Христѣ!“ Между тѣмъ, согласно данному опредѣленію, *Генель* полагаетъ и самую задачу Апологетическаго или Основного Богословія лишь въ защитѣ Церкви, какъ учрежденія, въ которомъ христіанская религія внѣш-

нимъ образомъ раскрываетъ свое содержаніе, а не въ доказательствѣ божественнаго происхожденія христіанства, которое у него является не какъ вѣчто объективно данное, а только какъ чисто субъективная вѣра.

Нельзя назвать удачными также и тѣхъ опредѣленій, которыя мы встрѣчаемъ у *Клейкера* и *Закка*. Первый подъ именемъ Христіанской Апологетики или—что то же—Апологетическаго Богословія разумѣетъ „науку доказательства истинности и божественнаго происхожденія христіанской религіи, точно также какъ и вообще Божественнаго Откровенія, содержащагося въ Библии, вмѣстѣ съ примѣненіемъ этой науки къ дѣйствительному приведенію доказательствъ и къ ихъ оправданію“. Эту же самую мысль, хотя и кратче, выражаетъ *Заккъ*, опредѣляя Христіанскую Апологетику такимъ образомъ: „Христіанская Апологетика есть богословская наука объ основѣ христіанской религіи, какъ божественнаго факта, и этимъ она отличается отъ всякой другой отрасли богословія“. Нельзя однако-же согласиться съ этими учеными въ томъ, что, строго раздѣляя въ богооткровенной (христіанской) религіи идеальную и реальную стороны, т. е., ученіе и его фактическое изложеніе, они первое дѣлаютъ предметомъ изслѣдованія Догматическаго Богословія, а задачу Христіанской Апологетики полагаютъ лишь въ доказательствѣ божественнаго происхожденія христіанства чрезъ простую ссылку на свидѣтельства однихъ внѣшнихъ фактовъ; между тѣмъ какъ весьма важныя доказательства этой истины съ удобствомъ могутъ быть заимствованы также изъ внутренняго содержанія и характера самой христіанской религіи, т. е., изъ чистоты и возвышенности христіанскаго ученія.

Баумштаркъ, исходя, подобно *Эбрарду*, изъ общаго понятія объ апологетикѣ, какъ наукѣ апологіи, такъ опредѣляетъ Христіанскую Апологетику: „Апологетика есть научная защита христіанства или защита христіанства какъ наука. При этомъ (говоритъ онъ далѣе) само собою разумѣется, что какъ вообще никакая истинная защита не можетъ быть безъ доказательства, такъ въ особенности въ этой наукѣ не можетъ быть вовсе защиты безъ указанія положительныхъ основаній. Такимъ обра-

зомъ мы приходимъ къ дальнѣйшему положенію: Апологетика есть научное доказательство христіанской религіи. Она должна показать, что эта религія дѣйствительно есть то, чѣмъ она хочетъ быть и чѣмъ ее почитаютъ ея вѣрующіе послѣдователи,—*религіею абсолютною*“. Обобщая затѣмъ понятія *защиты* и *доказательства* въ одномъ болѣе обширномъ понятіи *оправданія*, Баумштаркъ, наконецъ, предлагаетъ такое опредѣленіе Христіанской Апологетики, какъ науки: „Апологетика есть научное оправданіе христіанской религіи какъ абсолютной“.

Это опредѣленіе довольно вѣрно указываетъ какъ предметъ, такъ и общее содержаніе Апологетическаго или Основнаго Богословія; но оно выражено въ довольно неудобной формѣ, могущей повести къ недоразумѣніямъ. Дѣло въ томъ, что *оправданіе* предполагаетъ если не виновность, то, по крайней мѣрѣ, возможность нѣкоторой виновности,—поводъ къ разнаго рода обвиненіямъ и нападкамъ. Но Божественное Откровеніе, сообщающее абсолютную и вѣчную истину, само по себѣ не нуждается ни въ какомъ оправданіи, ни въ какой защитѣ. Христіанскіе апологеты, опровергая всевозможныя возраженія и нападки на истины Божественнаго Откровенія со стороны противниковъ, въ сущности имѣютъ дѣло не съ самими истинами Божественнаго Откровенія, а съ *сознаніемъ* противниковъ этихъ истинъ, которое, по какимъ либо причинамъ, получило ложное, не христіанское или даже противухристіанское направленіе, и, опровергая возраженія противъ христіанскихъ истинъ, они, собственно говоря, этимъ указываютъ противникамъ христіанства только на то ложное направленіе, которое принято ихъ сознаніемъ. Вотъ почему мы считаемъ положительно неудобнымъ опредѣлять Христіанскую Апологетику или Основное Богословіе какъ науку, имѣющую своимъ предметомъ *оправданіе* христіанской религіи, какъ религіи абсолютной.

Въ системахъ Христіанской Апологетики, Основнаго Богословія и Введенія въ Православное Богословіе, изданныхъ на русскомъ языкѣ (разумѣемъ *Макарія, Рождественскаго*, проф. *А. Кудрявцева* и прот. *А. Знаменскаго*), нѣтъ точно формулированнаго опредѣленія нашей науки; его замѣняетъ или описаніе или краткое обозначеніе задачъ Основнаго Богословія.

Только въ Руководствѣ къ *Основному Богословію*, составленномъ бывшимъ ректоромъ литовской духовной семинаріи, а впоследствии епископомъ, *Августиномъ*, предлагается такое опредѣленіе: „*Введеніе въ Православное Богословіе* представляетъ собою систематическое изложеніе основаній въ пользу истины о божественномъ происхожденіи и божественномъ достоинствѣ христіанства, какъ религіи богооткровенной, сохраняемой во всей цѣлости и неповрежденности въ церкви Православной“.

Это опредѣленіе также не отличается надлежащею полнотою и обстоятельностью. Въ немъ указывается лишь одна положительная сторона науки—существенная и главнѣйшая,—по не отмѣчается другая—отрицательная, хотя въ дѣйствительности въ своемъ „Руководствѣ“ преосвященный составитель его постоянно обращаетъ вниманіе и на эту сторону своей науки и представляетъ довольно основательныя опроверженія важнѣйшихъ возраженій, направленныхъ противъ основныхъ истинъ Божественнаго Откровенія со стороны его противниковъ.

Впрочемъ, опредѣленіе Основнаго или Апологетическаго Богословія, предложенное преосвященнымъ *Августиномъ*, не много требуетъ измѣненій для того, чтобы быть болѣе точнымъ и болѣе вѣрнымъ. По нашему мнѣнію, подъ именемъ Основнаго или Апологетическаго Богословія нужно разумѣть науку, имѣющую своею цѣлію систематическое и всестороннее раскрытіе внѣшнихъ и внутреннихъ доказательствъ и основаній божественнаго происхожденія и истинности христіанства, какъ единой, истинной и абсолютной, богооткровенной религіи, сохраняемой во всей цѣлости и неповрежденности Вселенскою Православною церковію. Внесенное въ это опредѣленіе выраженіе—„всестороннее раскрытіе внѣшнихъ и внутреннихъ доказательствъ и основаній“—показываетъ, что мы будемъ имѣть въ виду не только положительную сторону науки—указаніе прямыхъ доказательствъ божественнаго происхожденія и истинности христіанской религіи,—но и отрицательную—разоблаченіе ложнаго пониманія истинъ, содержащихся въ Божественномъ Откровеніи. Кроме того, изъ приведеннаго нами опредѣленія Основнаго или Апологетическаго Богословія видно также и то, что для доказательства божественнаго происхожденія и

достоинства христіанской религіи мы будемъ пользоваться не только внѣшними фактами и свидѣтельствами исторіи, но будемъ указывать въ то же время и внутреннія основанія, вытекающія изъ самой сущности христіанской религіи и ея ученія, въ чистотѣ и возвышенности котораго нельзя не видѣть указанія на его божественное происхожденіе и истинность.

Отличіе Апологетики отъ апологіи.

По признанію самихъ ученыхъ, посвятившихъ много времени и труда на разработку важнѣйшихъ вопросовъ по предмету Основнаго или Апологетическаго Богословія (таково, напримеръ, заявленіе Баумштарка), всѣ затрудненія, въ которыя они впадали при опредѣленіи понятія о своей наукѣ, были вызваны главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что рядомъ съ христіанскою апологетикою существуетъ еще христіанская *апологія*. Естественно, что нельзя уяснить себѣ со всею точностію понятія о Христіанской Апологетикѣ или объ Апологетическомъ Богословіи до тѣхъ поръ, пока не будетъ напередъ основательно выяснено различіе, несомнѣнно существующее между Апологетикою и апологіею. И нельзя сказать, что это различіе можно сдѣлать легко. Даже такой выдающійся изъ новѣйшихъ ученыхъ богослововъ, какъ *Эбрардъ*, болѣе другихъ потрудившійся надъ разработкою христіанской Апологетики, утверждаетъ, что различіе между христіанскою Апологетикою и апологіею не вполне еще установилось и въ настоящее время—ein Unterschied ist auch ein fließender. Но еще менѣе это различіе было ясно сознаваемо въ прежнее время. Такъ, 50 лѣтъ тому назадъ, извѣстный западно-европейскій апологетъ *Замъ* весьма затруднялся указать это различіе. По его словамъ, тѣ апологіи, которыя обращены по преимуществу къ людямъ науки, такъ близко граничатъ съ апологетиками, имѣющими въ виду въ особенности возраженія и сомнѣнія людей невѣрующихъ, что можно дѣлать попытку признать между ними различіе только по степени, но не по существу. Между Апологетикою и апологіею онъ не усматриваетъ другого различія, кромѣ того, которое существуетъ между областями—теоретическою и практическою. По его мнѣнію,

Апологетика стремится къ уразумѣнію богооткровенной христіанской религіи, при предположеніи вѣры въ нее и научной потребности; апологія же имѣетъ своєю цѣлію—опроверженіе сомнѣнія и возраженій со стороны невѣрующихъ или полувѣрующихъ. Впрочемъ, указаніе на это различіе самому Закку казалось довольно неточнымъ, почему онъ тотъ часъ же и утверждаетъ, что его нельзя считать различіемъ „абсолютнымъ“, „такъ какъ нѣкоторое сомнѣніе,—говоритъ онъ,—можетъ появляться даже на научной почвѣ и только на этой почвѣ можетъ быть опровергнуто, и такъ какъ въ области самаго апологетическаго изслѣдованія могутъ возникать извѣстныя сомнѣнія, по отношенію къ которымъ Апологетика затѣмъ выступаетъ уже какъ апологія“. Послѣ этого Заккъ прямо утверждаетъ, что Апологетика, какъ наука, есть теорія апологіи, насколько подъ послѣднею разумѣется защита христіанства въ обширнѣйшемъ смыслѣ противъ всякаго возраженія, вытекающаго „изъ естественной слабости, духа противорѣчія или научныхъ выводовъ“.

Исходя изъ общаго понятія объ Апологетикѣ, *Эбрардъ*, какъ мы видѣли, такъ же готовъ былъ допустить, что Апологетика такъ относится къ апологіи, какъ теорія къ практикѣ, или какъ гомилетика къ проповѣди, литургика къ богословію, катехитика къ оглашенію, пастырское богословіе къ пастырской практикѣ. Но, вникнувъ глубже въ содержаніе христіанской Апологетики, *Эбрардъ* не могъ не замѣтить, что Апологетика вовсе не есть только теоретическая наука; мало того, онъ идетъ гораздо далѣе,—увѣряя, что на самомъ дѣлѣ мы нигдѣ не видимъ и даже не можемъ представить себѣ такой Апологетики, которая не переходила бы непосредственно въ апологію и не становилась бы апологіею. Такимъ образомъ *Эбрардъ* какъ бы совершенно уничтожаетъ различіе между Апологетикою и апологіею; ибо въ чемъ же можно полагать это различіе, если Апологетика непосредственно переходитъ въ апологію или становится апологіею? Но *Эбрардъ* не допускаетъ, по-видимому, такого вывода и хотѣлъ бы все таки удержать различіе между Апологетикою и апологіею. Между христіанскою Апологетикою и простою апологіею,—говоритъ онъ,—есть различіе, хотя и не вполне еще установившееся

(*fließender*). Въ чемъ же состоитъ это различіе? На этотъ вопросъ Эббардъ отвѣчаетъ такъ: „Апологетика отличается отъ простой апологіи, какъ апологіи, *принципіальностію* своего метода“. „Христіанская Апологетика отличается отъ простой апологіи тѣмъ, что въ своемъ развитіи и методѣ она опредѣляется не случайно встрѣчающимися въ извѣстное время возраженіями, но свой методъ защиты христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самую защиту выводитъ *изъ сущности* христіанства. Всякая Апологетика есть апологія, но не всякая апологія есть Апологетика“.

Если сравнить здѣсь сказанное Эббардомъ съ тѣмъ, что говорилъ Заккъ, 50 лѣтъ тому назадъ, то окажется, что рѣшеніе вопроса о различіи между Апологетикою христіанства и апологіею подвинулось не особенно далеко. Какъ можно видѣть, Эббардъ полагаетъ различіе между Апологетикою и апологіею только въ томъ, что апологія опредѣляется въ своемъ ходѣ и методѣ возраженіями, направляемыми противъ христіанства, какъ богооткровенной религіи, въ извѣстное время; а Апологетика будто-бы *изъ сущности* самаго христіанства выводитъ какіе возможны роды нападеній и какія стороны христіанской религіи могутъ подвергаться нападенію со стороны невѣрія. Что это разсужденіе Эббарда невѣрно само въ себѣ,—на это мы уже указали. Если бы Христіанская Апологетика или Апологетическое Богословіе развивалось только изъ сущности самаго христіанства, то оно было бы всегда одинаковымъ или же только незначительно подвигалось въ своемъ развитіи. Но стоитъ сравнить систему Апологетическаго Богословія, принадлежащую какому-либо богослову времени Шлейермахера, съ Апологетиками Эббарда, Шульца, Штеуде, Шанца или „Введеніе въ Православное Богословіе“ Макарія съ „Христіанскою Апологетикою“ нашего даровитаго, но рано сошедшаго въ могилу профессора с.-петербургской духовной академіи Н. П. Рождественскаго, чтобы видѣть, какъ радикально измѣнились и система, и планъ, и методъ, и характеръ доказательствъ въ одной и той же наукѣ Основного или Апологетическаго Богословія. И каждый пойметъ, что причиною такого измѣненія слѣдуетъ признать не сущность христіанства, которая всегда была

и будетъ одною и тою-же, а именно возраженія, явившіяся въ извѣстное время и вытекающія или изъ новыхъ научныхъ открытій, напр., филологическихъ, этнографическихъ, геологическихъ и т. п., или изъ такихъ теорій какъ теорія Лапласа, Дарвина и др., или, наконецъ, изъ философскихъ системъ, каковы системы: Гегеля, Шеллинга, Фейербаха, Мошота, Бюхнера, Шопенгауэра, Гартмана, Спенсера и т. п. Ясно, что въ виду сказаннаго утрачивается и послѣдній признакъ, указываемый Эббардомъ для опредѣленія различія между христіанскою апологетикою и христіанскою апологіею.

Сбивчивость и неясность въ пониманіи различія существующаго между Апологетикою христіанства и простою апологіею, зависятъ, конечно, исключительно отъ того, что богословы, интересовавшіеся рѣшеніемъ этого вопроса, не уяснили себѣ предварительно и съ надлежащею точностію, что нужно разумѣть подъ именемъ Апологетики христіанства и что такое апологія. Иначе указаніе такого различія не составило бы никакого труда.

Что нужно разумѣть подъ христіанскою Апологетикою, — мы знаемъ; но что такое апологія?—Слово *апологія* употребляется въ двойномъ смыслѣ: прежде всего въ смыслѣ *вообще* защиты кого или чего-либо предъ кѣмъ-либо словесно или письменно. Въ этомъ широкомъ смыслѣ, дѣйствительно, апологіею можетъ быть названа и христіанская Апологетика, какъ наука или система, и журнальная статья, написанная въ защиту кого-либо или чего-либо отъ взводимыхъ обвиненій и пападковъ, и защитительная рѣчь и мн. др. тому подобное, при чемъ безразлично, касаются ли эти апологіи религіознаго или какого-либо иного предмета; такова, напр., апологія Платона, написанная въ защиту Сократа; такова апологія св. Аѳанасія Александрійскаго, оставившаго свою кафедру во время гоненій и т. п. Но не въ этомъ, конечно, общемъ и широкомъ смыслѣ употребляется слово *апологія*, когда идетъ рѣчь о различіи между апологіею и Апологетикою христіанства. Слово *апологія* имѣетъ еще особенное, такъ сказать, специфическое значеніе въ смыслѣ защиты отдѣльныхъ истинъ христіанской вѣры или установленій Церкви (1 Кор. гл. XV; 1 Кор. 9, 3; Дѣян. 22, 1; 15, 16; 1 Тим. 4, 16; 1 Петр. 3, 15; Фил. 1, 7. 16). Въ пер-

вые вѣка христіанства этимъ словомъ были названы писанія, направленные въ защиту христіанъ, противъ которыхъ были воздвигнуты гоненія какъ со стороны іудеевъ, такъ въ особенности со стороны римскаго языческаго правительства, и противъ ученія которыхъ были выставляемы различныя возраженія со стороны языческихъ философовъ, риторовъ и поэтовъ. И въ настоящее время христіанскіе богословы нерѣдко бываютъ вынуждены выступать въ защиту отдѣльныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія и правоученія съ своими апологетическими монографіями, журнальными статьями или публичными чтеніями. Въ этихъ апологіяхъ иногда защищается только какая-либо одна истина Божественнаго Откровенія (напр., твореніе міра, сотвореніе человѣка, пророчества какъ признаки Божественнаго Откровенія, чудеса и т. п.), или нѣсколько истинъ, взятыхъ вмѣстѣ, какъ въ публичныхъ чтеніяхъ Хр. Э. Лютардта („Апологія Христіанства“), въ „Апологіи христіанства“ Вейсса и др., но безъ строго систематической связи и послѣдовательности, свойственныхъ точной наукѣ. Вотъ эти-то апологіи и имѣются въ виду, когда требуется установить различіе между христіанскою Апологетикою, какъ наукою, и апологіею.

Теперь намъ не представляется уже особыхъ затрудненій при уясненіи этого различія. Не говоря уже о прямомъ свидѣтельствѣ исторіи нашей науки, мы даже на основаніи простаго зоображенія можемъ съ увѣренностію утверждать, что появленію Апологетики, какъ науки, долженъ былъ предшествовать длинный рядъ частныхъ христіанскихъ апологій. Науки не являются сразу; имъ всегда предшествуютъ и сопровождаютъ ихъ дальнѣйшее развитіе многочисленныя изслѣдованія частныя, вызываемыя опытомъ и различными непредусмотрѣнными вначалѣ явленіями изъ окружающаго міра. Только тогда, когда уже скопляется весьма значительное количество подобныхъ частныхъ изслѣдованій въ извѣстной области знанія и когда настойчиво сказывается потребность въ ихъ систематизаціи или обобщеніи, въ исключеніи всего частнаго, случайнаго, временнаго и въ соединеніи въ одно цѣлое постояннаго, необходимаго и принципальнаго,—только тогда является наука,—первоначально, разумѣется, лишь въ несо-

вершенномъ видѣ. Исторія, какъ наука, могла явиться только тогда, когда задолго до нея уже существовали лѣтописи, мемуары, историческія монографіи, хронографы, акты, различныя воспоминанія и т. п. То же самое нужно сказать и объ отношеніи отдѣльныхъ христіанскихъ апологій къ христіанской Апологетикѣ, какъ наукѣ. Онѣ вовсе не отличны отъ нея по своему общему характеру и задачѣ или цѣли. И совершенно ложно понимаютъ ихъ, когда Апологетикѣ приписываютъ теоретическій характеръ, а апологіямъ—практической. Какъ изслѣдованія въ области одного и того-же знанія, онѣ одинаково имѣютъ апологетическій характеръ, одинаково преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—защиту истиннаго пониманія богооткровенной христіанской религіи. Различіе ихъ чисто внѣшнее и формальное: апологіи относятся къ апологетикѣ какъ части къ цѣлому, какъ специальное къ общему, какъ случайное къ необходимому, какъ временное къ существенному и постоянному, какъ разъединенное къ своей системѣ. Апологіи суть тѣ предварительныя работы по изслѣдованію и защитѣ отдѣльныхъ христіанскихъ истинъ, которыя внослѣдствіи входятъ въ систему Основнаго или Апологетическаго Богословія. Христіанская Апологетика образовалась и образовывается изъ апологій, какъ и всякая другая наука—изъ практическихъ знаній. Она получаетъ отъ нихъ свой матеріалъ, свое содержаніе и только разрабатываетъ его, упорядочивая уже по системѣ, методу и приемамъ всякой дѣйствительной науки. Поэтому Апологетика христіанства есть только *систематическое* изложеніе тѣхъ самыхъ доказательствъ и основаній божественнаго происхожденія и божественнаго достоинства христіанской религіи, которыя въ апологіяхъ раскрываются отдѣльно и лишь по требованію обстоятельствъ даннаго времени. Въ Апологетикѣ, какъ наукѣ, необходимо предполагается, что всѣ истины, раскрытыя въ частныхъ изслѣдованіяхъ, сведены къ строго научному единству принципа, плана, метода, изложенія и расположенія частей,—чего нельзя требовать отъ апологій, какъ частныхъ апологетическихъ монографій. Апологіи могутъ имѣть въ виду защиту христіанства отъ возраженій и нападеній только со стороны извѣстныхъ отдѣльныхъ противниковъ. Апологетика,

какъ наука, ставить вопросы *принципально* и потому такой же общій, принципальный характеръ должно носить и ея рѣшеніе этихъ вопросовъ; собственно говоря, для нея не важно знать, *кто* дѣлаетъ тѣ или другія возраженія противъ христіанской религіи, *когда* и *по какому поводу* они были сдѣланы; для нея важны самыя возраженія, ихъ основанія и насколько они въ силахъ потрясти вообще вѣру въ истины Божественнаго Откровенія. Иное дѣло апологія. Она можетъ интересоваться и чисто случайными явленіями. Она можетъ имѣть предметомъ своей защиты (какъ древніе христіанскіе апологеты) даже такія стороны христіанской *жизни*, которыя носятъ только временный характеръ, въ религіозной области не имѣютъ существеннаго значенія, а потому могутъ остаться даже и не затронутыми въ христіанской Апологетикѣ, какъ наукѣ, которой нельзя ставить задачею—борьбу совсѣми случайными врагами христіанства.

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ*.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПАДНАА СРЕДНОВѢКОВАА МИСТИКА

И

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

(Продолженіе *).

дд) Несостоятельность квіетизма обнаруживается не только съ общихъ точекъ зрѣнія по отношенію къ идеалу нравственности и тѣмъ условіямъ, которыя ведутъ къ нему; но еще яснѣе по отношенію къ тѣмъ частнымъ обязанностямъ, которыя предъявляются человѣку дѣйствительностью, какъ личности занимающей опредѣленное мѣсто въ семьѣ и въ обществѣ. Обязанности семейныя и общественныя квіетизмъ совершенно игнорируетъ. Квіетистъ то проявляетъ апатичное, или индифферентное отношеніе ко всему окружающему, то показываетъ отношеніе горделивое, презрительное и даже враждебное, посящее до извѣстной степени черты фанатизма. Общее же преобладающее настроеніе квіетиста заключается въ пессимизмѣ: въ жизни представляется одно зло, борьба съ которымъ не признается необходимою и возможною при эгоистическомъ погруженіи въ собственную жизнь. Такимъ образомъ квіетизмомъ въ отношеніи къ дѣйствительности нарушается одна изъ основныхъ нравственныхъ обязанностей, заповѣданныхъ Господомъ,—любовь къ ближнимъ (Іоан. XV, 12, Рим. XIII, 10. Гал. V, 14). Понятно, что мистико-квіетистическіе принципы не могутъ благопріятствовать общественному религіозно-нравственному усовершенствованію. „Истекающая отсюда нрав-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 17, за 1897 г.

ственность есть лишь покорность судьбѣ, подчиняющаяся неопредѣленной силѣ безусловнаго; такъ какъ сопротивленіе бесполезно и противодѣйствіе конечнаго безконечному въ исторіи и жизни невозможно. Эта покорность, или становится нѣмою силою, или немощнымъ дѣломъ чувства, причемъ ни то, ни другое, конечно, не можетъ имѣть истинно-нравственнаго значенія. Такая нравственность можетъ быть пригодною для какихъ нибудь восточныхъ мудрецовъ, которые относятся къ жизни только какъ къ предмету спокойнаго созерцанія, но не чувствуютъ въ себѣ никакого побужденія дѣятельно заявлять о себѣ ¹⁾. Не могутъ также указанные принципы благопріятствовать развитію личности. Мистицизмъ придаетъ большое значеніе въ нравственной жизни самоотреченію, которое и по христіанскому ученію является подвигомъ величайшимъ для достиженія высшаго совершенства (Матѣ. X, 39); но мистицизмъ христіанское самоотреченіе смѣшиваетъ съ самоуничтоженіемъ. Въмѣсто того, чтобы путемъ самоотреченія заботиться объ обновленіи личной жизни во Христѣ, согласно съ точнымъ пониманіемъ Его словъ: *уже погубить душу свою... обрящетъ ю*, мистицизмъ стремится избавиться отъ жизни. Христіанство признаетъ необходимость всесторонняго нравственнаго развитія личности по духу и тѣлу, въ силу будущаго воздаянія каждому по дѣламъ его (Матѣ. XVI, 27), а мистическій квіетизмъ стремится къ буддійскому самоуничтоженію тѣмъ въ большей степени, что, основываясь на пантеистическихъ началахъ, въ будущемъ ожидаетъ только слянія духа съ Богомъ.

в) Сектантская этика не останавливается на квіетизмѣ. Она еще въ большей степени склоняется къ грубому материалистическому антиномизму. Уже квіетизмъ ведетъ къ нарушенію нравственнаго закона, насколько не признаетъ необходимости общеобязательнаго дѣятельнаго выполненія его, допускаетъ апатичное индифферентное отношеніе къ добру и злу. Но квіетизмъ обусловливается главнымъ образомъ мечтательными побужденіями о возможности постоянно стоять на высотѣ идеальнаго созерцанія и не падать внизъ. Квіетистъ увѣренъ,

¹⁾ Лютардъ, Апологетика въ переводѣ проф. Лопухина стр. 608.

что Богъ, освятившій его природу своимъ присутствіемъ въ его духѣ, принимаетъ на себя по безпредѣльной благодати заботы о его спасеніи, направляетъ человѣка не ко злу, но къ добру и охраняетъ его отъ всего нечистаго. Между тѣмъ матеріалистическій антиномизмъ служитъ такою доктриною, которая, отрицая различіе между добромъ и зломъ, оправдываетъ нарушеніе нравственнаго закона, какъ условіе, благопріятствующее преданности Богу въ одномъ пассивномъ созерцательномъ настроеніи духа. Такому антиномизму слѣдовали Амальрихане, Беггарды и другія секты, происшедшія отъ нихъ. По ученію Беггардовъ, „человѣкъ свободенъ отъ заповѣдей Христа ¹⁾; то, что признается грѣхомъ, въ дѣйствительности не грѣхъ. Да и вообще никакого грѣха не существуетъ“ ²⁾. Добрыя дѣла, узаконяемая десятословіемъ, для Беггардовъ не имѣли никакого смысла. Воровство, ложь, всякаго рода насилія и нравственная распущенность признавались съ точки зрѣнія средневѣковыхъ антиномистовъ вполнѣ естественными и дозволительными ³⁾. Общимъ основаніемъ для такого антиномизма служило у сектантовъ противопоставленіе религіозно-созерцательнаго настроенія духа, являющагося слѣдствіемъ предварительнаго этико-мистическаго процесса для достиженія совершенства, жизни дѣятельной, насколько она выражается въ выполненіи частныхъ нравственныхъ обязанностей, доступномъ и людямъ, находящимся на низшей степени развитія. Всѣ мистики, подобно гностикамъ, допускали раздѣленіе людей по нравственному достоинству на совершенныхъ, или пневматиковъ и несовершенныхъ, или психиковъ. Активное выполненіе нравственнаго закона до извѣстной степени признавалось еще необходимымъ для несовершенныхъ, а свойства совершенныхъ сводились только къ пассивной преданности воли Божіей, причемъ добрыя дѣла не только обезразличивались, но и совершенно отрицались. Нерѣдко

¹⁾ Dicere hominem liberum esse a Christi preceptis. *Thes* 83. *Preger*, I, 468.

²⁾ Dicere peccatum non esse peccatum error Pelagii est. *Thes* 55. Dicere, quod nihil sit peccatum, quod reputatur peccatum. *Thes* 61.

³⁾ Dicere, quod homo faciat mortalis peccati actum sine peccato presumptio Manichei. *Thes*. 6. Item quod licite et absque peccato et timore possunt retinere rem alienam invito domino. *Thes*. 113. Item quod unitus deo avdacter possit explere libidinem carnis per qualemcunque modum. *Thes*. 106. *Preger* I, 470.

квіетизмъ переходилъ въ грубый матеріалистическій антиномизмъ даже у такихъ сектантовъ, которые исходнымъ пунктомъ нравственности признавали строгій аскетизмъ именно вслѣдствіе такого разграниченія созерцательной и дѣятельной жизни. Такъ, нѣкоторые изъ Ортибаръ отъ квіетизма стали склоняться къ нравственной распущенности и слились съ Беггардами. Амальрихъ, поставляя сущность нравственности въ любви къ Богу, дѣлалъ выводъ, что тѣмъ, которые руководствуются въ жизни чистою безкорыстною любовью, носятъ въ себѣ высшее идеальное настроеніе духа, грѣхъ не можетъ быть вмѣняемъ. Послѣдователи его, выходя изъ такого положенія, считали дозволительнымъ всякое безстыдство. Маргарита Порретъ развивала въ своемъ сочиненіи подобное же антиномистическое положеніе: „душа, уничтожающаяся въ любви къ своему Творцу, можетъ позволять все своей природѣ, чего она жаждетъ, безъ всякихъ угрызеній совѣсти“. Этому антиномизму благопріятствовала спиритуалистическая теорія Іоахимитовъ по примѣненію ея къ исторіи Церкви; такъ какъ этою теоріею въ силу прогрессивнаго развитія божественнаго Откровенія по тремъ періодамъ, допускалось постепенное освобожденіе человѣчества отъ нравственнаго закона сначала чрезъ Іисуса Христа, а потомъ чрезъ Духа Святаго въ силу благодатныхъ даровъ, нисходящихъ отъ Него на обновленныхъ членовъ новаго царства. Этою теоріею пользовались для оправданія антиномизма, а равно и оппозиціоннаго отношенія къ церкви, Амальрихане, Беггарды и другія секты. Разумные люди провозглашали: „теперь открытъ новый законъ Духа Святаго, или Духа свободы; законъ настоящій отмѣняется; христіанскія добродѣтели, нищета, цѣломудріе, повиновеніе теряютъ свою силу. Отнынѣ можно свободно грѣшиться“¹⁾. При этомъ самую свободу всякаго обновляемаго, или возрождаемаго члена царства Духа Святаго антиномисты понимали въ смыслѣ правоспособности безграничнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей человеческой природы. Въ такомъ смыслѣ они толковали заимствованное изъ Священнаго Писанія положеніе: „гдѣ Духъ Госпо-

1) *Jundt, Histoire du Pantheisme* p. 113.

день, тамъ свобода“ ¹⁾ (2 Кор. III, 17). Были и такіе антиномисты, которые, придерживаясь дуалистическаго взгляда на природу человѣка, признавали одинаково цѣлесообразнымъ подавлять тѣло аскетическими подвигами, или безнравственностію. По ученію Беггардовъ, человѣку, достигающему единенія съ Богомъ, дается власть дѣлать, что онъ хочетъ. Такимъ дуалистическимъ воззрѣніемъ на природу человѣка можно объяснить что Беггарды самое убійство признавали благодѣяніемъ, потому что послѣдствіемъ его служитъ возвращеніе духа къ своему Первоначалу ²⁾. Наконецъ послѣднимъ основаніемъ антиномизма служилъ пантеистическій детерминизмъ, по которому зло признавалось необходимымъ слѣдствіемъ живущаго въ человѣкѣ Божества. На этомъ основаніи Беггарды утверждали, что все люди дѣлаютъ по божественному предопредѣленію. Они говорили, что добрые люди не боятся и не печалются, если впадаютъ въ грѣхъ, потому что Богъ предопредѣляетъ ихъ къ этому и никто не долженъ противиться божественному предопредѣленію ³⁾. По ученію Разумныхъ людей, настоящей грѣхъ именно состоитъ въ противодѣйствіи требованіямъ природы, такъ какъ всѣ требованія природы безразлично происходятъ отъ Бога. Поэтому если бы дѣйствительно дѣла человѣка были порочны и злы, отвѣтственность за нихъ съ человѣка снимается. „Богъ самъ служитъ виновникомъ нашихъ дѣйствій, будутъ ли они хороши или худы. Намъ не принадлежитъ въ дѣлахъ ни заслуга, ни отвѣтственность; наши дѣйствія не доставляютъ намъ спасенія, но они не навлекаютъ на насъ и осужденія“ ⁴⁾. Но всѣ эти основанія ложны и

¹⁾ Dicere quod admittatur (homo) ad amplexum divinitatis et tunc detur potestas faciendi quod vult. *Theos.* 72. *Preger* I. 467. Talis homo liber reditur impeccabilis et potest agere quidquid vult et sibi placet. *Döllinger* II, 386.

²⁾ Si aliquis vellet eum impedire, talem impediendum posset libere occidere et ab eo auferre bona sua, quia occidendo ipsum remitteret ad suum originale principium. *Döllinger* II, 385.

³⁾ Item non timeant nec dolent, si labantur in peccata qualiacumque quia deus preordinavit et quod preordinationem divinam nullus debeat impedire et quod de mala tantum gavdeant, quantum de bono, et quidquid homini evenerit, quod deo preordinante fit et sit. *Theos.* 117. *Preger* I, 470.

⁴⁾ *Jundt* Histoire du pantheisme p. 115.

антиномистическая доктрина несомнѣнно ведетъ къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ.

аа) Нельзя дѣлать какихъ бы то ни было исключеній по отношенію къ обязательному исполненію нравственнаго закона. Онъ имѣетъ одинаковую силу для всѣхъ. По христіанскому ученію, „невѣрный въ маломъ, невѣренъ и во многомъ“ (Лук. XVI, 16). Нравственное совершенство измѣряется не высотой одного настроенія духа, какъ бы оно ни было идеально, а тою вѣрностію долгу, или правильнѣе, тѣмъ послушаніемъ волѣ Божіей, съ какимъ кто пользуется своими дарованіями. Иисусъ Христосъ сказалъ ученикамъ своимъ на тайной вечери: *ище кто любитъ мя, слово мое соблюдетъ* (Іоан. XIV, 23). Съ послушаніемъ долженъ соединяться страхъ Божій, священная боязнь какъ бы не совершить чего-либо недостойнаго и грѣховнаго предъ великимъ и любимымъ Богомъ. Ап. Павелъ пишетъ: „очистимъ себя отъ всякой скверны плоти и духа, совершая святыню въ страхъ Божіемъ“ (2 Кор. VII, 1). При нарушеніи этихъ условій въ отношеніи къ Богу, всегда возможно ниспаденіе въ нравственной жизни изъ высшей сферы въ низшую. И какъ душевный человѣкъ чрезъ духовное возрожденіе, саморазвитіе можетъ стать человѣкомъ духовнымъ (Рим. VII, 5. 6) такъ и наоборотъ, человѣкъ духовный чрезъ небреженіе о своей духовной жизни можетъ низойти на ступень человѣка плотскаго или душевнаго (Гал. III, 3), почему какъ можно думать и выразилъ Апостоль солунскимъ христіанамъ свое искреннее желаніе относительно того, чтобы до дня пришествія Христова вмѣстѣ съ душою и тѣломъ сохранился ими во всей цѣлости и не измѣнился, или не утратился бы въ нихъ духъ (I Сол. V, 23).

бб) Несправедлива доктрина Іоахимитовъ по нравственно-практическимъ выводамъ, насколько она ведетъ къ отрицанію законности. Дѣятельность Иисуса Христа по отношенію къ Ветхому Завѣту состояла въ отмѣненіи ветхозавѣтнаго обрядоваго закона, какъ временнаго, а не нравственнаго, который долженъ сохранить свою силу. Нравственный законъ имѣетъ значеніе и въ Новомъ Завѣтѣ, какъ содержащій въ себѣ непреложную и вѣчную истину. Господь Иисусъ Христосъ опре-

дѣлилъ свое отношеніе къ ветхозавѣтному нравственному закону словами: *не мните, яко придохъ разорити законъ, или пророки, не придохъ разорити, но исполнити* (Матѳ. V, 17). Въ такомъ смыслѣ уяснялъ значеніе нравственнаго закона св. Иринея Ліонскій, имѣя въ виду противодѣйствіе гностическому антиномизму. По его словамъ, естественныя заповѣди закона, которыми человѣкъ оправдывается и которыя до законодательства соблюдали оправдывавшіяся вѣрою и угодившіе Богу, Иисусъ Христосъ не разрушилъ, но распространилъ и восполнилъ.... Онъ повелѣвалъ воздерживаться не только отъ дѣлъ, запрещенныхъ закономъ, но и отъ пожеланій ихъ ¹⁾. Всѣ естественныя заповѣди общи намъ и имъ; у нихъ получили эти заповѣди начало и происхожденіе, а у насъ приращеніе и восполненіе. Ибо повиноваться Богу, слѣдовать Его слову, больше всего любить Его и ближняго, какъ самаго себя, воздерживаться отъ всякаго злаго дѣла и прочее подобное обще обоимъ завѣтамъ и это показываетъ одного и того же Бога. Въ Новомъ Завѣтѣ даже усилились требованія нравственнаго закона ²⁾. Послушаніе и любовь къ домохозяину должны быть одни и тѣ-же у рабовъ и свободныхъ, но свободные должны имѣть большую увѣренность, потому что дѣйствованіе свободы болѣе и сложнѣе, чѣмъ повиновеніе въ рабствѣ ³⁾. Относительно природы сотворенной всѣ мы, такъ сказать, дѣти Божіи, потому что всѣ сотворены Богомъ. А въ отношеніи къ послушанію не всѣ сыновья Божіи, но только вѣрующіе и исполняющіе Его волю. Невѣрующіе и неисполняющіе Его воли суть сыны и ангелы діавола, потому что дѣлаютъ дѣла діавола. Что это такъ, Онъ сказалъ у Исаіи: „Я родилъ и возвысилъ сыновъ, они же Меня презрѣли“ (Исаіи 1, 2). И еще называетъ ихъ чужими сынами: „сыны чужіе солгали Мнѣ“ (Пс. XVII, 46) ⁴⁾. Но тотъ нравственный законъ, который утвержденъ и раскрытъ Иисусомъ Христомъ, не утратилъ значенія послѣ Него, какъ учили монтанисты, а также Іоахимиты. Онъ вѣченъ (Евр. XIII, 8. 10). По словамъ Господа Иисуса Христа, „Духъ Святыи не

1) *Св. Иринея* „Противъ ересей“ кн. IV, гл. XIII, 1 стр.

2) Тамъ-же, стр. 446 кн. IV гл. 28.

3) Тамъ-же, кн. IV, XIII, 2 стр. 447.

4) Тамъ-же, кн. IV, гл. XLI стр. 571—573.

отъ Себя будетъ говорить. Онъ прославить Меня, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ (Іоан. XVI, 13. 14). Онъ напомнитъ все, что Я говорилъ вамъ“ (Іоан. XIV, 26). Потому достоинствомъ нравственно-совершенныхъ лицъ, къ которымъ мистики причисляютъ своихъ пневматиковъ, должно быть общеніе не только съ Духомъ Святымъ, но и со Христомъ. Въ силу такихъ особенностей св. Игнатій Богоносецъ называетъ сыновъ церкви Ефесской духовными. „У васъ, говоритъ онъ, духовно (*spiritualia пневматика*) и то, что вы дѣлаете по плоти, потому что все дѣлаете во Іисусѣ Христѣ ¹⁾. Поэтому пастырями Церкви отвергнуто требованіе монтанистовъ, чтобы Церковь составляли только одни пневматики даже при такомъ счастливомъ видимомъ преимуществѣ, какъ дѣйствительное полученіе чрезвычайныхъ откровеній, знаменій и чудесъ. „Не всякій пророчествующій—благочестивый человекъ“, говорятъ Постановленія Апостольскія, „не всякій, изгоняющій демоновъ, святъ по жизни. Такъ пророчествовалъ и вѣщунъ Балаамъ, сынъ Веоровъ, хотя былъ нечестивъ (Числь гл. 23 и 24); пророчествовалъ и Каиафа, лжеименный первосвященникъ (Іоан. XI, 52); многое предрекаютъ діаволъ и бѣсы его; но отъ этого въ нихъ нѣтъ и искры благочестія: ибо они обѣяты невѣдѣніемъ по добровольному развращенію. Итакъ явно, что ни нечестивые, хотя бы пророчествовали, не покрываютъ нечестія своего пророчествами; ни изгоняющіе бѣсовъ не дѣлаются преподобными отъ того, что бѣсы выходятъ, ибо они обольщаютъ другъ друга подобно тѣмъ, кои показываютъ шутки для смѣха, а губятъ тѣхъ, кои обращаютъ на нихъ вниманіе ²⁾ Поэтому никто изъ вѣрующахъ да не превозносится предъ братомъ, хотя бы былъ пророкомъ, хотя бы былъ чудотворцемъ. Если дастъ Богъ, что нигдѣ уже не будетъ невѣрующаго, то излишня будетъ наконецъ всякая дѣйственность знаменій (*Superflua erit omnis signorum operatio*) Быть благочестивымъ зависитъ отъ благомыслія каждаго, а творить чудеса отъ

¹⁾ Epist. ad. Ephesios cap. 8.

²⁾ Constitutiones Sanct. Apostolorum per Clementem Episcopum et civem Romanum, seu cathol. doctrina. lib. VIII, cap. 2. Пр. Касяцина „Расколы первыхъ вѣковъ Христіанства“, стр. 62.

силы того, къмъ дѣйствуются они: первое принадлежитъ намъ самимъ, а послѣднее дѣйствующему по сказаннымъ причинамъ Богу“¹⁾).

вв) Несправедливо антиномисты оправдываютъ свою нравственную распущенность ссылкой на свободу. Свобода человѣка не должна заключаться въ безразличномъ отношеніи ко всякимъ мотивамъ, обуславливающимъ человѣческую дѣятельность. Противъ такого безразличія въ дѣйствіяхъ предостерегаетъ Ап. Павелъ словами: *вся ми мѣтъ суть, но не азъ обладаю буду отъ чего* (I Кор. VI, 12). Безразличіе въ нравственной дѣятельности порождаетъ ту неопредѣленность характера, духовную пустоту, по которой человѣкъ является ни теплымъ ни холоднымъ (Апок. III, 15). Не можетъ заключаться свобода человѣка въ удовлетвореніи чувственнымъ плотскимъ желаніямъ, такъ какъ она будетъ склонять человѣка ко грѣху. По словамъ Господа, „всякій дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха“ (Іоан. VIII, 34). Кто исполняетъ по Апостолу, желанія плоти и помысловъ, (Ефес. 2, 3) тотъ обращаетъ свободу въ произволь. Она не должна употребляться для прикрытія злобы, но какъ подобаетъ рабамъ Божиимъ (1 Петр. 2, 16). Истинная свобода человѣка должна заключаться въ самоопредѣленіи его въ дѣятельности сообразно съ нравственнымъ назначеніемъ. Но здѣсь она уже является въ отрѣшеніи отъ грѣха (Рим. VI, 17), въ обновленіи его въ правдѣ и въ преподобіи истины (Ефес. IV, 24). Рожденный отъ Бога не дѣлаетъ грѣха (1 Іоан. III, 9). Имѣя въ виду такую нравственно-идеальную свободу, Ап. Павелъ убѣждаетъ: „стойте въ свободѣ, которую даровалъ вамъ Христосъ и не подвергайтесь игу рабства“ (Гал. V, 1).

гг) Но такая свобода можетъ достигаться при всестороннемъ усовершенствованіи человѣка по духу и по тѣлу. Священное Писаніе высказываетъ взглядъ на тѣло противоположный дуалистическому, когда называетъ его членомъ тѣла Христова (1 Кор. VI, 15) и когда говоритъ, что оно нѣкогда воскреснетъ для вѣчной жизни съ душою (Іоан. V, 25). Отсюда вытекаетъ высокая обязанность блюсти нравственную чистоту тѣла. Ап.

¹⁾ Ibid.

Павелъ призываетъ христіанъ представить тѣлеса свои *въ жертву живу, святу, благоугодну Богу* (Рим. XII, 1), *хранить безъ порока духъ, душу и тѣло въ пришествіе Господа Иисуса Христа* (I Тессал. V, 23). „Развѣ не знаете, что вы храмъ Божій и Духъ Божій живетъ въ васъ? Если кто разорить храмъ Божій, того погубитъ Богъ, ибо храмъ Божій святъ; а сей (храмъ) вы“ (I Кор. III, 16, 17). По словамъ св. Иринея Ліонскаго, „совершенны тѣ, которые имѣютъ и Духа Божія въ себѣ пребывающаго, и души и тѣла свои сохраняютъ безпорочными, храня вѣру Божию т. е., въ Бога и соблюдая правду въ отношеніи къ ближнему. Тѣхъ же, которые отвергаютъ совѣтъ Духа и служатъ удовольствіямъ плоти, живутъ неразумно и необузданно предаются своимъ похотямъ, не имѣя никакого желанія божественнаго Духа, но живутъ подобно собакамъ и скотамъ, Апостоль справедливо называетъ плотскими, потому что они ни о чемъ другомъ не помышляли, кромѣ плотскаго“¹⁾. Ан. Павелъ называетъ совершенныхъ вѣрующихъ духовными по причастію Духа, а не по уничтоженію и устраненію плоти и не потому, что стали только однимъ духомъ. „Ибо если кто уничтожитъ существо плоти т. е. созданія и будетъ разумѣть одинъ только духъ,—такое существо не будетъ уже человѣкомъ духовнымъ, но будетъ духомъ человѣка“²⁾.

дд) Не менѣе ложенъ антиномизмъ по детерминистическому оправданію зла, какъ необходимаго слѣдствія божественной воли, обусловливающей дѣйствія человѣка. Здѣсь въ нравственно-практической сферѣ дѣлаются только болѣе частные выводы объ особенностяхъ дѣятельности человѣка изъ общихъ пантеистическихъ воззрѣній. Въ силу такихъ воззрѣній, при отождествленіи конечнаго духа съ безконечною сущностію, ограничивается понятіе о волѣ Божіей, усвоевіемъ ей тѣхъ несовершенствъ, которыя свойственны природѣ человѣческой и несправедливо отрицается воля въ самомъ человѣкѣ, съ низведеніемъ его на степень служебнаго орудія Божества. Немыслимо переносить тѣ недостатки, которые замѣчаются въ нравственной дѣятельности человѣка на Божество. По словамъ

1) Св. Иринея V, VIII, 2. Стр. 595.

2) Тамъ-же V, гл. 6. 1.

Священнаго Писанія, Богъ не хочетъ беззаконія (Ис. V, 5. Онъ совершенъ. Онъ чистъ (I. Иоан. III, 3) Онъ святъ (Левит) XI, 44. XIX, 2) *Онъ святъ есть и тьмы въ Немъ нѣтъ ни единыя* (I. Иоан. I, 5). Поэтому нельзя допустить, чтобы воля Божія, подобно волѣ человѣческой, могла одинаково избирать добро, или зло. Она не можетъ ни хотѣть, ни избирать чего-нибудь иного, кромѣ добра, подобно тому, какъ свѣтъ не можетъ производить изъ себя тьмы, а только свѣтъ, или какъ жизнь не можетъ изводить изъ себя смерть, а только одну жизнь ¹⁾. По Епифанію, „Богъ дѣлаетъ, что захочетъ и въ то-же время дѣлаетъ сообразное съ Божествомъ“ ²⁾. Волѣ Божіей принадлежитъ какъ свободное избраніе одного добра, такъ и неизмѣнное осуществленіе его, при которомъ она отвращается отъ всякаго беззаконія. Значитъ, невозможно оправдывать беззаконіе волею Божіею. *Мерзость Господеви пути развращенны, пріятны же Ему вси непорочныя въ путехъ своихъ* (Притч. II, 20). Несогласны также съ правдою и милосердіемъ Божіимъ предопредѣленіе человѣка къ грѣхамъ и отвѣтственность за нихъ пезависимо отъ его собственной вины. Въ этомъ смыслѣ антиномистическій детерминизмъ давно осужденъ Церковію. Посланіе восточныхъ патріарховъ замѣчаетъ: „что говорятъ богохульные еретики, будто Богъ предопредѣляетъ, или осуждаетъ, нисколько не взирая на дѣла предопредѣляемыхъ, или осуждаемыхъ, это мы почитаемъ безуміемъ и нечестіемъ... не значитъ ли это произносить страшную клевету на Бога? Не значитъ ли это изрекать ужасную несправедливость и хулу на небо? Богъ не причастенъ никакому злу, равно желаетъ спасенія всѣмъ (I. Тим. 2, 4) у Него нѣтъ мѣста лицепріятію; посему мы исповѣдуемъ, что Онъ справедливо предаетъ осужденію тѣхъ, которые остаются въ нечестіи по развращенной своей волѣ и нераскаянному сердцу, но никогда не называли и не назовемъ виновникомъ вѣчнаго наказанія и мученій и какъ бы человѣконенавистникомъ Бога, который Самъ изрекъ, что радость бываетъ на небѣ о еди-

¹⁾ Василій В. „Бесѣда на Шестодневъ“ 2.

²⁾ Eriph. Haeres. 70 с. 7.

номъ грѣшникѣ кающемся“¹⁾. Если матеріалистическій антиномизмъ не можетъ быть примиримъ съ Божественными свойствами; то онъ не можетъ быть также примиримъ съ особенностями человѣка, какъ свободно-разумнаго и нравственнаго существа, имѣющаго возможность сознательно, активно относиться къ требованіямъ положительнаго нравственнаго закона и носящаго въ себѣ самомъ, въ своей совѣсти оправданіе для этого закона. Человѣку предъявляется требованіе дѣйствовать не безразлично, но по предварительномъ испытаніи того, въ чемъ заключается *воля Божія благая, угодная и совершенная* (Рим. XII, 2). Онъ можетъ по своей волѣ избирать добро, или зло, дѣлать себя или чадомъ Божиимъ, или рабомъ грѣха. Предъ лицомъ его жизнь, или смерть, благо и зло, почему ему и предлагается избирать жизнь, *да живетъ онъ и стѣмя его* (Второз. XXX, 15—19). И если соблюдающій заповѣди Божіи дѣлается участникомъ истинной жизни (Матѣ. XIX, 17) то служащій грѣху оканчиваетъ смертію (Рим. VI, 21). Потому человѣку постоянно напоминается о томъ возмездіи, которому онъ долженъ подвергнуться за свое беззаконіе. *Аще не послушаете, мечъ вы носятъ*, свидѣтельствуется пророкъ (Ис. 1, 20). *Открывается гнѣвъ Божій съ неба на всякое нечестіе и неправду* (Рим. I, 18. 2, 5. Іоан. III, 36. 2 Петр. 2, 13). Требования нравственнаго закона находятъ себѣ подтвержденіе и оправданіе въ совѣсти, вносящей во все существо человѣка утѣшеніе и умиротвореніе при совершеніи добрыхъ дѣйствій и предъявляющей ему свой судъ, при совершеніи пороковъ. По словамъ премудраго Сираха, *Богъ положилъ око свое на сердца людей* (Сир. 17, 7). Тѣ, которые отвергаютъ эту совѣсть, терпятъ кораблекрушеніе въ вѣрѣ (1 Тим. II, 19). Грѣшники бываютъ обличаемы своею же совѣстію (Іоан. VIII, 3 и др.). Правда, возможно и такое состояніе, когда совѣсть потемняется и потому утрачиваетъ свое дѣйствіе въ смыслѣ руководительнаго нравственнаго начала (1 Тим. V, 2); но это потемненіе совѣсти уже является слѣдствіемъ сознательнаго упорнаго противодѣйствія добру и увлеченія зломъ, какъ зломъ. Такое

¹⁾ Посланіе восточныхъ патріарховъ гл. 3. Опытъ Православнаго Догмат. Богословія Еп. Сильвестра. III, 508.

упорство во злѣ, или ожесточеніе имѣеть въ виду пр. Исаія, когда говоритъ: *слухомъ услышите и не уразумѣете: и видяще узрите, и не увидите: одобель бо сердце людей сихъ* (Ис. VI, 9). Апостоль Павелъ, предостерегая вѣрующихъ отъ такого упорства во злѣ, которое на языческой почвѣ служило основаніемъ антиномизма, убѣждаетъ ихъ не поступать болѣе такъ, какъ поступаютъ прочіе народы „по суетности ума своего, будучи помрачены въ разумѣ, отчуждены отъ жизни Божіей, по причинѣ невѣжества и ожесточенія сердца. Они, дошедши до безчувствія, предались распутству такъ, что дѣлають всякую нечистоту съ ненасытностію“ (Еф. IV, 17—19).

е) Отсюда мы естественно приходимъ къ выводу о гибельныхъ послѣдствіяхъ антиномизма для личной, семейной и общественной жизни. Нормальное теченіе личной жизни антиномизмъ совершенно извращаетъ, полагая въ основу ея эгоизмъ и чувственность. Здѣсь человекъ вмѣсто Бога самого себя дѣлаеть центромъ дѣятельности. Удовлетвореніе эгоистическихъ склонностей становится первою заботою. Но при такомъ преслѣдованіи эгоистическихъ интересовъ не соблюдается различіе между требованіями духовной природы, а также инстинктами плотскими, или страстями. Послѣдніе получаютъ преобладающее значеніе и человекъ дѣлается рабомъ своихъ страстей, низводится въ положеніе безсловеснаго животнаго. Развитіе личности человека, сообразное съ особенностями его духовно-нравственной природы, пріостанавливается. Преданность страстямъ разрушительно дѣйствуетъ на тѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ омертвеніе и въ духовную природу, подавляя въ ней всякое стремленіе къ истинѣ и добру. Отрицаніе брака, провозглашеніе необузданной свободы въ удовлетвореніи страстей ведутъ къ полному разрушенію семейной жизни. Попраніе священныхъ началъ правды, честности, собственности, оправданіе всякихъ видовъ насилія дѣлають совершенно невозможною общественную жизнь. Священное Писаніе представляетъ вразумительные примѣры для всего человечества пагубныхъ послѣдствій нечестія. Такъ оно указываетъ на тотъ страшный судъ Божій, который послѣдовалъ на землѣ въ обреченіи нечестивыхъ людей на истребленіе всемірнымъ потопомъ, представляя

вмѣстѣ съ тѣмъ въ поразительныхъ чертахъ нечестіе человѣческое, переполнившее мѣру долготерпѣнія Божія. „И увидѣлъ Господь, что велико развращеніе человѣческое на землѣ и что всѣ мысли и помышленія ихъ были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создалъ человѣка на землѣ и воскорбѣлъ въ сердцѣ своемъ. И сказалъ Господь: истреблю съ лица земли человѣковъ, которыхъ Я сотворилъ, отъ человѣковъ до скотовъ и гадовъ и птицъ небесныхъ истреблю; ибо Я раскаялся, что создалъ ихъ“ (Быт. VI, 5—7). Преданность тѣмъ же порокамъ, которымъ слѣдовало допотопное человѣчество, со стороны жителей Содома и Гомора повлекло за собою новое наказаніе, проявившееся въ истребленіи этихъ городовъ (Быт. XIX, 24. 2 Петр. 2, 6). Изслѣдованіе судьбы языческихъ народовъ приводило въ послѣдствіи бл. Августина къ глубокомысленнымъ выводамъ, что главными причинами паденія древнихъ царствъ служили лежавшія въ основѣ организаціи ихъ—эгоизмъ и чувственность. Такъ по его наблюденію погибли Троя, богатый Тиръ, могущественный Карфагенъ ¹⁾. Въ такомъ же состояніи разложенія находилось Римское государство предъ началомъ появленія христіанства (Рим. 1, 21—31).

г) Этические особенности сектанскаго мистицизма не заканчивались антиномизмомъ. Они еще выражались въ формѣ опредѣленнаго нигилизма. Рюиссброкъ свидѣтельствуетъ намъ о существованіи такихъ нигилистовъ въ сферѣ нѣмецкихъ Беггардовъ. Они желали возвыситься не только надъ всякими нравственными обязанностями, но и надъ самимъ Богомъ, а потомъ приходили къ отрицанію бытія Божія ²⁾. Отрицаніе это не ново. Уже Давидъ указываетъ на него словами: *рече безуменъ въ сердцѣ своемъ нѣсть Богъ*. (Пс. XIII, 1). Для насъ важно въ данномъ случаѣ, что мистицизмъ въ своихъ

¹⁾ De civitate Dei. lib. I—V. Ebert, Geschichte der christlich. Latein—Literatur bis Carl d. Gross. Lpz. 1874, 214—230.

²⁾ Jundt, Histoire du Pantheisme p. 99. Nous ne croyons pas en Dieu, nous n'esperons pas en lui, car ce serait avouer qu'il est autre chose que nous.—Dicere quod aliquis veniat ad hoc, quod deo non indigeat, blasphemia est in deum, quo omnis creatura indiget, quia aliter in nihilum decideret, dicit Gregorius, propter quod dicitur in Hebr. primo: portans omnia verbo virtutis Act XVII: in ipso vivimus, movemur et sumus. Thes. II. Preger I, 462. По названію можно сблизать

выводахъ частію путемъ устраненія въ Богѣ личныхъ свойствъ, частію путемъ оправданія всякаго беззаконія и нечестія приходитъ къ тому нигилизму который сближаетъ его въ самомъ существенномъ пунктѣ не только съ матеріализмомъ но и съ раціоналистическимъ атеизмомъ. Отсюда слѣдуетъ заключеніе, что если мистицизмъ придаетъ значеніе нравственному усовершенствованію человѣка, безъ котораго немислима этика; то первымъ условіемъ его должно признать бытіе Бога, какъ Личнаго Существа, опредѣляющаго своею волею обязанности человѣка и входящаго съ послѣднимъ въ живое общеніе.

А. Вертеловскій.

(Продолженіе будетъ).

нашу секту Нѣтовцевъ съ средневѣковыми нигилистами. Но въ дѣйствительности между этими сектами замѣчается важное различіе. Нѣтовцы отрицаютъ общественное богослуженіе, въ силу общаго безпоповцамъ убѣжденія, что „благодать улетѣла на небо“, но не отвергаютъ необходимости частной молитвы и, стало быть, далеки отъ атеизма нигилистическаго. Притомъ же Нѣтовцы свое отрицаніе не простираютъ такъ далеко, какъ средневѣковые нигилисты, на нравственно-практическую сферу, въ смыслѣ отмѣненія всякихъ нравственныхъ обязанностей.

Отношеніе религіозныхъ вѣрованій къ наукамъ, по ученію А. Сабатье.

(Продолженіе *).

IV.

Показавши первоначальное зарожденіе (генезисъ) религіозной вѣры въ присущей намъ антиноміи свободы и необходимости,—въ желаніи духа восторжествовать надъ этой антиноміей, Сабатье говоритъ далѣе: не будемъ, однакожь, обманывать себя; не будемъ воображать, будто мы такимъ путемъ, теоретически разрѣшили научную проблему, или основали какую либо доктрину. Указанный нами выходъ изъ разлада между двумя параллельными сторонами нашихъ познаній—исключительно практической; это актъ довѣрія, но не доказательство, или утвержденіе, которое убѣждало бы насъ,—это не научный доводъ, но чисто моральная потребность. Акту этому необходимо быть, или остается отказаться отъ разумной жизни. Въ немъ нѣтъ ничего другого принудительнаго, кромѣ желанія жизни; но послѣднее то и непреодолимо; и если непреодолимо для каждаго индивидуума въ частности, то тѣмъ болѣе—для человѣчества, взятаго во всей своей совокупности. Индивидуумъ можетъ умертвить себя; человѣчество же хочетъ жить и его жизнь есть актъ вѣры.

Тѣмъ не менѣе это практическое рѣшеніе содержитъ въ себѣ возможность и надежду на рѣшеніе научное. Послѣднее

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 15, за 1897 г.

осуществимо двумя способами: во первыхъ, *психологически*, такъ какъ я теоретическаго разума есть вмѣстѣ съ тѣмъ и я разума практическаго и чувствуетъ въ себѣ единую и одинаковую силу, познающую и дѣйствующую; во вторыхъ, *спекулятивно*, такъ какъ, вѣря въ высокое достоинство духа въ насъ самихъ и въ міръ, мы утверждаемъ, что человѣкъ въ міръ имѣютъ въ духѣ начало и конецъ своего существованія. Съ появленіемъ сознанія Бога въ нашемъ чувствѣ, въ духѣ нашемъ примиряются или, по меньшей мѣрѣ, есть надежда на примиреніе сознанія себя и сознанія міра, постоянно находящихся въ настоящее время въ борьбѣ; есть надежда на примиреніе противоположныхъ теченій жизни. Религіозная вѣра духа въ самого себя позволяетъ намъ предугадывать рѣшеніе и утвердительно полагать, что на высшей точкѣ своего полнаго развитія и при достиженіи полнаго совершенства, наука и нравственная жизнь объединятся и сольются въ вѣчной гармоніи. Такимъ образомъ, въ Богѣ существуетъ, очевидное уже для вѣры, примиреніе разума теоретическаго и разума практическаго, которые въ настоящее время развиваются, повидимому, параллельно, безъ возможности когда либо объединиться. Не забудемъ, что наше сознаніе является изъ ничего, или если угодно, изъ безсознательности, и что мы медленно достигаемъ свѣта духовной жизни. Человѣкъ не является съ готовымъ сознаніемъ, онъ развиваетъ его постепенно. Какъ, далѣе, совершается это развитіе? Если хорошенько взглянуть на дѣло, то мы откроемъ, что непримиримая антиномія, которая такъ смущаетъ насъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и условіе нашего духовнаго развитія. Духъ избавляется отъ цѣпей природы, своей матери, лишь путемъ неустанной борьбы. Но кто говоритъ о борьбѣ, тотъ говоритъ о противодѣйствіи и о побѣдѣ. И опытъ показываетъ, что наибольшее сознаніе своей духовности, или сознаніе силъ духа, совпадаетъ съ наибольшими противорѣчіями наукъ, и что, наконецъ, ничто не оказываетъ наукъ большей услуги, какъ высокое и ясное сознаніе этой духовности. Эти, повидимому, враждебныя двѣ сестры, въ сущности суть близнецы, и мы видимъ, что онѣ всегда росли и овладѣвали побѣдой вмѣстѣ, возбуждая другъ друга тѣмъ, что постоянно соперничали между собою.

Всматриваясь же глубже въ это соперничество, мы замѣчаемъ, что человѣчество своею непрерывною работою создаетъ вѣчный храмъ, двумя поддерживающими колоннами котораго являются положительная наука и жизнь духа въ обширномъ смыслѣ. Онѣ медленно поднимаются съ земли и параллельно восходятъ къ небесамъ. Между работниками, трудящимися для этого величественнаго дѣла, одни теряютъ мужество и сомнѣваются, чтобы могли когда либо примириться съ противоположнымъ направленіемъ и завершить желаемый сводъ зданія. Другіе, по своему нетерпѣнію, уклоняются отъ строгой правильности линій зданія; строятъ необдуманно и произвольно, и ложный трудъ ихъ, совершаемый ими такимъ образомъ, разрушается и уничтожается самъ собою, такъ какъ онъ нарушаетъ строгость таинственнаго плана невидимаго Архитектора. Религіозный работникъ скромнѣе; онъ остерегается и нетерпѣнія, дѣлающаго насъ невѣрующими, и потери мужества, которое дѣлаетъ насъ безсильными. Онъ силенъ и живетъ вѣрой, хотя и не видѣніемъ; обѣ опоры своей внутренней жизни онъ воздвигаетъ, повинувшись предписаннымъ заранѣе законамъ, зная, что его долгъ состоитъ не въ томъ, чтобы произвольно заставить ихъ слиться и соединиться прежде времени, но чтобы камень за камнемъ воздвигать ихъ все выше, все крѣпче и все правильнѣй. Наукѣ въ дѣйствительности оказываетъ услугу лишь то, къ чему во всей своей силѣ приложимы законы научнаго изысканія, совершаемаго обдуманно, точно и постепенно. Въ дѣятельности духовной въ обширномъ смыслѣ мы тоже совершенствуемся лишь повинувшись безъ робости идеальному закону сознанія. Такимъ образомъ, у насъ всегда остается достаточное основаніе мыслить и дѣйствовать. Неуклонно держаться этого двойнаго направленія, значитъ вѣрить въ него и найти, въ такой властной вѣрѣ въ самую жизнь, новую силу и первую награду. Именно здѣсь и скрываются глубочайшіе корни всѣхъ нашихъ наукъ.

Благодаря пассивному (невольному) ощущенію, въ наше сознаніе проникаетъ міръ физическій, а благодаря нашему субъективному воздѣйствію, открывается міръ моральный. Отсюда прежде всего пристокаютъ два разряда познаній, развиваю-

щихся параллельно: разрядъ физическихъ познаній, вполне объективный, и разрядъ познаній моральныхъ, совершенно субъективный, т. е. возникаетъ наука о природѣ и наука о духѣ, или, вѣрнѣе, научное развитіе нашего цѣльнаго сознанія.

Однако жъ было бы ошибкой, если бы при отдѣленіи другъ отъ друга двухъ рядовъ познаній мы ограничились обще-употребительнымъ противоположеніемъ чувственныхъ внѣшнихъ явленій явленіямъ внутреннимъ. Оба разряда познаній своимъ происхожденіемъ и своимъ методомъ различаются и характеризуются еще болѣе, чѣмъ различіемъ своихъ предметовъ; и однако-же между ними существуетъ глубокая и непрерывная связь. Такъ я, съ одной стороны, находится въ природѣ и является театромъ дѣйствія цѣлой серіи явленій, которыя могутъ быть наблюдаемы, описываемы, и объясняемы, подобно остальнымъ явленіямъ природы. Соотношеніе между водоизмѣненіями физическими и физиологическими, соотношенія рефлекторно-мозговой (cérebrog—spinale) системы, логическій механизмъ памяти и ассоцірованія идей, формы ощущенія и условія проявленія воли, вся эта психо-физиологія или даже чисто психологія, съ полнымъ правомъ называемая научной, относится къ области наукъ о природѣ. Это отдѣлъ, который можетъ и долженъ быть изслѣдуемъ подобно остальнымъ точнымъ наукамъ. Хотя все это происходитъ съ нашимъ я, но происходитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, безъ него и помимо его, т. е. помимо его участія и даже сочувствія.

Математика есть ничто иное, какъ абстрактная теорія двухъ формъ ощущаемаго, пространства и времени; въ этомъ смыслѣ она полагается въ основу наукъ о природѣ. Надъ нею возвышаются, по порядку спеціализаціи и все возрастающей сложности, механика, физика, химія, физиологія, психофизиологія, логика, и т. д. Разсматриваемыя въ своихъ результатахъ, эти объективныя науки представляютъ организацію явленій въ абсолютно механической ихъ зависимости. Но если вы, напротивъ, станете ихъ разсматривать по той духовной силѣ, которой они открываются, то онѣ явятся тогда какъ бы проявленіемъ творческой дѣятельности мыслящаго субъекта; они носятъ на себѣ отпечатокъ этой дѣятельности. А по произве-

денію всегда узнается его производитель. То, что называется въ общежитіи наукой, поверхностнымъ умамъ кажется чѣмъ то абсолютнымъ, существующимъ въ себѣ и для себя. Это иллюзія. Наука предполагаетъ субъекта, знающаго и безъ перерыва пріобрѣтающаго познанія. Для того, чтобы создать научное произведеніе, необходимо вниманіе и настойчивость, безупречность и безпристрастность, другими словами—сильная субъективная дѣятельность нашего я. Изучивъ, въ наукѣ, плодъ этихъ трудовъ, можно изучать и самую силу, проявляющуюся въ нихъ; можно, послѣ научныхъ открытій и въ самыхъ даже открытіяхъ, узнавать энергію духа совершившую ихъ. Эта природная энергія, разсматриваемая въ самой себѣ, можетъ и должна—сдѣлаться предметомъ познанія, откровеніемъ духа самому же духу. Необходимо только, чтобы эта мыслительная энергія утвердила свое собственное значеніе, хотя на столько, на сколько сдѣлалъ это Декартъ, когда высказалъ свое положеніе: „я мыслю, слѣдовательно существую“. Такъ основывается и утверждается философія въ своей собственной области и своей независимости, а она есть первая изъ нравственныхъ наукъ въ обширномъ смыслѣ, говоря, по крайней мѣрѣ, логически. Затѣмъ слѣдуютъ исторія, мораль, эстетика, политика, богословіе и т. д. Безъ сомнѣнія, всѣ эти разряды наукъ имѣютъ внутреннее взаимно-отношеніе и между собою и къ остальнымъ наукамъ, и между ними происходитъ постоянное взаимодействіе. Большая часть наукъ, поэтому, должны быть названы науками смѣшанными. Самый строгій ученый имѣетъ сильное желаніе включить въ одномъ очеркѣ всѣ явленія—физическія и духовныя, если только пожелаетъ резюмировать свое знаніе и сформулировать, на примѣръ, единство космоса. А это и ведетъ его не только къ раздѣленію, но и къ объединенію параллельныхъ явленій—духовныхъ и физическихъ, по крайней мѣрѣ, къ ясному сознанію ихъ сходства и различія. Также точно и моральныя и религіозныя науки не могутъ выразить своего предмета, не прибѣгая къ метафорамъ, т. е. къ явленіямъ, заимствованнымъ изъ опыта, пріобрѣтеннаго при изученіи этихъ явленій. Они прогрессируютъ только при условіи пользованія науками о природѣ, или, по крайней мѣрѣ, знакомства съ этими науками.

Наше сознаніе міра окончательно формируется лишь при помощи сознанія своего я, а наше сознаніе своего я развивается и совершенствуется лишь благодаря постоянно расширяющемуся сознанію міра. И еще разъ: необходимо избѣгать той путаницы, которая возникала отъ установленія рѣзкихъ и даже непроходимыхъ границъ между познаніями по различію ихъ предмета и происхожденія. Между ними существуетъ глубокая связь. Наша интеллектуальная жизнь похожа на эллипсисъ съ двумя освѣщенными фокусами; съ одной стороны, фокусъ *восприимательной* жизни нашего я, въ которомъ, путемъ познаванія явленій, вырабатываются всѣ, полученные нами, ощущенія, откуда бы они ни исходили; съ другой—фокусъ *активной* жизни нашего я, въ которомъ концентрируются всѣ проявленія духовной жизни. Кто не различаетъ этихъ двухъ фокусовъ эллипсиса нашей внутренней жизни и отождествляетъ послѣднюю съ кругомъ, имѣющимъ одинъ центръ, тотъ остается среди неурядицы непрерывнаго хаоса. Полное сліяніе наукъ физическихъ и моральныхъ есть идеалъ будущаго.

Установивъ это, нетрудно привести обѣ серіи наукъ къ ихъ основнымъ началамъ. Науки о природѣ имѣютъ своимъ корнемъ знаніе о протяженіи и числѣ, такъ какъ, каковы бы ни были изучаемыя ими явленія, послѣднія оцѣниваются и опредѣляются посредствомъ чиселъ или геометрическихъ линій. Въ наукахъ о природѣ все рассчитывается, измѣряется и взвѣшивается. Ихъ основная единица есть примордіальная аксіома математиковъ. Что касается наукъ моральныхъ, то, въ нихъ все совершается иначе. Число и вѣсъ не имѣютъ никакого значенія ни для религіи, ни для морали, ни для эстетики, ни для метафизики. Здѣсь все основывается на сужденіи объ относительномъ достоинствѣ или значеніи, слѣдовательно, на актѣ вѣры или проявленнаго съ энергіей довѣрія духъ къ самому себѣ. Вѣрить въ достоинство активной жизни духа, вотъ основа, на которой покоятся всѣ субъективныя науки: философія, мораль, эстетика, богословіе и т. д. Все распадается или образуется вмѣстѣ съ этой вѣрой—закономъ, какъ все распалось бы въ позитивной наукѣ, если бы математическія аксіомы потерпѣли крушеніе. Этотъ основной актъ есть, какъ мы ви-

дѣли, актъ религиозной вѣры въ духъ. И такъ единство и основа всѣхъ моральныхъ наукъ зиждется на внутренней религіи духа, не иначе.

Остается теперь сравнить объ эти категоріи наукъ, чтобы заключить о характерѣ, методѣ и значеніи каждой изъ нихъ.

У.

Главная противоположность между познаніемъ природы и познаніями нравственно-религіозными, на которую мы указали выше и которую намъ слѣдуетъ ближе изучить, говоритъ Сабатье, состоитъ въ томъ, что первое познаніе остается объективнымъ, а вторыя никогда не могутъ избавиться отъ субъективности. Этимъ мы не желаемъ сказать, будто количество послѣднихъ меньше чѣмъ первыхъ; мы хотимъ только сказать, что они совсѣмъ иного рода, возникаютъ инымъ образомъ и обладаютъ инымъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе и эта объективность и эта субъективность не могутъ быть замѣняемы другъ другомъ и имѣютъ весьма важное значеніе въ наукахъ.

Извѣстно, что наука о природѣ тоже субъективна; ибо развитіе ея зависитъ отъ нашего природнаго устройства и отъ законовъ нашей познавательной способности. Если бы мы обладали большимъ или меньшимъ количествомъ чувствъ и если бы мы имѣли болѣе тонкія или болѣе тупыя познавательныя способности, то наше познаніе природы было бы совершенно инымъ, чѣмъ теперь. Но познаніе религиозное и моральное субъективно еще и въ иномъ отношеніи и въ болѣе глубокомъ смыслѣ. Предметъ научнаго познанія всегда находится внѣ нашего я; и именно познаваніе его, какъ предмета внѣ нашего я, и составляетъ объективность этого познанія. Но предметы познанія религиознаго или моральнаго, Богъ, добро, прекрасное, не представляютъ изъ себя внѣшнихъ явленій, подпадающихъ объективному наблюденію; Богъ открывается лишь сердцу благочестиваго человѣка, добро живетъ лишь въ сознаніи добраго человѣка, прекрасное открывается—лишь въ творческой дѣятельности художника. А это значитъ, что предметъ подобнаго рода познаній неизмѣненъ въ самомъ своемъ содержаніи и открывается лишь въ субъективной дѣятельности этого содер-

жанія. Бога, какъ величайшій и нормирующій идеаль истины, добра и красоты, можно, по Апостолу, *осязать* въ своей душѣ (Дѣян. гл. 17 ст. 27); но это осязаніе не имѣетъ ни чего общаго съ физическимъ или психо-физическимъ осязаніемъ. Извратите или атрофируйте это осязаніе и вы погасите самый источникъ духовной жизни.

Сдѣлаемъ болѣе точную оцѣнку этого очевиднаго различія между двумя отдѣлами нашихъ знаній. Въ чемъ состоитъ основа и какой существенный признакъ объективности науки о явленіяхъ внѣшней природы?

Давно уже задаютъ себѣ вопроеь, дѣйствительно ли міръ, входящій въ область науки, міръ, который *представляется* намъ, есть на самомъ дѣлѣ міръ реальный, существующій внѣ насъ? Въ такомъ видѣ вопроеь этотъ поставленъ въ философіи Канта и привелъ его къ пресловутому ученію о *вещи въ себѣ*. Въмѣстѣ съ тѣмъ, многіе предположили, что во имя всей своей философіи Кантъ пришолъ къ отрицательному рѣшенію этого вопроса. Стали выражать даже удивленіе, почему авторъ *критики чистаго разума* не заперъ немедленно этой открытой двери къ научному скептицизму. Въ самомъ дѣлѣ; послѣ его критицизма стало очевиднымъ, что тотъ субстратъ (substratum), который усиливаются измыслить, какъ опору и носителя явлений, та неопредѣленная и неопредѣляемая субстанція, которую представляютъ въ разнообразныхъ формахъ и съ разнообразными свойствами вещей,—все это лежитъ за предѣлами сознаемаго нами бытія и чувствованія. *Das Ding an sich ist ein Unding* (вещь въ себѣ есть не—вещь). Стали утверждать, что это есть остатокъ древней метафизики, который слѣдуетъ окончательно изгнать изъ современной науки и философіи. Печему же? Потому что если допустить его въ нашу теорію познанія, то онъ исказитъ ее, какъ это сдѣлалъ бы всякій чуждый элементъ. Познать непознаваемое—это противорѣчіе. Кто упорно продолжаетъ дѣлать различіе между вещью въ себѣ и вещью въ явленіи, тотъ остается въ невозможности оцѣнить когда либо объективность наукъ о природѣ и ту ихъ точность, которая принадлежитъ имъ. Такъ думаетъ Сабатье. Читатель видитъ, что А. Сабатье ультра-кантіанецъ. Здѣсь можно было бы сдѣ-

лать нѣсколько замѣчаній о его научно-философскихъ положеніяхъ. Но не будемъ пока прерывать послѣдовательный ходъ мыслей нашего писателя. Ниже мы увидимъ, какъ надобно понимать это Кантіанское, главное положеніе. Затѣмъ Сабатье старается яснѣе опредѣлить объективную точность этихъ наукъ.

Путемъ своихъ вычисленій, говоритъ онъ, Леверрье пришелъ къ предположенію о существованіи еще никѣмъ не видѣнной большой планеты; онъ измѣрилъ ея объемъ, начертилъ ея орбиту въ пространствѣ и указалъ, наконецъ, ея мѣсто-нахожденіе въ извѣстную эпоху. Онъ сказалъ своимъ собратьямъ астрономамъ: „смотрите вотъ туда!“ и планета появилась на стеклахъ всѣхъ телескоповъ. Ясно, что объективность науки есть лишь сила надъ природой, которую даетъ человѣку наука. Всегда ли эта сила въ точности пропорціональна нашему знанію, это иной вопросъ. Можно было бы указать много фактовъ, когда предсказанія астрономовъ оказывались ошибочными. Во всякомъ случаѣ научная объективность есть наша сила надъ природой. Въ чемъ же, однако, состоитъ и самая эта сила объективности, если она не основана на предполагаемомъ познаніи вещи въ себѣ?—Ни въ чемъ другомъ, какъ въ необходимой связи, которую устанавливаетъ между явленіями научная мысль. Эта необходимость не истекаетъ изъ опыта, ибо она есть нѣчто идеальное, добавляемое нашимъ умомъ ко всякому опыту. Но какъ мы не можемъ мыслить иначе, какъ по этимъ необходимымъ законамъ, такъ и объективированіе ихъ въ природѣ становится необходимымъ во всякомъ научномъ изысканіи. Такимъ образомъ, мы по необходимости утверждаемъ основное единство законовъ мысли и законовъ явленій. Опытъ служитъ основою для укрѣпленія этого непосредственнаго утвержденія. Такая необходимость именно и есть объективность: это, по мнѣнію Сабатье, есть единственный ноуменъ, котораго намъ можно искать за явленіями въ природѣ, и за проявленіями мысли въ жизни духа.

Установивши это понятіе объ объективности, Сабатье говоритъ далѣе, что первымъ условіемъ объективной необходимости является требованіе исключить изъ области науки чувство и субъективную волю нашего я. Безъ всякаго сомнѣнія,

для того, чтобы открыть науку, нуженъ мыслящій и дѣйствующій субъектъ; но самой наукѣ надлежитъ видѣть все изучаемое ею независимо отъ субъективной окраски, хотя бы это касалось даже психическихъ явленій, наблюдаемыхъ ею въ нашемъ я. Выведеніе законовъ, открываемыхъ наукою въ нашемъ духѣ, тоже должно быть чуждо нашихъ субъективныхъ настроеній. Это устраненіе субъекта при выводахъ науки становится признакомъ и мѣрой самой научной объективности. Гдѣ устраненіе это полное, какъ въ астрономіи и въ физикѣ, тамъ и объективность абсолютная. Напротивъ, исторія, на примѣръ, гдѣ подобное устраненіе никогда не можетъ быть абсолютнымъ, — лишь стремится всегда къ научной объективности, никогда ея не достигая.

Совѣмъ иначе происходитъ дѣло въ познаніи нравственно-религіозномъ. Съ нимъ мы входимъ сразу въ сферу субъективную, т. е. въ сферу психологическихъ фактовъ, внутреннихъ опредѣленій и положеній самого субъекта, послѣдовательность которыхъ составляетъ его личную жизнь. Устранить я здѣсь невозможно, такъ какъ это значило бы устранить самую суть предмета и иссушить самый источникъ познанія. Велико заблужденіе тѣхъ, которые думаютъ, будто Бога можно познавать также, какъ и явленія природы, и будто, кромѣ того, религіозная жизнь рождается изъ этого объективнаго познанія въ видѣ какого то практическаго приложенія. Истинно—совершенно противное. Богъ не есть явленіе, которое можно наблюдать внѣ себя, и не есть гипотеза, которую можно доказать простымъ логическимъ разсужденіемъ. Кто Его не чувствуетъ, или, по Апостолу, *не осязаетъ* въ себѣ, тотъ никогда не найдетъ Его внѣ себя. Предметъ религіознаго познанія проявляется лишь въ субъектѣ путемъ самаго же религіознаго психологическаго факта. Въ немъ лежитъ, какъ сознаніе религіозное, такъ и сознаніе моральное. Въ этомъ послѣднемъ мы чувствуемъ въ одно и то же время и связанный обязательствами субъектъ, и обязывающій насъ моральный объектъ, въ самомъ этомъ обязательствѣ. Нѣтъ познаваемаго Добра внѣ насъ. Также точно и въ религіи, мы не можемъ сознательно повясть религіозности иначе, какъ чувствуя себя религіозно настроенными;

и въ этомъ настроеніи не можемъ почувствовать или *осязать* Бога иначе, какъ силою и степенью этой религіозности.

Присмотритесь, говоритъ Сабатье, къ естественному и послѣдовательному развитію религіозной жизни. Когда душа чувствуетъ себя вѣрующею, когда она пребываетъ въ мирѣ и въ религіозномъ свѣтѣ, когда она сильна, слаба, безропотна, покорна: то все это она непосредственно приписываетъ дѣйствию Божественнаго Духа, открывающаго въ ней ея силу, ея вѣру, ея слабость, ея покорность. Христіанскіе мученики, умирая на кострѣ, молились такъ: „О Боже, не покидай насъ, чтобы и мы не покинули Тебя!“ Пророкъ Израиля говорилъ: „Если Ты, Создатель, отворишь отъ меня Лице Свое, то я обращусь въ прахъ“. Евангельскій отецъ, испрашивавшій исцѣленія своему сыну, взывалъ: „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“. Чувствовать подобнымъ образомъ въ нашей личной и эмпирической жизни внутреннее дѣйствіе и присутствіе Бога въ нашемъ собственномъ духѣ—это великая тайна, и, быть можетъ, величайшая тайна религіи.

Теперь остановимся нѣсколько на этомъ рядѣ мыслей нашего писателя. Для Сабатье, какъ и для Канта, повидимому, нѣтъ вещи въ себѣ, нѣтъ отдѣльной сущности, субстрата, носителя явленій природы. *Ding an sich ist ien Unging*. По нему, какъ и для современной положительной науки вообще, внѣшній міръ представляетъ изъ себя лишь безконечный рядъ явленій, соединенныхъ между собою необходимою связью послѣдовательности и сосуществованія. Въ знаніи этой послѣдовательности явленій и ихъ сосуществованія и состоитъ наука, ея объективность, ея сила. Но эта научная гипотеза, хотя и сильно распространенная въ наше время, на столько ли достоверна, что должна быть признаваема безспорною истиною? Въ самомъ ли дѣлѣ нѣтъ вещи въ себѣ, нѣтъ субстрата и носителя явленій? Съ этимъ трудно согласиться обычному общечеловѣческому сознанію. Ниже мы увидимъ, что и самъ Кантъ не допускалъ подобнаго рода мысли въ такомъ рѣзкомъ смыслѣ. И будемъ ли мы представлять этихъ носителей божественными или физическими силами, идеями, реальными сущностями, или какъ либо иначе, мы создаемъ эти представленія произвольно,

а подчиняясь принудительному закону развивающагося сознанія. По видимому, можно сказать даже больше. Когда мы увеличиваемъ объемъ наблюдаемыхъ фактовъ, когда глубже узнаемъ ихъ соотношеніе и ихъ связь, то не приближаемся ли мы къ большому и большому разгадыванію ихъ сущностей?—Сабатье отличаетъ явленія духовныя отъ физическихъ и говоритъ, что Бога, какъ Существо безусловно духовное, нельзя включатьъ въ рядъ условныхъ явленій. Прекрасно. Но когда онъ въ основаніе этого различенія полагаетъ одну лишь вѣру конечнаго духа въ свою духовность, въ свою духовную силу, тогда онъ, по видимому, недостаточно принимаетъ во вниманіе весьма важный для этой вѣры фактъ *переживанія* духомъ своей собственной жизни. А между тѣмъ именно это переживаніе и служитъ для нашего духа глубочайшимъ основаніемъ вѣры въ свою духовность, вѣры въ свою обособленность, качественность и тональность. На этомъ же непосредственномъ духовномъ переживаніи зиждется и наша вѣра въ Бога. Прекрасно говоритъ объ этомъ переживаніи нашъ отечественный подвижникъ, епископъ Теофанъ затворникъ: „Когда трезвая мысль минетъ всѣ твари, перенесется за предѣлы міра и погрузится въ созерцаніе Бога, тогда находитъ, что, какъ несомнѣнно то, что Онъ есть, такъ несомнѣнно и то, что Онъ не есть что либо изъ знаемаго въ тваряхъ: ни сила, ни свѣтъ, ни жизнь, ни умъ, ни слово, ни мысль, и вообще ничто изъ представляемаго умомъ нашимъ; и потомъ, когда обведетъ однимъ взоромъ всѣ сіи отрицанія, то вводится мгновенно въ Божественный нѣкоторый мракъ, въ коемъ не можетъ зрѣть ничего кромѣ необъятной, преисполненной существенностей безпредѣльности, поражающей глубоко и полагающей молчаніе на слово и мысль. Это состояніе возвышеннѣйшее, до коего можетъ доходить только земная тварь“. Конечно не всѣ равномерно доходятъ до этого состоянія. Тотъ же епископъ—подвижникъ говоритъ: „Моисей восходитъ на самый верхъ горы (Богопознанія) и скрывается въ облакъ, другіе стоятъ на полугорѣ, а третьи у подножія“¹⁾. Во всякомъ случаѣ, эти три переживанія духовности, или три состоянія

¹⁾ „Письма о христіан. жизни“. Выпускъ IV. СПБ. 1860 г., стр. 100—103.

людей служатъ образами сознанія своей духовности и восхожденія къ постиженію и сознанію непостижимости безпредѣльнаго Бога. Повторяемъ, вѣра въ духовный міръ есть вѣра принудительная для нашего сознанія и глубочайшіе корни ея скрываются въ переживаніи духомъ своихъ собственныхъ состояній. Но переходимъ къ дальнѣйшему изложенію мыслей нашего писателя.

Мы видѣли, говоритъ далѣе Сабатье, какимъ образомъ, по одному уже своему происхожденію, различается познаніе религіозное отъ познанія строго научнаго. Одно основывается на теоріи воспринимательной жизни мыслящаго я, а другое на теоріи активной и самостоятельной жизни субъекта. Но такъ какъ и воспринимающій, и дѣйствующій субъектъ единъ, то и оба разряда познаній не могутъ быть ни изолированными, ни абсолютно независимыми, хотя не могутъ и слиться во едино. Результаты ихъ изслѣдованій могутъ быть соединяемы, чтобы пополнять другъ друга, но сдѣлаться равнозначущими, и служить другъ другу замѣною никогда не могутъ. Если вы допустите, напримѣръ, что философы сумѣютъ, какъ они часто думаютъ, основать истинную объективную науку о Богѣ и дойдутъ до познанія Бога въ Себѣ самомъ и внѣ нашего я, то это научное познаніе Бога, если бѣ оно и было возможнымъ, не было бы еще познаніемъ Бога религіознымъ; ибо религіозно познать Бога—это значитъ познать Его въ Его соотношеніи съ нами, то есть, познать Его въ нашемъ сознаніи настолько, насколько Онъ въ немъ пребываетъ и насколько располагаетъ насъ къ нравственно-религіозной жизни. Вотъ въ какомъ смыслѣ должно быть признаваемо утвержденіе, что религія столько же отлична и столько же независима отъ метафизики, какъ и отъ космологіи. Дѣйствительно, при космологическомъ познаніи дѣло идетъ о феноменальномъ познаніи міра. Познать міръ, какъ познаетъ его астрономъ или физикъ, это еще не значитъ познать его религіозно. Познать его религіозно значитъ, взявъ его такимъ, каковъ онъ есть, и не впадая въ противорѣчіе съ научными законами, которымъ онъ долженъ подчиняться, опредѣлить его значеніе съ точки зрѣнія нравственно-религіозной жизни духа; значитъ оцѣнить его съ той сто-

роны, съ которой онъ является средствомъ для достиженія совершенства въ этой жизни, или препятствіемъ, задержкой и угрозой ей. Такимъ же образомъ, познать религіозно самихъ себя, это не значитъ создать научную психологію, но значитъ, сознавъ свою духовность, поставить себя въ надлежащія соотношенія или съ Богомъ, или съ міромъ, стремясь возвыситься надъ угнетающими насъ противорѣчіями жизни, чтобы достигнуть внутренняго единства и удовлетворенности сознанія. Итакъ, религіозное познаніе не только не сможетъ никогда лишиться своего субъективнаго характера; но оно само и представляетъ изъ себя ничто иное, какъ эту самую субъективность, рассматриваемую въ своемъ законномъ дѣйствіи и развитіи.

Коль скоро мы ясно сознали противоположность этихъ двухъ отдѣловъ знанія, то уже становится очевиднымъ, что каждое изъ нихъ истинно или дѣйствительно въ своей собственной области, и результаты ихъ не могутъ замѣняться или зависѣть другъ отъ друга. Пытаться обосновать религіознымъ путемъ реальность какого либо явленія, относительно котораго остаются убѣдительнымъ или справедливыми лишь экспериментальная наука или интеллектуальная критика, или же желать подтвержденія объективнымъ путемъ внутреннихъ фактовъ религіозно-нравственной жизни, вытекающихъ изъ субъективнаго сознанія, вотъ два произвольныхъ, неразумныхъ и одинаковыхъ опасныхъ заблужденія. Экспериментальная наука имѣетъ право протестовать противъ религіознаго познанія, вторгающагося въ чуждую область; но и религіозное познаніе имѣетъ такое же право удержать науку въ ея истинныхъ границахъ. Слѣдуетъ ясно различать эти двѣ области для избѣжанія возможныхъ противорѣчій. Ограничивать Бога какою либо вещественною формою, это, въ сущности, суевѣріе или идолопоклонство; включать всю душу въ механической феноменализмъ и препятствовать дѣятельности субъекта выйти изъ него, это и есть собственно невѣріе или матеріалистическій позитивизмъ.

Истины религіознаго и моральнаго характера познаются лишь въ субъективномъ актѣ того, что Паскаль называлъ

сердцемъ. Положительная наука ничего не можетъ знать о нихъ; ибо эти предметы не принадлежать къ ея компетентности. Также точно и явленія природы познаются лишь при посредствѣ наблюденія и вычисленія. Ни сердце, ни религіозная вѣра не дадутъ для нихъ никакого опредѣленія. Всякій отдѣлъ имѣетъ свою убѣдительность. Не слѣдуетъ говорить, что въ одномъ она ббольшая, нежели въ другомъ. Ученый увѣренъ относительно своего предмета не болѣе, чѣмъ человекъ нравственный или религіозный относительно своего; но сами по себѣ ихъ убѣжденія различны. Научная убѣдительность имѣетъ своимъ основаніемъ интеллектуальную очевидность; религіозная же имѣетъ своей основой силу субъективной жизни, или моральную достовѣрность. Первое даетъ удовлетвореніе уму; второе даетъ всей душѣ чувство возстановленнаго равновѣсія, сознаніе своей возвышенности надъ феноменальнымъ міромъ, чувство силы и спокойствія. Это счастливое чувство утѣшенія жизнию; внутреннее укрѣпленіе въ духовномъ благѣ.

Послѣ сказаннаго нѣтъ ничего удивительнаго, что оба эти разряда познаній или убѣжденій раскрываются различными способами. Объективная наука передается путемъ доказательства такого же объективнаго, какъ и сама она. Субъективная жизнь ученаго при этомъ совершенно безразлична. Чтобы убѣдить насъ въ дѣйствительности своихъ открытій, астроному нѣтъ надобности обладать великимъ нравственнымъ характеромъ. Напротивъ, человекъ, въ высшей степени безнравственный, всегда будетъ негоднымъ профессоромъ нравственности. Религія распространяется (пропагандируется) лишь людьми религіозными. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ религіозномъ познаніи разсудочное (*intellectuelle*) доказательство (*demonstration*) или идея имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку служатъ выраженіемъ, выѣшной формой личной жизни субъекта. Тутъ лежитъ секретъ и тайна краснорѣчія. „*Si vis me flere, dolendum ipsi tibi*“ (если хочешь, чтобы я плакалъ, то скорби и ты); это справедливо во всѣхъ моральныхъ наукахъ столько же и даже болѣе, чѣмъ въ эстетикѣ. Кантъ доказалъ, что объективными доказываніями существованія Бога нельзя достигнуть цѣли. Эти доказательства бессильны для

человѣка, чуждаго религіозности; для человѣка же истинно религіознаго они имѣютъ значеніе не доказательствъ, а лишь указаній на высочайшій предметъ религіознаго культа. Вотъ почему религіозную пропаганду сравниваютъ иногда съ эпидемическимъ распространеніемъ. *Ex vivo vivus nascitur*. Да и богословская (научная) убѣдительность въ религіи имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ степень благочестія. Посмотрите, какими иногда ничтожными аргументами производилась удивительныя, тысячныя обращенія. Тѣ, которые становятся предъ этимъ въ тупикъ, не проникли еще въ истинную сущность религіозной вѣры.

Вслѣдствіе пренебреженія такимъ простымъ и нагляднымъ раздѣленіемъ двухъ нашихъ разрядовъ познаній, мы и видимъ, что съ одной стороны есть столько философовъ, мечтающихъ превратить мораль и философію въ объективную науку, а съ другой—столько ученыхъ, наивно выдающихъ свою объективную науку за метафизику и за разрѣшеніе жизненной загадки. Двѣ опасныя иллюзіи, отъ которыхъ все запутывается и все смѣшивается. Объективную мораль—вотъ то, что хотѣлось бы получить этимъ моралистамъ. Но съ такимъ же правомъ можно говорить, чтобы квадратъ сдѣлался круглымъ. Разъ объективная наука преобразовывается въ метафизику, она перестаетъ уже быть наукой и превращается въ субъективную философію. Это повятно само собой.

Однакожь, различая оба разряда нашихъ познаній, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ обособлять ихъ другъ отъ друга, а въ особенности пренебрегать непосредственной ихъ общностью и соотвѣтствіемъ. Дѣйствующій при нихъ субъектъ одинъ и тотъ же и имѣетъ ясное сознаніе о своемъ единствѣ; вотъ почему онъ склоненъ всегда къ синтезу. Наука о явленіяхъ не можетъ развиваться, не зароня въ субъективномъ сознаніи нашего я идею о единствѣ, планомѣрности и гармоніи. Съ другой стороны, моральное и религіозное познаніе для своего выраженія нуждается въ заимствованіи у науки о явленіяхъ образовъ, которыми оно пользуется и противорѣчія которымъ, слѣдовательно, оно должно избѣгать. Мы склонны къ синтетическому гармонизированью научныхъ знаній съ непоколеби-

мыми положеніями вѣры, и въ философіи стремимся къ логическому единству. Но не надобно переступать границъ. Мы настойчиво отказываемся допустить, чтобы субъективный разрядъ знаній могъ быть выведенъ изъ объективнаго разряда наукъ, какъ его слѣдствіе или приложеніе; именно таково и есть заблужденіе матеріалистическаго позитивизма. Но съ другой стороны и обратно, мы отвергаемъ, чтобы объективный отдѣлъ наукъ о явленіяхъ природы могъ, или долженъ быть выведенъ изъ разряда моральнаго или религіознаго; именно въ этомъ и состоитъ коренная ошибка схоластическаго догматизма. Надобно надлежащимъ образомъ оцѣнивать эти противорѣчія, изъ которыхъ истекаетъ необходимый прогрессъ знаній. При современномъ развитіи наукъ существуетъ только стремленіе къ гармоніи, но не сама гармонія. Послѣдняя есть обѣтованная награда, цѣль, требующая для достиженія усилій. Наша философія должна принимать это во вниманіе и чуждаться обольстительнаго и обманчиваго желанія, какъ это обыкновенно имѣетъ мѣсто въ возрѣніяхъ идеалистическихъ и матеріалистическихъ, создать изъ даннаго и переходящаго научнаго матеріала вѣчную метафизическую сущность съ ущербомъ или устраненіемъ какого либо одного изъ двухъ разрядовъ, существующихъ знаній. Тѣмъ не менѣе и въ настоящее время между двумя рядами нашихъ знаній, по ученію Сабатье, существуетъ тѣсная связь.

VI.

Субъективное по своей сущности и по своему происхожденію, религіозное познаніе прежде всего, говоритъ онъ, *телеологично* въ своемъ процессѣ.

Телеологія (цѣлесообразность) есть форма всякой органической жизни и всякой сознательной дѣятельности. Да и что другое представляетъ изъ себя религіозное познаніе, какъ не теорію сознательной жизни духа, его субъективной дѣятельности, для которой понятіе о цѣли является существеннымъ?

Безъ идеи или безъ принципа необходимой причинности, явленія для науки не имѣютъ между собой связи; безъ представленія о цѣли или безъ принципа целесообразности (prin-

сире de direction) біологическіе и психологическіе факты не могутъ быть организованы, т. е. не могутъ быть расположены по степени ихъ важности.

Механизмъ и телеологія—вотъ два новыхъ термина для выраженія той противоположности, которою различаются познание научное и познание религіозное. Но будетъ предрасудкомъ думать, будто одна форма научнаго объясненія по необходимости исключаетъ другую или дѣлаетъ ее излишней. Противоположные этому примѣры мы видимъ не только въ машинахъ, устрояемыхъ людьми, но и въ живыхъ организмахъ, надъ которыми, по выраженію Клода Бернара, въ качествѣ формирующей и направляющей идеи жизни, царствуетъ абсолютный детерминизмъ.

Механическое объясненіе научныхъ явленій и детерминизмъ науки становятся исключаящими телеологію лишь съ того момента, когда они преобразовываются въ метафизическій материализмъ т. е. начинаютъ утверждать *a priori* и на основаніи субъективныхъ убѣжденій, что въ природѣ нѣтъ ничего, кромѣ матеріи и движеній этой матеріи. Но именно съ этого же момента, какъ это само собою ясно, материализмъ, признающій себя научнымъ, превращается уже въ философскую систему, и, какъ всякая философія, подпадаетъ обсужденію не только объективной науки о мірѣ, но и обсужденію сознанія съ его коренными запросами жизни.

Кто захочетъ присмотрѣться къ этому поближе, тотъ увидитъ, что идеи о причинѣ и о цѣли истекаютъ изъ одного и того же источника. Идея о причинѣ пробуждается въ насъ потому, что наше я, стремясь къ познанію себя, начинаетъ вполне опредѣленно чувствовать себя совершителемъ своихъ актовъ; чувство это оно считаетъ послѣдствіемъ совершаемаго имъ же усилія. Но въ то же время оно знаетъ что совершило это усиліе, имѣя въ виду цѣль, привлекающую его. Причина и цѣль—вотъ чѣмъ характеризуется одинъ и тотъ же сознательный актъ. Одно есть взглядъ сознанія, обращенный назадъ (ретроспективный); другое—взглядъ сознанія, обращенный впередъ (прогрессивный). Какъ мы познаемъ міръ лишь тогда, когда облакаемъ его въ категоріи или формы нашего собствен-

наго сознанія, такъ и обѣ категоріи причины и цѣли присущи каждому нашему познанію съ такою же необходимостью.

Но вотъ другое слѣдствіе этого психологическаго факта. Такъ какъ сознаніе себя едино, то ни идея о причинѣ или регрессивно-механическое міросозерцаніе, взятое въ отдѣльности, ни идея о цѣли, или прогрессивно-телеологическое міросозерцаніе, тоже взятое въ отдѣльности, не являются, оставаясь обособленными другъ отъ друга, достаточными для объясненія нашему я всей вселенной. Легко видѣть, что объективная наука о явленіяхъ природы, чуждаясь цѣлесообразности, не можетъ быть законченной. Та необходимая цѣль, въ которую она вводитъ всякое частное явленіе, какъ звено, по мѣрѣ научнаго прогресса бесконечно удлиняется во времени и пространствѣ, безъ возможности быть закрѣпленной или законченной въ какой либо своей части. Выступая же за предѣлы пространства и времени, принципъ причинности, примѣнимый лишь къ явленіямъ, существующимъ во времени и пространствѣ, можетъ дать лишь неразрѣшимыя противорѣчія или антиноміи. Съ другой стороны, объяснять явленіе другимъ явленіемъ, это значитъ объяснять его такой причиной, которая, въ свою очередь, требуетъ новаго объясненія. Механическое объясненіе вещей никогда не представитъ изъ себя достаточнаго объясненія. Это бесконечная серія недостаточныхъ частныхъ объясненій. Покрывало науки, составленное изъ скрѣпленныхъ и неразрушимыхъ колець, не покрываетъ и не можетъ покрыть всю дѣйствительность. Космосъ, создаваемый наукой, подобенъ земному шару; онъ плаваетъ въ бесконечности. Гдѣ же та сила притяженія, которая поддерживааетъ его и заставляетъ двигаться?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ одно только телеологическое міросозерцаніе вещей. Но всякое телеологическое утвержденіе относительно вселенной есть уже утвержденіе религіозное, кореннымъ образомъ отличающееся отъ положеній позитивной науки. Послѣдняя, изучая лишь совершившіеся факты, констатируетъ всегда лишь явленія и предшествовавшія имъ или сопровождающія ихъ условія, т. е. другія явленія. Разъ явленія подведено подъ серію взаимно-причинностей, задача науки

кончена. Требовать отъ нея, чтобы она возвысилась надъ этимъ, значитъ вынуждать ее перейти за ее предѣлы и отказаться отъ позитивнаго метода. Но установить относительно вселенной телеологическое міросозерцаніе возможно только при вѣрѣ въ господство духа. Утверждать, что въ вещахъ существуетъ смыслъ, мысль, что они идутъ къ извѣстной цѣли, представляютъ извѣстный порядокъ, гармонію, благо — это значитъ утверждать, что матерія подчинена духу. Но утверждать это господство духа равносильно тому акту первоначальной религіозной вѣры, о которомъ мы говорили въ началѣ; это значитъ чувствовать въ себѣ и въ мірѣ нѣчто другое, а не одну механическую силу матеріальнаго движенія, чувствовать таинственную силу духа. Безъ сомнѣнія, этотъ актъ вѣры необходимъ и, слѣдовательно, законенъ; но при этомъ надобно хорошо помнить, что онъ относится къ субъективной области религіозной жизни, а не къ объективной области науки.

Противорѣчіе въ отношеніи къ телеологіи и теоріи конечныхъ причинъ возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда пренебрегаютъ ихъ специфическимъ характеромъ; когда для объясненія явленій желаютъ отождествить, а иногда и приравнять ихъ къ механическимъ причинамъ. Такъ, при отсутствіи научнаго объясненія по отношенію къ тому или иному явленію, иногда замѣняютъ эти объясненія ссылкой на идею или на волю Божію. Ученые протестовали и имѣли полное право протестовать противъ этого. Конечно, Богъ есть премірная причина всего; но Онъ ни для чего не можетъ служить механическимъ объясненіемъ. Наука имѣетъ своимъ предметомъ не иное что либо, какъ только отыскиваніе вторичныхъ причинъ; гдѣ этихъ причинъ нѣтъ, тамъ нѣтъ и науки. Ихъ не можетъ замѣнить вѣра. Сказать, что Богъ создалъ міръ или что міръ стремится къ осуществленію добра, значитъ указать на первую и послѣднюю причину космоса, но не значитъ приблизиться къ научному рѣшенію этихъ вопросовъ ни на шагъ. И обратно, научное объясненіе явленій дождя, грома, паденія тѣлъ или другихъ физическихъ явленій не тождественно съ непосредственнымъ развитіемъ субъективной, т. е. религіозной жизни духа. Не слѣдуетъ насильственно сближать данныя

опыта съ требованіями жизни духовной, потому что изъ этого сближенія, всегда произвольнаго, хотя и возвышеннаго, не можетъ истекать возрастанія, внутренней силы духа и развитія общественной цивилизаціи. Лучше не обманывать себя общими причинами и держаться здоровой оцѣнки происхожденія и характера элементовъ этого сближенія, изъ котораго въ теченіи цѣлѣхъ вѣковъ напрасно старались извлечь удовлетворительную концепцію міра и жизни.

На иномъ основаніи, именно на основаніи строго практическомъ, изъ телеологіи возникаетъ самая сущность религіознаго познанія. Никогда не слѣдуетъ терять изъ виду, что въ религіи и посредствомъ религіи мы ищемъ рѣшенія именно жизненной, а не научной загадки. Съ точки зрѣнія религіи загадка вселенной присуща намъ лишь потому, что мы вѣримъ что именно въ религіи и лежитъ секретъ ея послѣдняго рѣшенія. Мы плывемъ на кораблѣ и ясно видимъ, что съ его участію соединена и собственная наша участь. Этотъ корабль есть міръ. Вотъ почему религіозная вѣра, совершенно безразличная къ роду архитектуры и къ способу и образу построенія судна, интересуется главнымъ образомъ расположеніемъ корабельнаго паруса и стремится предугадать предстоящій путь. Есть ли на немъ компасъ? и стоитъ ли кто нибудь у руля?

Другими словами, религія есть практическая потребность, которою духъ ограждаетъ себя отъ постоянныхъ угрозъ физической природы. Поэтому она рассматриваетъ все съ точки зрѣнія господствующаго блага, а господствующее благо для духа можетъ быть только высшимъ торжествомъ и полнымъ раздвѣтомъ жизни духа. Итакъ, въ основѣ всякаго религіознаго познанія лежитъ всегда телеологическое воззрѣніе. Не сущность вещей, а ихъ взаимное вліяніе на нашу духовную жизнь интересуется вѣру. Въ религіозномъ познаніи Бога, на взглядъ благочестивыхъ людей, дѣло идетъ не о метафизическомъ разгадываніи природы Божіей, а о знаніи воли Божіей. И религіозное понятіе о мірѣ имѣетъ въ виду не сущность и не механическую причину явленій, а вопросъ о томъ, откуда происходитъ міръ и имѣетъ ли онъ цѣлью только служить театромъ и органомъ дѣйствія для духа. Что можетъ быть важ-

нѣе для вѣры опредѣляющей Бога, какъ вѣчный Духъ, убѣжденія человѣка въ томъ, что его индивидуальный духъ находится въ единственной и исключительной зависимости отъ той Духовной Силы, отображеніе которой онъ носитъ въ себѣ? Вполнѣ справедливо, что опредѣлять такъ конечную причину міра значитъ опредѣлять также и его первую причину. И то, и другое—одно и то же; но не должно впадать въ метафизическую ошибку относительно этимологическаго смысла этого слова; не должно смѣшивать вторичныхъ причинъ съ первичными. Главный пунктъ тутъ—это знаніе того, что всякій рѣшительный шагъ за цѣль видимыхъ явленій, совершаемый философомъ или богословомъ, всегда есть актъ субъективной жизни, актъ убѣжденности духа, актъ религіозной вѣры, а не строгой и точной науки. Но этимъ, по ученію Сабатье, не исчерпывается еще связь религіозныхъ познаній съ научными.

К. Истоминъ.

(Окончаніе будетъ).

„Золотые стихи Пифагорейцевъ“ съ комментариемъ Гіерокла философа.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Продолженіе *).

XIII. 24—26.

. . . . . И заповѣдь эту блюди совершенно:
Словомъ ли, дѣломъ на зло склоняють; ты не поддавайся,—
Дѣлать и молвить ты долженъ лишь что для тебя—то наилучше.

Правило это простирается на всѣ человѣческія дѣйствія и по смыслу своему почти равносильно извѣстному уже намъ правилу—

. . . . . А что постыдно,—не дѣлай ни съ кѣмъ либо вмѣстѣ,
Ни въ одиночку, себя-жъ самого ты больше всѣхъ бойся.

Въ самомъ дѣлѣ, кто, приучивши самого себя стыдиться и бояться, не только не совершаетъ ничего постыднаго ни самъ собою наединѣ, ни въ сообществѣ съ кѣмъ либо, но даже самую мысль о всемъ подобномъ отгоняетъ отъ себя, имѣя внутри себя въ собственномъ разумѣ недремлющаго страха,—тотъ только можетъ выслушать и выполнить это правило—*никто да не склонитъ тебя, ни словомъ, ни дѣломъ* на злое, потому что только тотъ не доступенъ никакому обману и никакимъ обольщеніямъ, кто сознаетъ вполне собственное высокое человѣческое достоинство и во имя его не дастъ себя ни лести ублажить, ни угрозѣ устрашить—отъ кого бы ни шла та и

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1897 г., № 17.

другая,—отъ враговъ, или отъ друзей—такъ какъ подъ словомъ *никто* можетъ подразумѣваться кто угодно—и отецъ и тираннъ, и другъ и врагъ. Способовъ же обольщенія есть два—одинъ посредствомъ слова, другой посредствомъ дѣла; словомъ обольщаютъ тѣ, которые льстятъ, или угрожаютъ, а дѣломъ тѣ, которые предлагаютъ дары, или назначаютъ наказаніе. Противъ всего этого намъ должно имѣть духъ, на подобіе крѣпостной стѣны огражденной здравымъ и правымъ смысломъ, чтобы ни что внѣшнее не руководило нами, чтобы ни пріятное насъ не прельщало, ни страшное не ввергало въ рабство, ибо этотъ присущій намъ здравый и правый смыслъ оставитъ намъ съ обѣихъ сторонъ адамантовыхъ стражей—съ одной умѣренность, а съ другой мужество, и этимъ сдѣлаетъ для насъ безопасными и безвредными какъ лесть и ухаживанія людей милыхъ, такъ и угрозы, ожесточеніе людей страшныхъ, а къ этимъ добродѣтелямъ присоединитъ кромѣ того ту строгую справедливость, которую *словомъ и дѣломъ соблюдаютъ* предписано было выше. Вотъ подъ какимъ условіемъ никто никогда не успѣетъ склонить насъ ни слово сказать, ни дѣло сдѣлать такое, которое было бы несогласно съ нашимъ здравымъ и правымъ смысломъ, ибо если мы въ самомъ дѣлѣ себя самихъ больше всѣхъ чтимъ, то понятно, что никто для насъ не покажется настолько болѣе насъ самихъ заслуживающимъ почтенія или страха, чтобы могъ заставить насъ сдѣлать или сказать что либо противное долгу, тѣмъ болѣе, что то и другое вредно душѣ, а вредное ей не полезно и для насъ, такъ какъ мы есмы, или наше я есть душа. Чтобы уразумѣть съ возможною точностію смыслъ всей заповѣди, слѣдуетъ въ этой фразѣ: *„развѣ лишь то, что для тебя лучше“* (*ὅ τι τοι μὴ βέλτερόν ἐστι*) мѣстоимевіе *тебѣ* (*τοι*) принимать не въ обыкновенномъ общемъ значеніи, а въ смыслѣ указанія на спеціальную сущность лица, какъ лица, такъ что вмѣсто одного *„тебѣ“* слѣдовало бы полнѣе сказать *„тебѣ, что ты еси главнымъ образомъ, или по существу“*, и тогда получится вотъ что: *тебѣ заповѣдуется: „никто да не склонитъ тебя ни словомъ, ни дѣломъ совершить что либо или сказать, кромѣ лишь того, что полезно тебѣ“*; но вѣдь ты разумный духъ, а потому, если ты

мудръ, не допустишь въ себя никакого вреда отънѣ, будучи духовнымъ существомъ, ибо ты еси собственно душа, тѣло же (не есть ты) есть только твое, а все внѣшнее приражается только къ твоему тѣлу. Путемъ такого разграниченія ты избѣгаешь смѣшенія природъ, познаешь, въ чемъ собственно состоитъ человѣческая природа, уразумѣешь, что ты—не тѣло и не что либо внѣшнее, вещественное, а тогда не станешь печалиться о внѣшнемъ, какъ будто о тебѣ самомъ, и не допустишь, чтобы пристрастіе къ тѣлу или къ богатству, овладѣвъ тобою, влекло тебя куда ни попало. Напротивъ, когда мы не знаемъ, кто мы и что мы, то не знаемъ и того, что собственно должно быть предметомъ нашихъ стараній, и тогда мы обо всемъ другомъ заботимся больше, чѣмъ о своемъ собственномъ я, которое должно быть самымъ первымъ и самымъ главнымъ предметомъ всяческихъ заботъ и стараній. А если такъ,—если пользующееся и владѣющее тѣломъ есть душа, тѣло же, съ нею соединенное, играетъ роль ея органа, а все прочее внѣшнее изыскивается для поддержанія жизни этого органа, такъ какъ его измѣнчивая текучая природа постоянно требуетъ обновленія веществъ,—то ясно, что самая первая и главная забота наша должна быть о томъ, что есть первое и главенствующее, а о томъ, что есть второе,—уже вторая и второстепенная. Поэтому, и мудрый не небрежетъ о тѣлѣ, а заботится, однакожъ никогда не ставитъ его какъ первое и главное, напротивъ выучиваетъ его служить на потребу и пользу души такъ, чтобы оно безпрепятственно и неуклонно подчинялось всѣмъ ея желаніямъ и выполняло всѣ ея требованія,—а затѣмъ онъ не нерадитъ и о томъ, что стоитъ на третьемъ мѣстѣ, приобрѣтая и употребляя то внѣшнее, чѣмъ поддерживается жизнь тѣла—органа души; о душѣ же онъ печется, какъ о самомъ первомъ, да чуть ли не объ ней одной только онъ и печется, прилагая заботу о томъ, что послѣ или ниже ея, лишь въ той мѣрѣ, въ какой она служитъ благу и успѣху самаго перваго—души. Но что внѣ добродѣтели, то и не есть лучшее, полезное тебѣ, ибо кому полезна добродѣтель, тому вредно все то, что внѣ ея или противоположно ей. Итакъ, какъ бы обведеннымъ кругомъ совѣтуетъ намъ ограждать и охранять наши добродѣтели даю-

щій заповѣдь, чтобъ мы никому не давали успѣть въ попыткахъ отклонить насъ отъ добродѣтели, къ какимъ бы кто дѣйствіямъ или убѣжденіямъ ни прибѣгалъ, внушая намъ рѣшимость склониться на худшее, чтобъ напрімѣръ ни тираннъ, дающій ли обѣщанія и даже самымъ дѣломъ подтверждающій ихъ, или напротивъ устрашающій угрозами, а то и самымъ дѣломъ къ насиліямъ прибѣгающій, ни какоенибудь близкое лице, подъ личиною благорасположенности скрывающее обманъ и коварство, словомъ, чтобъ никто и ничѣмъ не успѣлъ отклонить и отвратить тебя отъ того, что полезно душѣ; а полезны ей только истина и добродѣтель. Недоступенъ же никакому совращенію ты тогда будешь, когда, зная, въ чемъ состоитъ твоя истинная природа и кому она подобна, будешь, прилагать постоянную и неослабную заботу объ уподобленіи ея своему первообразу, а все, что отвращаетъ отъ этого уподобленія, будешь считать за величайшее зло и наказаніе, ибо *то, что не есть тебѣ лучшее, и есть какъ разъ то, что отвращаетъ отъ богоуподобленія, и наоборотъ то, что тебѣ—то наилучшее, ведетъ къ богоуподобленію.* Да и что, въ самомъ дѣлѣ, противопоставятъ намъ такое, которое могло бы отвратить насъ отъ богоуподобленія и отъ философіи? Ужъ не предложеніе ли и отнятіе богатства? Но мы научились съ благоразуміемъ и безстрастіемъ какъ получать его, такъ и терять, да и то намъ не безъизвѣстно, что обладаніе имъ не надежно. Если этотъ (который грозитъ отнять въ желаніи склонить на чтонибудь) не отниметъ, то развѣ воръ не можетъ отнять или утащить,—и тогда, вѣдь, мы довольно спокойно отнесемъ къ потерѣ, послужившей въ пользу неимущему. А кораблекрушеніе развѣ не можетъ насъ сразу лишитъ всего, что имѣемъ? А кромѣ этихъ отъ сколькихъ еще всякаго рода случайностей погибаетъ богатство! Въ виду всего этого, нашъ разумъ развѣ не станетъ всецѣло на сторону добродѣтели, внушая намъ, что добровольно промѣнивая на почетную бѣдность наше богатство и отрекаясь отъ него по благороднымъ побужденіямъ, мы тѣмъ самымъ столько же, такъ сказать, покупаемъ или откупаемъ для себя добродѣтели, сколько желавшій отвратить насъ отъ нея причинилъ намъ

урона? Но онъ (тираннъ) присовокупить еще истязанія, пытки, а затѣмъ и смерть? Но въ виду этихъ ужасовъ вотъ какъ намъ слѣдуетъ разсуждать: да вѣдь не мы же отъ всего этого постраждемъ, если только соблюдемъ и спасемъ себя (т. е., свое духовное нравственное я), а тѣло, тѣло же если и умретъ, не потерпитъ ничего противнаго своему природѣ, такъ какъ по самой природѣ своей оно и смертно, и раздѣлимо на части, и подвержено весьма многимъ страданіямъ, которыхъ напримѣръ случайная болѣзнь можетъ причинить гораздо больше, чѣмъ какой бы то ни было тираннъ. Да и что за смыслъ стараться избѣгнуть того, что не въ нашей власти, а не стараться соблюсти то, что соблюсти и спасти зависитъ всецѣло отъ нашей воли? Вѣдь того, что самою природою приговорено къ смерти, мы не въ состояніи спасти отъ нея, чтобы ни дѣлали, между тѣмъ какъ то, что бессмертно, т. е., нашу душу, наше я мы можемъ украсить добродѣтелию, если насъ не поколеблютъ угрозы смертию; а если мы за правое дѣло и смерть перенесемъ, то украсимъ необходимость природы красотой свободнаго нравственнаго подвига. Вотъ тѣ страшныя вещи, къ которымъ люди прибѣгаютъ, когда требуется кого нибудь настрашать, а потомъ въ наказаніе подвергнуть страданіямъ. Но, что лежитъ внутри души, то свободно, то никѣмъ не можетъ быть покорено и приведено въ рабство, если мы этого не пожелаемъ и не позволимъ;—ибо, если только нѣтъ у насъ чрезмѣрнаго пристрастія ни къ своему тѣлу, ни ко всему внѣшнему, то мы своей свободы добровольно никому не отдадимъ въ рабство, и благъ добродѣтели никогда не промѣняемъ ни на богатство, ни даже на эфемерную жизнь на землѣ. Вотъ что ваша заповѣдь предписываетъ намъ соблюдать всегда и во всемъ для того, чтобы добродѣтель наша была твердою, неуклонною, необходимою. Но перейдемъ къ тому, что слѣдуетъ и что пишетъ близкое отношеніе къ этой самой заповѣди.

XIV. 27—29.

Прежде чѣмъ дѣлать что либо,—обдумай, чтобъ не было глупо,
Глупыя жъ дѣйствія, рѣчи лишъ безразсудному впору.
То лишъ ты дѣлать рѣшайся, о чемъ сожалѣть самъ не будешь.

Благоразуміе и раждаетъ добродѣтели, и совершаетъ и охраняетъ ихъ, и служитъ такимъ образомъ для нихъ и материю, и кормилицею или воспитательницею, и стражемъ. Заставляя прежде всего насъ спокойно и основательно обсудить, какой образъ жизни намъ слѣдуетъ предпочесть и взять, благоразуміе предуказуетъ и предызбираетъ красоту добродѣтелей, а помогши намъ сдѣлать такое избраніе, оно-же затѣмъ внушаетъ намъ нести мужественно всяческіе подвиги во имя добродѣтели, а потомъ, приучивши насъ къ постоянному приобрѣтенію красоты ея, помогаетъ сохранять неизмѣнно-чистымъ нравственный характеръ даже среди наплыва всякихъ препятствій и превратностей, не допуская насъ поддаваться силѣ внѣшнихъ тревоженій настолько, чтобъ предпочесть какой либо иной образъ жизни, какъ болѣе счастливый, вмѣсто того, который оно предписываетъ, какъ признанный наилучшимъ. Такимъ образомъ три дѣла дѣлаетъ благоразуміе,—во 1-хъ выборъ самаго лучшаго образа жизни, во 2-хъ упражненіе и усовершенствованіе въ избранномъ образѣ жизни и въ 3-хъ неизмѣнное сохраненіе приобрѣтаемаго путемъ упражненія. Изъ нихъ первое дѣлаетъ разумъ *предшествующій* всякому дѣлу, который обсуждаетъ и устанавливаетъ самыя начала дѣйствій, второе дѣлаетъ разумъ, *сопутствующій* дѣлу, который приводитъ въ согласіе съ имъ же положенными принципами каждое дѣло, каждый поступокъ, наконецъ третье дѣлаетъ разумъ *послѣдующій*, который обсуждаетъ все сдѣланное и рѣшаетъ, соответствуетъ ли каждый изъ поступковъ долгу, или нѣтъ. И всѣ эти прекрасные цвѣты и плоды суть дѣло благоразумія, которое тамъ раждаетъ добродѣтели, здѣсь вскармливаетъ ихъ, а тутъ сохраняетъ, такъ что оно для насъ служитъ началомъ, серединою и концомъ добродѣтелей; оно же освобождаетъ насъ отъ золь и доводитъ до совершенства наши добродѣтели. Это вотъ почему: такъ какъ природа наша надѣлена разумомъ и, значитъ, способна все обсуждать, или обо всемъ съ собою же совѣтоваться, принятіе же добраго или дурного рѣшенія послѣ всякаго такого совѣщанія зависитъ отъ ея свободной воли, то жизнь согласная съ природою сохраняетъ ея существо, а все противное должному или подобающему ей всячески ее портитъ и иска-

жаеть. Порчу же для бессмертной природы составляет ея порочность; а мать порочности есть та самая необдуманность, которой избѣгать совѣтуетъ нашъ стихъ, чтобъ дѣла „глупыя не вышлѣ“. Глупымъ же мы считаемъ все жалкое и дурное, и стихъ, говоря: „глупое-же дѣлать и молвить лишь малодушному вѣру“, несомнѣнно слово малодушный (δειλός) употребилъ вмѣсто слова безразсудный (κακοδαίμων) ¹⁾. „Если же, совѣтуетъ онъ, прежде чѣмъ что либо дѣлать, обсуждать ты будешь, то не сдѣлаешь и не скажешь ничего такого неразумнаго, о чемъ обыкновенно сожалѣеть и сокрушается потомъ тотъ, кто дѣйствовалъ безъ разсудительности, потому что нелѣпость выбора (въ поступкахъ) естественно наказывается раскаяніемъ всякій разъ послѣ того, какъ опытъ покажетъ весь вредъ его, какъ и наоборотъ разумность правильнаго обсужденія сама себя оправдываетъ и согласно съ нимъ принятыя рѣшенія одобряетъ и еще болѣе укрѣпляетъ, показывая потомъ самымъ дѣломъ ихъ пользу,—пользу конечно не для тѣла отъ чего либо внѣшняго, но для насъ самихъ, которымъ собственно и дается совѣтъ прежде дѣла обсуждать и то лишь совершать, что не принесетъ послѣ никакихъ сокрушеній,—для насъ самихъ, т. е., для нашей души. Ибо какая въ самомъ дѣлѣ польза тому, кто путемъ клятвопреступленій, убійствъ или другихъ какихъ злодѣяній накопляетъ богатства и имѣетъ изобиліе всѣхъ внѣшнихъ благъ, а душу свою держитъ въ крайней нищетѣ, лишая ее свойственныхъ ей благъ, и затѣмъ или не сознавая своего несчастнаго положенія пріумножаетъ зло, или приведенный совѣстію къ сознанію содѣянныхъ золъ, терзается душою, трепещетъ наказаній, ожидающихъ его въ Аидѣ, и наконецъ единственное послѣднее спасеніе для себя находитъ въ небытіи—въ смерти,—другими словами, зло новымъ зломъ пытается врачевать, хочетъ облегчить себѣ страданіе уничтоженіемъ собственной души, самъ себѣ присуждаетъ полное уничтоженіе послѣ смерти, лишь бы избавиться отъ мукъ ожидаемаго суда?! Беззаконникъ, вѣдь, рѣшительно не хочетъ, чтобъ душа его была бессмертна, такъ какъ не желаетъ вѣчно существовать и вѣчно терпѣть муки наказанія, и вотъ онъ,

¹⁾ И здѣсь κακοδαίμων отождествляется съ κακο—δαίμων—дурно смыслящій, или даже зломыслящій.

предупреждая самого судію, всего себя всецѣло безъ остатка присуждаетъ къ смерти въ той мысли, что даже и душа его не заслуживаетъ дальнѣйшаго существованія, а между тѣмъ онъ какъ во всей своей жизни, вслѣдствіе неразумности, безъ всякой мѣры приумножалъ зло, такъ и тутъ присуждаетъ себѣ наказаніе, превышающее всякую мѣру. Но судіи тѣ, что въ Аидѣ, судятъ по закону строгой правды, и потому они осуждаютъ его душу не на то, чтобъ она сама перестала существовать, а лишь на то, чтобъ она перестала злою быть, почему всѣ старанія къ тому прилагаютъ, чтобы наполняющее ее зло ограничить, ослабить, уменьшить, именно, прибѣгаютъ для исцѣленія отъ него ея природы къ наказаніямъ, на подобіе врача, прибѣгающаго при лѣченіи наиболѣе опасныхъ ранъ къ сѣченію и жженію огнемъ; но подвергая ее въ наказаніе за грѣхи страданіямъ, имѣютъ въ виду, приведя ее въ раскаяніе, лишь порочность ея уничтожить, искоренить, а вовсе не ее саму уничтожить и такъ сказать изъять изъ числа всего существующаго, такъ какъ это очищеніе отъ оскверняющихъ ее страстей и золь напротивъ именно только и восстанавливаетъ ея истинное бытіе и свойственную ей жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческая душа какъ будто къ небытію своему стремится, саму себѣ уничтожаетъ, когда отдается всецѣло тому, что противно ея естеству; напротивъ когда она возвращается къ свойственному ей образу жизни, она какъ бы вновь обрѣтаетъ свое истинное существо и получаетъ вновь чистый образъ бытія, который искаженъ и оскверненъ былъ на время примѣсью страстей. Поэтому, намъ слѣдуетъ всячески стараться не грѣшить, согрѣшивши же не медлить, а поспѣшить принять наказаніе, какъ врачество отъ грѣха, и такимъ образомъ всякій разъ сдѣланное по необдуманности исправлять лучшимъ обдумываніемъ и принятіемъ лучшихъ рѣшеній, или, другими словами, какъ только мы пали и паденіемъ потеряли нравственную доброту, мы тотчасъ должны стараться, принявъ божественное карающее внушеніе, восстановить ее посредствомъ благоразумнаго и искренняго раскаянія. Такое раскаяніе, такое расположеніе духа есть начало философіи, есть врагъ всякихъ *дѣлъ и словъ безразсудныхъ*, есть первая закладка жизни безъ раскаяній и

позднихъ сожалѣній, потому что кто прежде дѣла всегда об-суждаетъ и принимаетъ благоразумныя рѣшенія, тотъ не впа-даетъ въ горести и печали противъ своей воли, ибо не кла-детъ неблагоприятно такихъ началъ и основаній для своего по-ступленія, которыя приводили бы къ слѣдствіямъ для него не-ожиданнымъ и нежелательнымъ, но когда устраиваетъ настоя-щее, то всегда принимаетъ въ соображеніе и необходимыя слѣд-ствія и всякія возможныя случайности въ будущемъ. Поэтому, такой ни истиннаго блага не выпуститъ изъ виду и не поте-ряетъ, соблазненный приманкою благъ мнимыхъ, ни изъ страха золь или страданій не совершитъ никакого преступнаго дѣя-нія, но постояннымъ неослабнымъ разумѣніемъ и предусмотрѣ-ніемъ будетъ направлять жизнь свою согласно съ божествен-ными законами. А чтобъ ты зналъ, что въ самомъ дѣлѣ *„толь-ко безразсудному свойственно дѣлать и говорить безумное“*, припомни, какъ въ трагедіи на судьбу свою жалуется Медея, которая вслѣдствіе безумной любви къ чужестранцу, предавши, сама того не желая, самыхъ ближайшихъ своихъ родныхъ, са-ма ему всецѣло отдается, а потомъ, когда онъ пренебрегъ ею, она, думая, что страданія ея такія, которыхъ вынести невоз-можно, въ этомъ чувствѣ издаетъ вопль,

Если бы молнія пламень небесный поразилъ мою голову,

а за этимъ воплемъ безумнымъ совершаетъ еще болѣе безумныя дѣла; сперва безумно желаетъ, молится, чтобъ случившееся стало не случившимся, потомъ какъ бы въ припадкѣ безумнаго неистовства старается злодѣянія исцѣлить новыми злодѣяніями, —начала безумства завершить еще худшимъ концомъ, именно убиваетъ собственныхъ дѣтей какъ будто для того, чтобъ этимъ загладить то безразсудство свое, вслѣдствіе котораго они были рождены ею. Если угодно, посмотри еще на Гомеровскаго Ага-мемнона, который, понесши наказаніе за неумѣренность въ гнѣвѣ, со стономъ восклицаетъ

Духъ мой такъ возмущился, какъ будто ужъ сердца въ груди нѣтъ,
и тотъ огонь въ глазахъ, который у него загорался прежде
отъ гнѣва, теперь, когда его постигли превратности, онъ ту-

шить ливнемъ слезъ. Таковъ и всякій, кто ведетъ жизнь безразсудную и влечется противоположными страстями то въ ту, то въ другую сторону; когда онъ предается удовольствіямъ, онъ ненавистенъ, а когда его постигаютъ горести, онъ жалокъ; въ приливѣ смѣлости онъ безразсудно самонадѣянъ и стремителенъ, а въ приступѣ страха малодушенъ до низкой трусости, и вообще будучи лишенъ благородной разсудительности, вмѣсто разумнаго предусмотрѣнія во всемъ предоставленъ судьбѣ и игрѣ случая. А потому, чтобъ не наполнять жизнь подобнаго рода драмами, *творя и говоря безумное*, будемъ во всемъ слѣдовать здоровому и правому разуму, какъ вождю своему, исполняя извѣстное Сократовское правило: *я никому изъ моихъ не повинуюсь кромѣ одного разума, когда указанія его, обсудивъ, нахожу правильными*. Наше же, а не мы сами есть все то, что дано на служеніе разумному существу, какъ-то воля, желаніе, страсть ощущеніе, наконецъ само тѣло, которое присоединено въ качествѣ органа для всѣхъ этихъ способностей; такъ изъ всего этого, говорится, ничему не должно подчиняться, а только одному здоровому и правому смыслу, т. е., разумной части нашего существа, если она дѣйствуетъ согласно съ своею природою, ибо только разумъ способенъ разсматривать и рѣшать, что можно и должно *говорить и дѣлать*, чего нѣтъ. Подчиняться же здоровому и правому смыслу—то же самое, что и Богу повиноваться, потому что разумное существо, когда освѣщается свойственнымъ его природѣ свѣтомъ, всегда того самого хочетъ, что божественный законъ предписываетъ, и та душа, которая по божьему себя располагаетъ, всегда съ Богомъ согласуется, ибо что ни дѣлаетъ она, дѣлаетъ не иначе, какъ взирая на божественное и свѣтоносное и согласуясь съ нимъ; въ противномъ же случаѣ, т. е., если душа совсѣмъ иначе и къ иному расположена, она, влекомая къ безбожному, къ нечестивому и темному, блуждаетъ сама не зная гдѣ, потому что отпала отъ единственнаго истиннаго показателя всяческихъ благъ—отъ разума у Бога. Такова польза предварительной разсудительности въ поступкахъ, и таковъ вредъ противоположной ей безразсудности. Осторожная разсудительность, предваряющая дѣло, кромѣ всего прочаго, и тѣмъ еще прино-

сильную пользу, что отнимаетъ у насъ самомнѣніе въ области знанія, и этимъ заставляеть насъ заботиться объ увеличеніи знаній, обѣщая подъ этимъ условіемъ жизнь самую пріятную, но конечно прежде всего жизнь самую прекрасную,—о чемъ сейчасъ будетъ рѣчь.

XV. 30—31.

Что неизвѣстно, того и не дѣлай, учись всему прежде,
Знать что нужно и должно, и жизнь твоя будетъ блаженна.

Недѣланіе того, чего не знаемъ или не умѣемъ, предохраняетъ насъ только отъ погрѣшностей и неудачъ въ области этого намъ неизвѣстнаго, а знаніе того, что относится къ прекрасной жизни, мало того что предохраняетъ отъ погрѣшностей, но еще обусловливаетъ правильность и совершенство нашихъ дѣйствій, поступковъ, ибо сознаніе собственнаго незнанія въ этой области пресѣкаетъ раждающуюся изъ ложнаго самомнѣнія безоглядную стремительность въ поступаніи, а пріобрѣтенное затѣмъ знаніе сообщаетъ дѣятельностямъ правильность и увѣренность. То и другое есть благо: хорошо и сознаться себѣ, что не знаемъ, и еще лучше познать то, чего не знаемъ, а то и другое вмѣстѣ дѣлаетъ жизнь прекрасною и вмѣстѣ *блаженною*, ибо жизнь эта очищенная отъ ложнаго самомнѣнія восполняется знаніемъ, и чуждая горделивыхъ притязаній на то, чего не знаетъ, протекаетъ въ изученіи того, что достойно изученія. Достойно же изученія главнымъ образомъ все то, что приводитъ насъ къ богоуподобленію, какъ то—то, что побуждаетъ насъ напередъ обдумывать поступки свои, чтобъ не оказались они глупыми, то, что не позволяетъ намъ склоняться ни предъ словомъ, ни предъ дѣломъ, вводящимъ въ соблазнъ, что научаетъ критически различать рѣчи отъ рѣчей, что внушаетъ намъ кротко нести и врачевать судьбы Божьи, а также безстрашіе предъ бѣдностію и смертію, что научаетъ справедливости и умѣренности во всемъ, что разъясняетъ законы дружбы и любви, предписываетъ почтеніе къ родителямъ и благоговѣйное почитаніе высшихъ существъ и т. д. Вотъ въ чемъ и въ подобномъ этому совѣтуетъ поучаться нашъ стихъ, прибавляя, что за всѣмъ этимъ слѣдуетъ

жизнь самая пріятная. Это потому, что кто отличается добродѣтелию, тотъ и удовольствія получаетъ срочныя съ добродѣтелию—именно прочныя и не оставляющія послѣ себя ни раскаянія, ни сожалѣнія, а это послѣднее въ свою очередь зависитъ отъ того, что удовольствіе по самому существу есть лишь всегдашній спутникъ такой или иной дѣятельности, есть нѣчто такое, что собственнаго существованія не имѣетъ, но появляется лишь тогда, когда мы то или другое дѣлаемъ ¹⁾. По этой то причинѣ за худшими дѣйствіями и удовольствія всегда слѣдуютъ худшія или низшія, а за лучшими дѣйствіями и удовольствія лучшія или болѣе чистыя, такъ что благонравный человѣкъ превосходитъ порочнаго не одною только нравственною красотою, но также пріятностію и чистотою удовольствій, изъ-за которыхъ собственно и впадаетъ въ пороки послѣдній, ибо насколько поведеніе одного выше и лучше, чѣмъ поведеніе другого, настолько и удовольствія его лучше и предпочтительнѣе удовольствій другого. Поелику же жизнь добродѣтельная, жизнь, стремящаяся къ возможно—полному богоуподобленію, есть истиннѣ божественная, и жизнь порочная есть животная и противобожественная, то ясно, что удовольствіе добродѣтельное, сообразующееся съ разумомъ и Богомъ, представляетъ собою нѣкоторое подобіе Божія блаженства, тогда какъ мнимыя наслажденія порочнаго, не правильно называемыя общимъ именемъ удовольствія, на самомъ дѣлѣ подобны тѣмъ волненіямъ, которыя свойственны животнымъ и сумасшедшимъ. Кроме того,—удовольствіе, какъ и страданія подвержены измѣчивости отъ множества всякихъ условій и обстоятельствъ, почему только тотъ можетъ быть счастливъ, кто знаетъ, откуда можно получить удовольствіе, когда и въ какой мѣрѣ, а кто не знаетъ ни закона, ни мѣры во всемъ этомъ, тотъ уже вслѣдствіе одного этого не можетъ быть счастливъ. Такимъ образомъ выходитъ, что жизнь, очистившаяся отъ ложнаго самомнѣнія, есть вмѣстѣ съ тѣмъ такая, которая менѣе всего подвержена погрѣшностямъ и промахамъ, а жизнь, исполненная знанія, есть кроме того вполне правильная, правая и совершенная

¹⁾ Это понятіе объ удовольствіи есть Аристотелевское.

и, будучи самою прекрасною, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая *пріятная* или *блаженная*. Итакъ, нѣкогда не будемъ дѣлать того, чего не знаемъ, а что знаемъ, то тогда, когда должно, ибо невѣжество подстрекаетъ къ злу, а знаніе выпадаетъ благопріятнаго времени вслѣдствіе того опыта, что доброе въ одно время бываетъ дурнымъ въ другое, и наоборотъ. Такъ вотъ какой порядокъ мыслей представляетъ наше правило: запрещающая дѣлать, чего не знаемъ, оно прежде всего указываетъ намъ средство избѣгать погрѣшностей, а потомъ совѣтомъ изучать и познавать не все, а то, что *должно, нужно*, и побуждаетъ къ дѣламъ и поступкамъ возможно лучшимъ, ибо избѣжаніе погрѣшностей не есть еще совершенство, которое только знаніемъ должнаго достигается; первое есть слѣдствіе освобожденія отъ ложнаго самомнѣнія; а второе есть слѣдствіе обладанія знаніемъ. А за тѣмъ смотри, что послѣдуетъ, если достигнешь того и другого, т. е., непогрѣшительности и совершенства: „и жизнь твоя будетъ *блаженна*“. А какая это иная жизнь, какъ не та, которая черпаетъ пріятное изъ добродѣтели и въ которой доброе и пріятное соединены нераздѣльно? Это значить, что когда мы стремимся къ прекрасному и доброму, то вмѣстѣ съ тѣмъ достигаемъ и пріятнаго, а изъ соединенія того и другого что получится? *Блаженная жизнь*, какъ выражается стихъ, ибо кто избираетъ пріятное въ соединеніи съ постыднымъ, тотъ хотя нѣкоторое малое время наслаждается пріятнымъ, но потомъ эта примѣсь постыднаго неминуемо вызываетъ долгое и мучительное раскаявіе, а кто предпочитаетъ честное въ соединеніи съ трудомъ, тому хотя сначала отъ непривычки чувствительна тягость, но трудъ ему облегчаетъ это присутствіе честнаго и добраго и онъ въ концѣ концовъ кромѣ добродѣтели еще и чистаго наслажденія достигаетъ. Еще иначе: когда дѣлается постыдное съ удовольствіемъ, то удовольствіе быстро проходитъ, а постыдное остается; когда же совершается что либо прекрасное съ трудомъ, то трудъ проходитъ, а прекрасное остается. Отсюда слѣдуетъ, что самая порочная жизнь необходимо есть вмѣстѣ и самая несчастная, самая печальная, а самая добродѣтельная есть вмѣстѣ и самая блаженная. И только объ этомъ. Поелику же попеченіе

о тѣлѣ тоже имѣеть нѣкоторое отношеніе къ совершенству души, то о немъ и будетъ сейчасъ рѣчь.

XVI. 32—34.

Тожь о здоровьѣ тѣлесномъ нельзя быть небрежнымъ: мѣру
 Должно блюсти въ напиткахъ и въ пищѣ, въ гимнастикѣ также.
 Въ мѣру жь все это, когда нѣсколько тебѣ—то по вредно.

Смертное тѣло, данное намъ въ качествѣ органа для жизни на землѣ, не слѣдуетъ ни упитывать и утучнять всяческимъ наполненіемъ его, ни истощать крайними лишеніями, потому что то и другое въ равной мѣрѣ вредно, затрудняя желательное и должное пользованіе этимъ органомъ. Поэтому стихъ нашъ совѣтуетъ прилагать заботу о тѣлѣ въ должной мѣрѣ—помогать ему, когда оно подвергается разстройству или отъ излишка, или отъ недостатка, или отъ болѣзни для того, чтобъ оно, будучи здоровымъ и функционируя сообразно съ своею природою, всегда готово было предоставлять свои силы и дѣятельность въ распоряженіе души, какъ своей госпожи, и могло всякій разъ направлять ихъ туда, куда она ведетъ, или указываетъ, ибо пользующееся и распоряжающееся тутъ есть душа, а то орудіе, которое состоитъ въ распоряженіи, есть тѣло, о которомъ и *долженъ прилагать заботу* его обладатель и распорядитель, такъ какъ тутъ, въ самомъ дѣлѣ, обязанность наша не въ томъ только состоитъ, чтобъ имъ владѣть и пользоваться, а также и въ томъ, чтобы мы насколько возможно заботились о немъ, чтобъ оно было здорово и способно служить намъ. Поелику же природа его такова, что жизнь его поддерживается лишь непрерывнымъ внутри его происхожденіемъ и исчезновеніемъ, поелику для него въ равной мѣрѣ необходимо какъ наполненіе, такъ и опустѣніе,—восполненіе пищею послѣ ухода изъ него переработанныхъ веществъ, а истощеніе или точнѣе расхищеніе вновь поступившей пищи въ трудъ и гимнастическихъ упражненіяхъ,—то понятно, что требуется установить мѣру для обоихъ этихъ процессовъ—какъ для восполненія, такъ и для истощенія, или расхищенія. Мѣра эта есть здравый смыслъ, который устанавливаетъ правильное гармоническое взаимоотношеніе между фізіологическими дѣятельно-

стями тѣла и мыслительными дѣятельностями души и который требуетъ заботы о такомъ здоровьѣ тѣла, какое нужно и прилично философу. Само собою понятно, что этотъ здравый разумъ не совѣтуетъ выбирать ни питаній, ни тѣлесныхъ упражненій такого рода, которыя слишкомъ утучняютъ и возбуждаютъ тѣло и этимъ дѣлаютъ его, такъ сказать, заносчивымъ и неподатливымъ по отношенію къ его собственнымъ разумнымъ внушеніямъ,—не совѣтуетъ потому, что предметъ или цѣль его заботъ составляетъ не просто только тѣло само въ себѣ, но тѣло, послушно служащее мысли. Потому-то онъ не одобряетъ ни атлетики по той причинѣ, что въ ней только для развитія и крѣпости тѣла все дѣлается, душа же совсѣмъ не принимается въ расчетъ, ни вообще излишняго такъ называемаго холенья тѣла (*σωμασμία*), такъ какъ и оно какъ бы заграждаетъ собою и помрачаетъ свѣтъ разума. Въмѣсто этого, онъ совѣтуетъ тому, кто рѣшился бы избрать для себя жизнь мудраго, лишь такую заботу о здоровьѣ и благосостояніи тѣла, чтобъ оно могло служить годнымъ орудіемъ и для научныхъ занятій, и для всякихъ благородныхъ дѣятельностей, ибо къ такому именно человѣку и обращается рѣчь въ стихѣ: „*ὅζ μῆρου ἄρ' ἅπαντα, ὅταν ἄλλοτ' ἴσῃς*“. Стихъ какъ бы такъ говоритъ: „ты вѣдь разумный духъ, такъ пусть же мѣра твоей заботы о своемъ тѣлѣ тебѣ-то самому не причиняетъ ни какого вреда, или ущерба; а потому, чтобъ устоять на стражѣ всѣхъ выше данныхъ тебѣ заповѣдей, ты долженъ выбирать для себя только такіе *напитки, яства, тѣлесныя упражненія*, которыя дѣлаютъ тѣло годнымъ для пріобрѣтенія и сохраненія добродѣтелей и которыя не возбуждаютъ этотъ лишенный смысла органъ къ пренебреженію и попранію внушеній, идущихъ отъ тебя—поставленнаго господствовать надъ нимъ разума. Ты долженъ съ величайшимъ вниманіемъ и раченіемъ слѣдить за этой мѣрой своей заботы о тѣлѣ, и потому не другой кто, а ты же самъ будешь отвѣтчикомъ за всѣ его беспорядочности, потому что вѣдь и конь, сдѣлавшійся причиною какого нибудь несчастія, виновенъ сталъ вовсе не тѣмъ, что онъ конь, а лишь тѣмъ, что кучеръ или не взнуздаль его предварительно какъ должно, или плохо имъ управлялъ. Въ

этомъ указаніи мѣры заботъ о тѣлѣ на первомъ мѣстѣ предѣлю поставлено питье по той причинѣ, что въ немъ труднѣе себя обещать, что оно скорѣе переходитъ въ крайность—въ пьянство и что оно быстрѣе и больше разстраиваетъ благосостояніе тѣла, да и мѣру тутъ какъ-то труднѣе усмотрѣть; а потому легче перебрать, чѣмъ въ ѣдѣ, на третьемъ же мѣстѣ поставлены гимнастическія упражненія, такъ какъ они способствуютъ исправленію безпорядковъ отъ переполненія тѣла, и опять же возбуждая аппетитъ тѣмъ самымъ восстанавливаютъ хорошее питаніе тѣла, такъ что, взаимно другъ друга обусловливая, дѣлаютъ какъ бы кругъ постоянно въ себя возвращающійся—питаніе и упражненіе—упражненіе и питаніе, ибо хорошее питаніе есть какъ бы родникъ силъ для ихъ расходванія въ упражненіи, а хорошее питаніе и здоровье вмѣстѣ въ свою очередь обусловливаются достаточными соразмѣрными упражненіями, причемъ они взаимно и мѣрою другъ для друга служатъ, когда ведется наблюденіе за правильнымъ отпращиваніемъ той и другой функціи. Каждый изъ людей старается сдѣлать тѣло свое годнымъ для своего спеціального занятія, палестритъ наприм. для состязаній въ кулачномъ бою, земледѣлецъ—для своихъ земледѣльческихъ работъ, и всякій—одинъ такую, другой иную выправку даетъ своему тѣлу. Что же философъ? Для какой цѣли, для какого дѣла онъ долженъ дать выправку своему тѣлу? Органомъ чего собственно ему слѣдуетъ стараться сдѣлать свое тѣло? Не очевидно ли, что—органомъ философіи и ея занятій? А если такъ, то понятно, что онъ долженъ такъ воспитывать и содержать свое тѣло, чтобъ оно было всегда годнымъ орудіемъ мышленія, заботясь прежде всего и преимущественно о душѣ, а ради души и о тѣлѣ. Онъ, понятно, никогда не окажетъ тѣлу предпочтенія предъ его владычицей, но опять же ради самой владычицы и тѣла не оставитъ совсѣмъ въ пренебреженіи, но приложитъ объ немъ заботу лишь въ такой мѣрѣ, какая подобаешь по отношенію къ органу, неся ее главнымъ образомъ ради добродѣтели души, но также и для здоровья тѣла. Поэтому онъ не станетъ питать ее чѣмъ ни попало, а только тѣмъ лишь, чѣмъ должно, ибо есть не мало такихъ веществъ, которыхъ не слѣдуетъ употреблять въ

пищу, такъ какъ они и тѣло само отягощаютъ слишкомъ, а главное душѣ вредны тѣмъ, что дыханіе, такъ сказать, ея увлекаютъ внизъ къ низменнымъ грубымъ страстямъ, о чемъ ниже въ нашемъ стихотвореніи говорится.

Все подобное философъ, конечно рѣшительно отвергнетъ; но и безвредное, пригодное употребляя, будетъ наблюдать мѣру и въ количествѣ, и во времени и обстоятельствахъ и, какъ требуетъ Гиппократъ, приметъ въ соображеніе и время года, и страну, и возрастъ, и все въ этомъ родѣ, и не будетъ наполнять себя какъ ни попало, безъ всякаго разбора тѣмъ, что пригодно для пищи и питья, зная, что не можетъ быть совершенно одинаковымъ образъ жизни молодого и старика, здороваго и больного, новичка въ философіи и достигшаго ея вершины. Все это соединяетъ Пифагорейская мѣра въ прибавкѣ одного выраженія: „что не будетъ вредно“, ибо все то, чѣмъ можетъ и забота о тѣлѣ служить для блаженной философской жизни, соединено въ этомъ краткомъ выраженіи, внесенномъ въ совѣтъ о мѣрѣ, послѣ того какъ вслѣдъ за всѣми заповѣдями о здоровьѣ души сказано было: „тоже о здоровьѣ тѣлесномъ нельзя быть небрежнымъ“, какъ и естественно было, сказавши все о добродѣтели души—владычицы тѣла, сказать за тѣмъ и о сохраненіи органа души. И такъ, соедини это съ предъидущимъ, и ты увидишь, кто ты и что ты, которому дается правило: „такую мѣру наблюдай въ попеченіяхъ о тѣлѣ, которая не принесетъ тебѣ вреда, которая не будетъ нарушать философскаго строя жизни, но будетъ способствовать душѣ въ ея шествіи по пути добродѣтели“. Упоминаніе же въ стихѣ о мѣрѣ въ пищѣ и питьѣ запрещаетъ излишнее изобиліе того и другого, а совѣтуетъ средину и соразмѣрную умѣренность, исключаящую и обжорство, и лакомство, и сномъ пріятнымъ наслажденіе, и гнѣва необузданность, ибо мѣра, о которой говорится, и есть то, что удаляетъ неумѣренность и крайность во всемъ этомъ, что отстраняетъ все, могущее смущать и внизъ увлечь душу, въ разумъ приходящую и къ Богу стремящуюся; такъ какъ и самой ей вѣдь, когда она въ разумъ приходитъ, нуженъ полный покой и свобода отъ всякихъ страстныхъ волненій и движеній, и внизу подъ нею, т. е., въ ея тѣлѣ долженъ

быть полный ладъ, чтобъ она могла невозмутимо предаваться созерцанію высшаго, сверхчувственнаго. Такъ вотъ какова та *мѣра*, которая не приноситъ вреда; она и чрево въ уздѣ держитъ, и въ то же время она организмъ тѣлесный сохраняетъ здоровымъ, она и добродѣтели служитъ, но и тѣла не ослабляетъ. И тѣмъ болѣе важна эта мѣра, что умѣнье сохранять органъ и приспособлять его на дѣло философіи тоже, вѣдь, есть своего рода добродѣтель? А такъ какъ тѣло кромѣ пищи, питья, упражненій еще во многомъ нуждается—и въ одеждѣ и въ обуви, и въ разной утвари, да и въ домѣ или помѣщеніи, гдѣ бы находилась эта утварь, то, понятно, что и во всемъ этомъ должна быть наблюдаема умѣренность, устраняющая какъ роскошь, такъ и неряшливость во всемъ образѣ жизни,—почему и слѣдуетъ вотъ что:

XVII. 35—38.

Къ чистой діетѣ, но незысканной ты приучайся.

Дѣлать, что можетъ возбудить въ комъ зависть, остерегайся.

Ни расточителемъ слишкомъ не будь, какъ невѣжда въ прекрасномъ,
Но и скупцомъ не будь,—умѣренность—вотъ что наилучше.

Не въ пищѣ только и въ питьѣ, говорится здѣсь, но и во всемъ прочемъ мѣра есть самое лучшее, такъ какъ она равно не терпитъ и крайняго излишка и крайняго недостатка во всемъ. Могутъ же быть во всемъ прочемъ двѣ выходящія изъ мѣры крайности—одна доходящая до расточительной роскоши,—другая до грязнаго скаредства. Обѣ онѣ равно заслуживаютъ порицанія, обѣ равно чужды философскому образу жизни, обѣ равно не согласны съ правиломъ благоразумной заботливости о тѣлѣ, ибо излишняя заботливость о чистотѣ и красотѣ ведетъ къ роскоши, изысканности и изнѣженности, а крайне дешевая простота, крайняя непритязательность превращается обыкновенно въ скряжничество и неряшливость. Потому, чтобъ намъ не впасть ни въ первую изъ за любви къ красотѣ, ни во вторую изъ за любви къ простотѣ, будемъ наблюдать средину между ними, избѣгая недостатковъ обѣихъ, и умѣряя ихъ одну другою, будемъ любить и простоту, но настолько, чтобъ она никогда не была неряшлива, будемъ любить и чистоту, но

настолько, чтобъ — она не была роскошью. А за тѣмъ во всемъ, что требуется для нашего тѣла, будемъ наблюдать эту среднюю мѣру: будемъ носить одежду чистую, но не щегольскую, домъ нашъ тоже долженъ быть опрятный, но не великолѣпный, да и все прочее должно быть чистое, но не роскошное, ибо душа, какъ разумное существо и владычица тѣла, должна и его и все, къ нему относящееся, сообразовать съ разумомъ, который ею самою управляетъ и который не терпитъ ни роскоши, ни неряшества, требуя; чтобы все было согласно съ его собственнымъ достоинствомъ. Такимъ-то образомъ онъ, чтобъ избѣжать гонимы за всѣмъ роскошнымъ и драгоценнымъ, блюдетъ, чтобъ была простота, а чтобъ самому не жить среди грязи и безобразія, требуетъ, чтобъ во всемъ была чистота, — какъ-то, — одежда чтобъ была хорошая, но не изысканная, посуда чтобъ была и не изъ золота, и не изъ серебра, но изъ удобонаходимыхъ недорогихъ матеріаловъ, но всежь, чтобъ была аккуратная и опрятная, домъ чтобъ не былъ украшенъ мозаикой изъ дорогихъ камней, не выдавался ни излишней красотой, ни величиною, а какъ разъ былъ сообразенъ съ своимъ жильцомъ, но все же, чтобъ былъ чистый и опрятный, — да и во всей вообще обстановкѣ, во всемъ образѣ жизни онъ устраняетъ роскошь и изысканность, такъ какъ она сверхъ нужды, требуетъ за то во всемъ чистоты и опрятности, такъ какъ она какъ разъ сообразна съ мѣрою потребностей, ибо и домъ, и одежда, и всякая утварь тогда какъ должно свое назначеніе выполняютъ, когда какъ разъ сообразованы съ мѣрою потребности въ нихъ и когда они чисты. Что за надобность въ большущей доскѣ для припасовъ, когда припасовъ-то берется очень мало? Но зачѣмъ же и нечистотѣ-то быть на ней, которая грязнить и портить припасы? Что за надобность въ огромномъ домѣ для тѣхъ, которые могутъ въ одномъ углу его размѣститься?.. Но зачѣмъ быть въ немъ грязи, которая вѣдь совсѣмъ не нужна для цѣлей помѣщенія? Тоже самое и вездѣ найдешь, — во всемъ крайности не хороши, лучше же всего середина — отсутствіе излишества и роскоши, но въ соединеніи съ чистотою и опрятностію, а какъ только ты перейдешь эту среднюю мѣру потребности, сейчасъ очутишься въ неопредѣленной обла-

сти излишества, которое и желанія возбуждаетъ безъ конца; а потому, въ своемъ образѣ жизни наблюдай во всемъ средину и этимъ избѣгнешь каждой изъ этихъ противоположныхъ нехорошихъ и вредныхъ крайностей. „Приучайся, говорить стихъ, *δίετη ιμῶντι χιστηύ*, и имѣя въ виду, что наблюденіе чистоты можетъ развиться до роскоши, прибавляетъ: „но не изысканную“; но опять же имѣя въ виду, что удаленіе отъ изысканности можетъ дойти до неряшливости, прибавляетъ: „*однакоже чистую*“, и такимъ образомъ всячески удерживаетъ отъ испаденія въ ту или другую крайность, чтобъ изъ соединенія ихъ обѣихъ въ среднее получился образъ жизни мужественный, разумному существу свойственный и подобающій. Устраивая согласно съ этимъ совѣтомъ свой образъ жизни, мы будемъ имѣть отъ этого еще и вотъ какую пользу: твердо держась извѣстнаго древняго правила: „*ничего слишкомъ* (*μηδὲν ἄγαν*), мы избѣгнемъ зависти, которую обыкновенно возбуждаетъ всякое превышеніе мѣры, избѣгнемъ того, чтобъ сограждане на насъ и не дулись, не косились за то, что мы въ роскоши вѣжались, и за то не укоряли, что мы живемъ, какъ скареды, чтобъ не порицали насъ ни за то, что слишкомъ много расточаемъ, ни за то, что слишкомъ ужъ скражничаемъ,—ибо тѣ, которые не соблюдаютъ мѣры и впадаютъ въ одну изъ этихъ крайностей, всегда обыкновенно служатъ предметомъ пересудъ и порицаній тѣхъ, среди которыхъ живутъ. Вотъ это-то и разумѣетъ стихъ подъ завистию, какъ бы такъ говоря: „*берегись возбудитъ зависть, дѣлая что либо чрезмѣрно*, или точнѣе, берегись того, что вызываетъ у большинства людей справедливое порицаніе, ибо вполне справедливо вызываетъ порицаніе большинства какъ роскошь, такъ и неряшливое скаредство, а въ употребленіи денегъ—какъ расточительность, такъ и скражничество. Напротивъ, щедрость въ соединеніи съ благопристойною умѣренностію во всемъ, что относится къ внѣшней жизни, показываетъ сообразное съ разумомъ состояніе души и присутствіе въ ней той *мѣры*, которая во всемъ есть самое лучшее. Поэтому, насколько возможно, всего, что возбуждаетъ зависть, долженъ избѣгать всякій, а тѣмъ болѣе тотъ, кто любитъ покой; не слѣдуетъ возбуждать противъ себя и разъярять

зависть, словно звѣря, чтобъ можно было покойно, безъ помѣхъ и волненій преуспѣвать во всемъ прекрасномъ. Не будемъ же мы ни въ комъ возбуждать зависти тогда, если весь образъ жизни нашей будетъ простой и въ то же время благопристойный, и если всячески будемъ избѣгать какъ роскоши и помпы, проистекающей изъ *невѣжества въ прекрасномъ*, такъ и того, что порождаетъ это невѣжество; порождаетъ же оно одно изъ двухъ золъ, или расточительность или скардную бережливость, изъ коихъ первая справедливо порицается, какъ горделивая надменность, а послѣдняя какъ позорная духовная униженность. Той и другой избѣгаетъ благопристойная щедрость—добродѣтель въ распоряженіи деньгами, которая благо-разумно соразмѣряетъ полученіе ихъ съ расходованіемъ и весь образъ внѣшней жизни устрояетъ, сообразуясь съ указаніемъ здраваго разума. Такъ вотъ какіе совѣты даютъ золотые стихи касательно попеченія о тѣлѣ и возможно лучшаго пользованія всѣмъ внѣшнимъ, имѣя то въ виду, чтобъ и тутъ во всемъ проявлялась и сіяла красота добродѣтели. Но самое главное правило, на которомъ сами эти совѣты основываются слѣдующее:

XVIII. 39.

То лишь ты дѣлай, что вредно не будетъ, впередъ обсуждая.

Не разъ уже давался подобный этому совѣтъ,—какъ напр.

„То лишь ты дѣлать рѣшайся, о чемъ сожалѣть самъ не будешь“.

или

Въ мѣру жъ все это, когда нисколько тебѣ-то не вредно,

и еще

Словомъ ли, дѣломъ на зло склоняють,—не поддавайся.

Дѣлать и молвить ты долженъ, лишь что для тебя то наилучше.

Всѣ эти правила нашъ стихъ соединяетъ въ одно, которое запрещаетъ дѣлать то, что вредно, предписываетъ же всячески стремиться къ тому, что полезно, настаивая, что различеніе полезнаго отъ вреднаго слѣдуетъ дѣлать всякій разъ предъ совершеніемъ такого или иного дѣла, чтобъ рѣшить, должно ли совершить его, или не должно, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ только прежде дѣла возможно такое обсужденіе его и правильное о немъ рѣшеніе. Смыслъ же выраженій: „что тебѣ вредно

не будетъ“, „о чемъ послѣ самъ жалеть будешь“, мы вполне уразумѣемъ, если примемъ въ соображеніе, что мѣстоименіе тебѣ указываетъ на то, что собственно есть человекъ по истинѣ, именно на ту высшую разумную часть его существа, которая ищетъ мудрости и тщится стяжать уподобленіе Боже-ству. Ей же причиняетъ вредъ все, что противно здравому и правому смыслу, что противно божественному закону, все, что дѣлаетъ невозможнымъ или затрудняетъ богоуподобленіе. Такого рода вредъ можетъ истекать для насъ и изъ нашего общежитія съ людьми, и изъ нашего попеченія о тѣлѣ, соединенномъ съ нашею душою, и изъ нашей заботливости о томъ внѣшнемъ, которое придумано, какъ средство пріобрѣтенія всего нужнаго для тѣла, т. е., о деньгахъ, которыя, кажется, и названы такъ (*урі́рата*), потому что весь смыслъ ихъ въ томъ состоитъ, чтобы за нихъ можно было имѣть все нужное, потребное. Потому-то стихъ даетъ всякому, кто любитъ божественныя блага и хочетъ обладать ими, добрый совѣтъ— не допускать никому склонить себя сдѣлать что либо такое, что не было-бы лучше для *него самого* какъ такого, и по отношенію къ тѣлу не позволять себѣ ничего такого, что *ему-то самому* можетъ причинить вредъ, вообще не допускать въ своей жизни ничего такого, что могло бы парализовать или только ослабить его стремленіе къ мудрости и о чемъ ему позднѣе придется раскаиваться, терзаться, сокрушаться. Обсуждая и взвѣсивая напередъ каждый шагъ въ своемъ поступаніи, мы должны всего подобнаго всячески избѣгать для того, чтобы потомъ обсужденіе вновь всего нами содѣяннаго доставило не тягостное и мучительное, но возможно-пріятное воспоминаніе и знаніе,—о чемъ рѣчь въ слѣдующихъ стихахъ.

XIX. 40—44.

• Сладкому сну усталыя очи не дай смежить прежде,
 Чѣмъ ты обсудишь дневныя дѣла свои, такъ вопрошая:
 Что преступилъ я? Что натворилъ? Какого не выполнилъ долга?
 Первымъ начавши, припомни ты всѣ по порядку, а послѣ,—
 Коль дѣла дурны, о нихъ сокрушайся, добрымъ же радъ будь. •

Теперь послѣ того, какъ дошелъ ты до этого правила, возстанови въ своей мысли всѣ предъидущія заповѣди для того,

чтобы тотъ судъ, который всегда есть внутри души, взирая на нихъ, какъ на божественные законы, произнесъ свой приговоръ обо всемъ, что совершено тобою хорошаго или дурнаго. Ибо какимъ образомъ возможно было бы послѣдующее воспоминаніе и обсужденіе, которое бы осуждало наши дурные поступки, а добрые одобряло, если бы обсужденіе, предшествующее поступкамъ, не имѣло и не примѣняло такихъ или иныхъ законовъ, съ которыми должны быть сообразуемы всѣ поступки и къ которымъ, какъ бы къ метѣ и цѣли, накопляющееся постоянно сознаніе содѣяннаго должно направлять и вести насъ въ продолженіе всей нашей жизни? Итакъ, правило это предписываетъ намъ ежедневно творить такой судъ, для того, чтобы частымъ прилежнымъ воспоминаніемъ охранялась по возможности правильность и истина самаго этого суда, вечеромъ же, на сонъ грядуще, совѣтуютъ это дѣлать для того, чтобы мы по достиженіи конца всѣхъ нашихъ дневныхъ дѣлъ, въ этомъ судѣ надъ нами, отходя ко сну, какъ бы иѣснь, молитву возносили къ Богу, допрашивая самихъ себя: *въ чемъ прегрѣшилъ я? что сотворилъ? какого не выполнилъ дома?* Поступая такимъ образомъ, мы будемъ сами измѣрять и управлять свою жизнь всѣми данными намъ законами и правилами, присоединяя къ разуму законодательствующему умъ судящій или судебный. Итакъ, что предписываетъ Разумъ — законодатель? Почитать высшія насъ существа, по чину, сообразно съ достоинствомъ ихъ. Чтить родителей и родственниковъ. Уважать и любить людей достойныхъ. Ограничивать и обуздывать низшіе чувственные инстинкты. Всегда и во всемъ больше всего самаго себя уважать и бояться. Справедливость во всемъ соблюдать. Помнить, что богатство и все, къ вѣншей скоротечной жизни относящееся, не надежно, тлѣнно. Божественнымъ судомъ назначенную намъ въ жизни судьбу нести благодушно. Имѣть богоугодное расположеніе мысли и сердца и стараться мысли и чувства свои направлять всегда на лучшее. Имѣть любомудріе только къ истиннымъ рѣчамъ. Не поддаваться соблазнамъ, соблюдать добродѣтель, не подчиняясь ничему, что ей чуждо и противно. Обсуждать поступки прежде совершенія ихъ, чтобы въ нихъ не было ничего, могущаго

возбудить позднее раскаяніе. Самоуниженія, самообольщенія избѣгать. Вести жизнь любомудрую. О тѣлѣ и обо всемъ внѣшнемъ прилагать такую лишь заботу, которая бы гармонировала съ добродѣтельной жизнію. Вотъ какіе законы душѣ человеческой далъ Разумъ—законодатель, а умъ судящій принявши ихъ, неослабно бодрствуетъ надъ самимъ собою, часто самъ себя вопрошая: *„что преступилъ я, что натворилъ, какого не выполнилъ дома?“* припоминая по порядку и всѣ заповѣди и всѣ свои поступки, во имя добродѣтели и для большаго въ ней усовершенствованія. Если онъ находитъ, что день свой провелъ согласно со всѣми заповѣдями, онъ наслаждается плодами божественнаго блаженства, а если находитъ въ своихъ поступкахъ что либо имъ противное, тогда укорами и внушеніями совѣсти, какъ нѣкимъ врачевствомъ, старается себя исправить. Потому-то и совѣтуется не предаваться сну, не совершивши такого изысканія и обсужденія въ той мысли, что тѣло съ своей стороны легко это выдержать—пересилить присутствующую ему необходимость отдыха и сна, благодаря той привычкѣ къ умѣренному образу жизни, которая даже необходимыя тѣлесныя влеченія и потребности подчиняетъ водительству разума. Итакъ, *не спѣдуетъ, говорится, предаваться сну, не обсудивши предварительно дневныхъ поступковъ каждого порока.* Какого же рода должно быть это обсужденіе? Вотъ какое: *что преступилъ я? Чѣмъ нарушилъ, какого не выполнилъ дома?* Согрешаемъ же мы двояко, или такъ, что дѣлаемъ недолжное, непозволенное, что имѣетъ въ виду выраженіе: *что преступилъ*, или тѣмъ, что не дѣлаемъ должнаго, что имѣетъ въ виду выраженіе: *какого не выполнилъ дома?* потому что иное дѣло лѣнивое уклоненіе отъ добраго и честнаго, и совсѣмъ иное—безлѣнностное дѣланіе дурнаго и постыднаго. Въ первомъ случаѣ имѣетъ мѣсто грѣхъ опущенія добра, а въ послѣднемъ — грѣхъ допущенія и совершенія дурнаго, какъ напр. молиться должно, а богохульствовать запрещается, содержать родителей должно, оскорблять же ихъ запрещается; кто перваго не дѣлаетъ, тотъ грѣшитъ тѣмъ, что должнаго не дѣлаетъ, а кто второе дѣлаетъ, тотъ грѣшитъ тѣмъ, что дѣлаетъ недолжное или запрещенное, хотя собственно говоря

въ обоихъ случаяхъ грѣхъ-то почти равенъ. Припоминаніе дневныхъ дѣлъ совѣтуется дѣлать, начиная отъ перваго и затѣмъ по порядку идти до послѣдняго, безъ перерывовъ и промежутковъ, что имѣеть въ виду выраженіе *проходи* (ἐπεζήθει),—дается такой совѣтъ потому, что перестановка и перемѣшка очень часто вводитъ въ обманъ обсуждающій разумъ и беспорядочность припоминанія ведетъ къ неправильной оцѣнкѣ и извиненію многого дурного. Такое припоминаніе ежедневной жизни, должно полагать, рекомендуются намъ для того, что бы путемъ этого ежедневнаго упражненія мы дошли и до воспоминанія о содѣянномъ въ прежней жизни и чтобы такимъ образомъ въ насъ все болѣе и болѣе укрѣплялось чувство и сознаніе нашего безсмертія. Достоинно вниманія и удивленія такого и то, что къ совѣту припоминать каждое изъ дѣлъ, не прибавляется совѣтъ спрашивать себя: „что праваго совершилъ?“ „что изъ должнаго выполнилъ?“ При этомъ, очевидно, то имѣлось въ виду, что наше сужденіе о себѣ должно быть какъ можно болѣе далекимъ отъ горделиваго самообольщенія, должно содержать въ себѣ какъ можно больше скромности и смиренія, и простираться главнымъ образомъ на то, что мы дурного дѣлаемъ, на наши проступки, а не на добродѣтели и заслуги; судъ же надъ нашими дѣлами вручается самому справедливѣйшему и вмѣстѣ самому близкому къ намъ судіи—нашей собственной совѣсти и нашему здравому и правому разуму, котораго, какъ это уже не разъ говорилось, намъ слѣдуетъ больше всего бояться и почитать, ибо какое взаимное обсужденіе по степени близости, правльности и успѣшности можетъ сравниться съ тѣмъ, когда мы сами въ себѣ и законъ имѣемъ, сами же и поступки свои сообразно съ нимъ обсуждаемъ, наконецъ сами себѣ и совѣты даемъ согласно съ этимъ судомъ? Вѣдь наша воля свободна, а потому когда она злоупотребляетъ своею свободою, то пренебрегаетъ всякими посторонними чужими совѣтами, если ей не желательно имъ подчиняться, но отъ своего домашняго суда и совѣта, отъ суда собственнаго разума она никуда уйти не можетъ и по необходимости должна его слушать. Вотъ какого судію и попечителя поставилъ надъ нами Богъ,—и вотъ гдѣ нашъ руководитель, наставникъ и учитель! Его то именно

и стихъ нашъ ставитъ судіею ежедневныхъ поступковъ, чтобъ онъ самъ собою дѣлалъ сужденіе о себѣ, составлялъ мнѣніе и рѣшалъ, чего онъ достоинъ, одобренія или порицанія и наказанія, ибо когда онъ въ памяти, словно въ книгѣ прочитываетъ все содѣланное, то въ это время и судитъ, взирая, какъ на образецъ, на присуцій ему всегда законъ, и тутъ же постановляетъ рѣшеніе о томъ, чего онъ достоинъ, одобренія или порицанія. Ежедневное выполненіе этого правила постепенно перерабатываетъ человѣка въ образъ и подобіе Божіе, ибо частію путемъ прибавокъ (добрыхъ дѣлъ), частію путемъ убавокъ и отсѣченій (дурныхъ дѣлъ) постепенно все болѣе и болѣе увеличиваетъ красоту и полноту его добродѣтели и дѣлаетъ его настолько добрымъ, хорошимъ, насколько это для человѣка возможно. На этомъ нашъ стихъ и останавливается, а затѣмъ даны будутъ правила, исполняя которыя, люди становятся богами.

Профес. Г. В. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

1 Октября № 18. 1897 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 18⁹⁵/₉₆ учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступило къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что въ память и въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ: крестьяне слободы Мечебиловой, Изюмскаго уѣзда, постановили устроить въ приходской Іосифо-Обручницкой церкви новый иконостасъ и горнее мѣсто и соорудить въ сребропозлащенныхъ ризахъ иконы святителя и чудотворца Николая и святой мученицы царицы Александры, въ кіотахъ, все стоимостію 4,200 руб., изъ коихъ 2,000 руб. уже передано въ названную церковь Мечебиловскимъ сельскимъ обществомъ, а остальные 2,200 руб. оно обязалось изыскать въ скоромъ времени; крестьяне Александровскаго сельскаго общества, Больше-Писаревской волости, Богодуховскаго уѣзда, изъявили желаніе жертвовать ежегодно изъ общественныхъ средствъ по 50 руб. на содержаніе мѣстной церковно-приходской школы; прихожане Николаевской церкви с. Анныны, Лебединскаго уѣзда, ассигновали 2000 рублей на устройство вокругъ названной церкви, вмѣсто нынѣ существующей деревянной, каменной ограды съ желѣзными воротами; прихожане Покровской церкви с. Ново-Покровскаго, Зміевскаго уѣзда, приобрѣли на собственные средства для приходской церкви два колокола, вѣсомъ въ 47 пуд. 4 фун., съ соответствующими надписями.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Исполнявшаго обязанности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о такихъ выраженіяхъ вѣрно-подданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Импе-

раторскому Величеству, въ 12-й день іюля и въ 31-й день того же мѣсяца сего года, благоугодно было Собственноручно начертать: „Прочель съ удовольствіемъ“.

Епархіальныя извѣщенія.

Предложеніемъ Его Высокопреосвященства отъ 28 августа н. г. за № 280 перемѣщены, для пользы службы: благочинный 1 округа Ахтырскаго уѣзда, священникъ Архангело-Михаиловской церкви с. Кириковки, Даниль *Поповъ*, къ Вознесенской церкви г. Харькова; духовникъ Харьковской Духовной Семинаріи, священникъ Димитрій *Скрынниковъ*, къ Архангело-Михаиловской церкви с. Кириковки, Ахтырскаго уѣзда; священникъ Архангело-Михаиловской церкви с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Сергій *Посельскій*, духовникомъ Харьковской Духовной Семинаріи; сверхштатный священникъ Харьковскаго Каѳедральнаго Собора, Гавріиль *Васютинъ*, къ Архангело-Михаиловской церкви с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, и исправляющимъ д. благочиннаго 1 округа Ахтырскаго уѣзда назначенъ священникъ Ахтырскаго собора, Гавріиль *Вилоусовъ*.

— Исправляющій должность Благочиннаго 1 округа Зміевскаго уѣзда, священникъ Аванасій *Горанинъ*, 22 сентября с. г. утверждёнъ въ должности.

— Священникъ церкви, села Рѣдкодуба, Изюмскаго уѣзда, Теодоръ *Оружинскій*, перемѣщенъ священникомъ къ церкви слоб. Шульганки, Старобѣльскаго уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Феоктистъ *Феденко*.

— Сверхштатный священникъ Рождество-Богородичной церкви с. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, Іоаннъ *Бондаревъ*, утвержденъ штатнымъ священникомъ при той же церкви.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Димитрій *Виноградскій*, опредѣленъ на праздное священническое мѣсто къ Покровской церкви г. Сумъ.

— Безмѣстный псаломщикъ, Петръ *Филипченко*, опредѣленъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви слободы Боровской, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Кресто-Воздвиженской церкви, с. Межирича, Лебединскаго уѣзда, Стефанъ *Малишевскій*, уволенъ отъ должности, по старости лѣтъ, съ выраженіемъ благодарности Епархіальнаго начальства за долговременную безпорочную службу.

— Церковный староста Покровской церкви с. Межирича, Лебединскаго уѣзда, Климентъ *Паненко*, согласно прошенію, уволенъ отъ должности.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Кончина Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, архіепископа казанскаго.—Трехсотлѣтіе Почаевской лавры.—Значеніе Почаевской лавры для православія.—Освященіе церкви при Харьковскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ.—Руководственныя указанія епархіальнаго начальства подвѣдомственному духовенству.—Расширеніе дѣятельности сѣздовъ духовенства.—Библіотеки для духовенства.—Благотворительныя учрежденія для духовенства.—Періодическіе миссіонерскіе сѣзды.—Новое распоряженіе о священникахъ инородцахъ.—Посѣщеніе Государыней Императрицей церковно-приходской школы.—Успѣхи церковно-приходской школы в ея воспитательное значеніе.—Заботы объ улучшеніи матеріальнаго положенія церковно-приходскихъ школъ.—Открытіе памятниковъ Императорамъ Александру II и Александру III въ Черниговѣ.—Открытіе женскаго медицинскаго института.—Распоряженіе Министра народнаго просвѣщенія.—Мѣры противъ пьянства.—Международный конгрессъ для борьбы противъ алкоголиковъ.—Некрологъ.

2 сентября скончался Высокопреосвященный Владиміръ, архіепископъ казанскій и свѣжскій. Покойный архіепископъ былъ извѣстенъ преимущественно своими миссіонерскими трудами, и имя его тѣсно связано съ исторіей алтайской миссіи, которая обязана ему очень многимъ. За весь періодъ управленія этой миссіей имъ было обращено въ христіанство изъ язычниковъ и магометанъ и обращено изъ раскола въ православію 6679 человекъ, при чемъ лично имъ крещено 408 человекъ. Подъ его же руководствомъ и указаніемъ и при его непосредственномъ участіи, въ цѣляхъ успѣха миссіонерскаго дѣла, были переведены на алтайскій языкъ воскресныя евангельскія чтенія, житія святыхъ (избранныя) и различныя богослужебныя книги. Сверхъ этого, составлены и напечатаны алтайско-русскій словарь съ книгою для чтенія и грамматика алтайскаго языка съ алтайско-русскимъ и русско-алтайскимъ словарями. Своей миссіонерскою дѣятельностію преосвященный Владиміръ не оставлялъ и въ бытность свою архіепископомъ казанскимъ, неоднократно предпринимая съ этою цѣлью продолжительныя поѣздки по казанской епархіи, заселенной въ большей своей части инородцами. Такая неустанная дѣятельность въ связи съ преклонными лѣтами сильно ослабила силы владыки, и онъ давно уже чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ. Въ послѣднее время преосвященный жилъ на своей дачѣ, на берегу озера Кабана (въ 7 верстахъ отъ Казани), гдѣ и скончался.

Погребеніе преосвященнаго Владиміра происходило въ субботу 6 сентября, и было совершено архіепископомъ рижскимъ и митавскимъ Арсеніемъ въ сослуженіи епископа нижегородскаго и арзамасскаго Владиміра, епископа балахнинскаго Аркадія, самарскаго Гурія и сарапульскаго Никодима. Во время божественной литургіи сказа-

на была рѣчь ректоромъ каз. дух. академіи. При отпѣваніи произнесены были рѣчи: послѣ второго евангелія еп. нижегородскимъ Владиміромъ, послѣ пятаго евангелія ректоромъ мѣстной дух. семинаріи, архимандритомъ Кирилломъ, а послѣ прочтенія всѣхъ евангелій была сказана рѣчь высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, архіеп. рижскимъ. Тѣло владыки было опущено въ склепъ (подъ правымъ придѣломъ кафедральнаго собора), въ которомъ покоятся казанскіе архипастыри: Маркеллъ, Тихонъ, Лаврентій и Афанасій, по лѣвую руку при входѣ въ склепъ, въ югозападной его части. Печальный обрядъ погребенія преосвященнѣйшаго Владиміра кончился только къ 4 часамъ. Миръ душѣ владыки!

«Цер. Вѣст.»

— Празднованіе трехсотлѣтія основанія Почаевской обители и пребыванія въ этомъ монастырѣ одной изъ величайшихъ святынь юго-западной Россіи—чудотворной иконы Почаевской Божіей Матери—началось 6 сентября. Святыня эта была пожертвована въ обитель въ 1597 г. сосѣднею помѣщицей Анной Гойской, послѣ того, какъ передъ этой иконой получилъ исцѣленіе отъ слѣпоты родной братъ жертвовательницы—Филиппъ Козинскій. До тѣхъ поръ икона Почаевской Божіей Матери, полученная Анной Гойской въ благословеніе отъ греческаго епископа Филиппа Неофита, сохранялась у нея въ домѣ. вмѣстѣ съ пожертвованіемъ иконы, Анна Гойская рѣшилась устроить на горѣ Почаевской, гдѣ съ 1240 года существовала небольшая обитель,—общежительный монастырь. Съ этой цѣлью она пожертвовала много земли и лѣсу, которымъ лавра владѣетъ и въ настоящее время, и положила такимъ образомъ основаніе нынѣшнему благосостоянію Почаевской лавры, которая, по словамъ въ Бозѣ почившаго Царя-Миротворца Императора Александра Александровича, является „оплотомъ православія и русской народности въ древнемъ русскомъ краѣ“.—Къ празднованію 300-лѣтія Почаевской обители прибыли: высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ кіевскій и галицкій, преосвященный Модестъ, епископъ волынскій, преосвященный Иринеи, епископъ подольскій, викаріи волынской епархіи: епископъ владимірово-волынскій Паисій и острожскій Меодій, а также всѣ власти края. 6-го сентября въ соборномъ храмѣ и всѣхъ лаврскихъ церквахъ были совершены всенощныя бдѣнія. Въ Успенскомъ соборѣ было совершено архіерейское богослуженіе. Въ воскресенье, 7-го сентября, архіерейскимъ служеніемъ совершена заупокойная литургія въ храмѣ св. преподобнаго Іова, игумена Почаевскаго. Послѣ ли-

тургіи архіереями была отслужена соборная панихида, на которой по лаврскому синодику поминались въ Бозѣ почивающіе Императоры и Императрицы и почившіе создатели, благотворители и братія Почаевской обители. При окончаніи литургіи было произнесено слово о поминаемыхъ создателяхъ обители и благотворителяхъ. Послѣ богослуженія для прибывшихъ на это торжество богомольцевъ устроена была общая поминальная трапеза. Въ два часа пополудни изъ соборнаго храма совершенъ былъ крестный ходъ въ кладбищенскую церковь, находящуюся въ верстѣ отъ лавры. Въ торжественной процессіи понесли чудотворную икону Почаевской Божіей Матери и прочія святыни. Здѣсь архіерейскимъ служеніемъ совершено было молебное пѣніе съ чтеніемъ акаѳста, а затѣмъ крестный ходъ возвратился въ лавру. Въ воскресенье, въ 6 час. вечера, въ соборномъ Успенскомъ храмѣ началось всенощное бдѣніе съ чтеніемъ въ положенное время акаѳста передъ чудотворною иконою Почаевской Божіей Матери, которая для этого была спущена внизъ съ своего мѣста надъ Царскими вратами. Литію, величаніе и чтеніе акаѳста совершилъ высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ кіевскій и галицкій съ архіепископомъ волынскимъ Модестомъ, преосвященнымъ Иринеємъ, епископомъ подольскимъ, и прочими архіереями, прибывшими на торжество, и викаріями волынской епархіи. Въ лаврскихъ церквахъ: Троицкой, Варваринской, Петропавловской были совершены архіерейскимъ служеніемъ торжественныя всенощныя бдѣнія. Такія же всенощныя были совершены во всѣхъ церквахъ волынской епархіи. По окончаніи всенощной въ Успенскомъ лаврскомъ соборѣ, въ примыкающей къ нему галлерей было предложено собравшимся богомольцамъ чтеніе „Исторіи Почаевской лавры“, съ туманными картинами. Богомольцамъ раздавали крестяки, иконы Почаевской Божіей Матери, составленные по случаю торжества брошюры и листки. Въ самый день празднованія 8 сентября во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ волынской епархіи были совершены литургіи съ молебнами Почаевской Божіей Матери. Во время литургіи народу было предложено поученіе съ разъясненіемъ причинъ настоящаго торжества. Въ сосѣднихъ къ Почаеву селахъ богослуженія окончились рано и отсюда въ Почаевскую лавру направлялись крестные ходы, которые прибыли въ лавру во время поздней литургіи. Въ самихъ лаврскихъ церквахъ были совершены раннія литургіи, причемъ въ Троицкой церкви было архіерейское служеніе, а въ соборномъ храмѣ митрополитъ Іоанникій съ архі-

епископомъ Модестомъ и прочими архіереями совершилъ позднюю литургію при пѣніи хоромъ архіерейскаго и лаврскаго. При окончаніи литургіи было произнесено слово о небесномъ покровѣ Божіей Матери надъ Почаевской обителью. Послѣ литургіи на средину собора вышли архіереи и все духовенство; двое архимандритовъ держали чудотворную икону Почаевской Божіей Матери, а остальное духовенство иконы: преподобнаго Іова, св. великомученицы Варвары и прочія монастырскія святыни. Митрополитъ Іоанникій совершилъ молебное пѣніе Божіей Матери, причемъ при чтеніи тропарей изъ дверей собора выступилъ крестный ходъ, который направлялся вокругъ собора при колокольномъ звонѣ. Въ процессіи были несены кромѣ чудотворнаго образа Богоматери Почаевской и святая иконы, полученныя лаврой въ память этого торжества отъ русскихъ монастырей. По четыремъ сторонамъ у собора процессія останавливалась, причемъ провозглашались ектеніи, послѣ которыхъ митрополитъ Іоанникій, при сугубомъ пѣніи „Господи помилуй“, осѣнялъ народъ св. крестомъ и окроплялъ св. водою. Противъ стѣны алтаря митрополитъ Іоанникій читалъ св. Евангеліе. По возвращеніи священной процессіи къ главнымъ дверямъ, въ галлереѣ, окружающей соборъ, читалась передъ чудотворною иконою Божіей матери молитва съ колѣнопреклоненіемъ. Затѣмъ крестный ходъ возвратился въ соборъ, и о. протодіакономъ провозглашено было многолѣтіе Царской фамиліи, Синоду, митрополитамъ, архіепископамъ, епископамъ и всему освященному собору, благотворителямъ лавры и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Около 3-хъ ч. дня устроено было торжественное собраніе въ память этого событія, въ присутствіи митрополита Іоанникія и прочихъ архіереевъ и почетныхъ лицъ. На собраніи были прочитаны рѣчи по поводу этого торжества, привѣтственныя телеграммы и адреса отъ лавръ Кіево-Печерской, Александро-Невской и Троице-Сергіевской и др. монастырей. Богомольцамъ была предложена трапеза и розданы образки, крестики и брошюры. Въ Почаевской лаврѣ и окрестныхъ сельскихъ церквахъ совершенъ былъ цѣлдневный звонъ.

«Рус. Сл.»

— «Цер. Вѣст.», говоря о томъ великомъ значеніи для Православія, которое имѣла и имѣетъ Почаевская Лавра, пишетъ: „Если теперь уніатскіе переселенцы изъ Галиціи и Венгріи, эти исконно-православные русскіе люди, лишь коварствомъ оторванные отъ своей истинной матери—Православной Церкви, по переселеніи въ Америку снова цѣлыми приходами возвращаются въ

лоно Православія, то чѣмъ это объяснить, какъ не тѣмъ, что эти русскіе люди, обманомъ и насиліемъ увлеченные въ унию, въ душѣ своей сохранили искру православія, ожидающую лишь благоприятныхъ условій для того, чтобы вновь воспламениться яркимъ огнемъ? А сохранили они ее потому, что жили неподалеку отъ той великой лавры, которая всеогрѣвающимъ свѣтъ Православія лучеобразно распространяетъ на весь западный русскій міръ—на все Прикарпатье и Закарпатье, независимо отъ политическихъ границъ. Вѣдь достаточно побыть въ Почаевской лаврѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, какой непреодолимый оплотъ православія составляетъ эта великая лавра, благовѣсть которой могуче разносится далеко за австрійскую границу, пробуждая чувство тоски по православію въ злосчастныхъ закордонныхъ русскихъ людяхъ, томящихся въ двойномъ—и духовномъ и политическомъ рабствѣ. Потому то, лишь только они, по переселеніи въ Америку, сбрасываютъ съ себя политическое иго, какъ въ ихъ душѣ пробуждается стремленіе и къ духовной свободѣ, таившаяся подъ пеломъ униатства искра православнаго самосознанія разгорается, и они стремятся въ лоно своей родной матери, св. Православной Церкви. А эта ихъ родная мать уже ждетъ ихъ тамъ съ распростертыми объятіями и съ материнскою любовью вводитъ ихъ въ православную храмину, основа которой заложена знаменитымъ миссіонеромъ Иннокентіемъ“. Въ заключеніи, названный журналъ приглашаетъ вознести горячія молитвы о томъ, чтобы „дѣло совершаемое Почаевской лаврой, какъ лучезарнымъ маякомъ православія на западѣ, расширилось и процвѣтало все болѣе и болѣе, и свѣтъ православія просвѣщаль и сидящихъ на рубежѣ между востокомъ и западомъ и—тамъ далеко за океаномъ на почвѣ Новаго Свѣта“.

— 21-го сентября Харьковское епархіальное женское училище торжественно праздновало освященіе своего вновь сооруженнаго храма во имя св. великомученицы Варвары. Прежняя домовая церковь, помѣщавшаяся въ старомъ зданіи училища, вслѣдствіе многочисленности воспитанницъ (около 600 душъ) стала тѣсною, а потому, съ благословенія Высокопреосвященнаго Амвросія, съ начала весны 1896 года совѣтъ училища приступилъ къ постройкѣ новаго зданія въ три этажа; верхній этажъ предназначенъ былъ для училищной церкви. Постройкой зданія завѣдывалъ строительный комитетъ подъ предсѣдательствомъ члена совѣта училища священника о. Павла Тимоеева; планъ составленъ епархіальнымъ архитекторомъ В. Х. Нѣмкинымъ, подъ руководствомъ котораго и

происходили строительныя работы. Къ 20 сентября зданіе было окончено и новый храмъ готовъ былъ къ освященію. Наканунѣ освященія, 20 сентября, въ новомъ храмѣ торжественно было совершено всепощное бдѣніе предсѣдателемъ совѣта училища прот. о. Т. Буткевичемъ въ сослуженія 3-хъ протоіереевъ и 3-хъ священниковъ, а 21-го состоялось торжественное его освященіе. Освященіе совершалъ Высокопреосвященный Амвросій въ сослуженіи преосвященнаго Петра, двухъ архимандритовъ, 5 протоіереевъ и 1 священника. На освященіи присутствовали г. начальникъ губерніи, гофмейстеръ Высочайшаго Двора Г. А. Тобизенъ, корпусный командиръ генераль-отъ-кавалеріи В. Ф. Винбергъ, управляющій учебнымъ округомъ ректоръ университета М. М. Алексѣенко, городской голова И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, и много другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Къ этому же торжеству приглашены были почетнѣйшіе протоіереи г. Харькова и оо. благочинные епархіи. Торжественный чинъ освященія, умиленное пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ, благолѣпіе храма—все это производило сильное впечатлѣніе на молящихся. Особенно умиленное зрѣлище представляло множество усердно молящихся воспитанницъ училища, благоговѣйно простоявшихъ въ новомъ храмѣ болѣе 3 часовъ. По окончаніи божественной литургіи провозглашено было многолѣтіе Царствующему Дому, оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцеву, Высокопреосвященному Амвросію и „строителямъ и благоуукрашителямъ храма сего“, а потомъ всѣ присутствовавшіе приглашены были въ квартиру г-жи начальницы училища Е. Н. Гейцигъ, гдѣ имъ предложенъ былъ чай. Послѣ чая въ торжественной залѣ состоялся годичный училищный актъ, на которомъ прочитана была предсѣдателемъ совѣта училища прот. о. Т. Буткевичемъ рѣчь Высокопреосвященнаго Амвросія: „о высшемъ назначеніи образованной женщины въ средѣ православнаго духовенства“. Обширная многоназидательная рѣчь знаменитаго духовнаго витія, громко и внятно прочитанная о. Буткевичемъ, произвела на всѣхъ присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе; особенно сильное впечатлѣніе осталось отъ этой рѣчи у воспитанницъ училища. Актъ закончился раздачею наградъ лучшимъ воспитанницамъ, послѣ чего всѣми воспитанницами пропѣтъ былъ народный гимнъ „Боже Царя Храма“! По окончаніи акта присутствующіе приглашены были въ такъ называемый „старый залъ“, гдѣ и предложенъ былъ радушными хозяевами училища обѣдъ. Много тостовъ предложено было во время обѣда, но съ особен-

нымъ воодушевленіемъ принять былъ всѣми тогдѣ, провозглашенный прот. о. Т. Буткевичемъ, за здоровье Высокопреосвященнаго Амвросія, который въ продолженіи своего пятнадцатилѣтняго управленія харьковскою епархіею такъ много сдѣлалъ для всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній, особенно же для епархіальнаго женскаго училища.—Торжество окончилось въ 3 часа. Во вновь освященномъ храмѣ будетъ ежедневно въ продолженіи 40 дней совершаться божественная литургія; отправлять богослуженіе изъявила желаніе члены совѣта училища и законоучителя по очереди.

«Юж. Кр.»

— По сообщенію «Ц. В.», въ симбирской, тверской и казанской епархіяхъ даны мѣстной епархіальною властью указанія и разъясненія духовенству относительно его обязанностей. Преосвященный симбирскій Никандръ, по поводу отчета одного благочиннаго, указавшаго на многочисленность священниковъ, преданныхъ страсти табакокуренія, въ обстоятельной резолюціи по этому случаю разъяснилъ предосудительность этой привычки для священника и предпринялъ нѣкоторыя мѣры къ ея искорененію. Въ тверской епархіи объявлено духовенству, для его свѣдѣнія, одобренное мѣстнымъ преосвященнымъ (съ нѣкоторыми впрочемъ условіями) предположеніе одного сельскаго священника объ открытіи въ его приходѣ церковно-приходской бібліотеки изъ книгъ, доступныхъ для пониманія простаго народа, на добровольныя пожертвованія, въ томъ числѣ 20 р. отъ священника и на каждородные взносы изъ церковныхъ суммъ до 20 р. Въ казанской епархіи, гдѣ нѣкоторые священники, доводя до свѣдѣнія полиціи о незаконномъ сожитіи прихожанъ, просятъ ее разлучить незаконно-сожительствующихъ и понудить ихъ вступить въ законный бракъ, разъяснено, что священнослужители въ такихъ случаяхъ должны прежде всего принимать пастырскія мѣры вразумленія и убѣжденія незаконно-сожительствующихъ къ прекращенію грѣховной жизни.

— Весьма замѣтную живительную струю въ ходѣ мѣстныхъ церковныхъ дѣлъ въ епархіяхъ, внесетъ предположенное расширение компетенціи и дѣятельности съѣздовъ духовенства. Слухъ объ этомъ переданъ «С.-Петербур. Дух. Вѣст.», который сообщаетъ, что въ высшемъ духовномъ вѣдомствѣ возбуждается вопросъ о реорганизациіи окружныхъ благочинническихъ собраній и съѣздовъ духовенства, на которыхъ—помимо вопросовъ матеріальнаго характера—будутъ также обсуждаться вопросы о содѣйствіи религіозно-нравственному развитію народа, путемъ устройства чтеній,

равно о нуждахъ церковно-приходскихъ школъ и проч. По миѣнію «Цер. Вѣст.», этотъ слухъ будетъ несомнѣнно встрѣченъ русскимъ духовенствомъ, а также и радѣющими о благѣ церкви мірянами, съ радостью, такъ какъ указанное предположеніе вполне соотвѣтствуетъ давно уже и не разъ выражавшимся желаніямъ духовенства. Остается пожелать, чтобы система выборовъ депутатовъ на съѣзды и направленіе дѣлъ на съѣздахъ вполне обеспечивали совершенно независимое, тщательное и всестороннее обсужденіе тѣхъ церковныхъ вопросовъ, которые будутъ подлежать разсмотрѣнію уполномоченныхъ отъ духовенства.

— Духовенство разныхъ епархій, сознавая необходимость самообразованія, особенно въ настоящее время, когда отъ него требуется такъ много знаній, въ связи съ возвышеніемъ общаго уровня образованія въ государствѣ, и по причинѣ возложенныхъ на него великихъ обязанностей въ дѣлѣ просвѣщенія народа, старается заводить библіотеки благочиническія, или же улучшать церковныя. Такъ, этимъ вопросомъ недавно былъ занятъ, по словамъ «Сар. Еп. Вѣд.», общепархіальный съѣздъ о.о. благочинныхъ въ г. Тулѣ, рѣшившій составить капиталъ для пополненія библіотекъ при церквахъ. Объ этомъ же рассуждали о.о. депутаты на Вятскомъ Епархіальномъ съѣздѣ. Преосвященный Іустинъ въ своихъ „братскихъ совѣтахъ пастырямъ Уфимской церкви“, между прочимъ, пишетъ: „по собственному опыту знаю, что у пастыря церкви, особенно сельскаго, какъ бы ни былъ великъ его приходъ, остается много свободнаго времени отъ дѣлъ служебныхъ. Какъ поступать съ этимъ свободнымъ временемъ? Въ чемъ его проводить? Это для многихъ пастырей служитъ камнемъ преткновенія. Счастливы тотъ пастырь, который найдетъ себѣ приличное дѣло: у него время будетъ занято полезными занятіями; несчастливъ, кто не сумѣетъ найти себѣ подходящаго дѣла: онъ будетъ проводить свое время въ праздности. А „праздность есть мать всѣхъ пороковъ“, говоритъ практическій смыслъ народный; да и философія учитъ, что кто не занимается положительнымъ, тотъ занимается отрицательнымъ. Это аксіома, не требующая доказательства. Особенно праздность вредна для вдовствующихъ служителей церкви. Какъ же избѣжать вреда отъ праздности? Непремѣнно нужно придумать для себя подходящія и полезныя занятія. Какія занятія? Кромѣ занятій семейныхъ и хозяйственныхъ, пастырю церкви всего приличнѣе, полезнѣе и необходимѣе заниматься въ свободное время чтеніемъ книгъ... Хорошо, что люди читаютъ, подновляютъ свои знанія и

не даютъ загдохнуть своимъ силамъ, которыя тоже требуютъ мѣста, упражненія, — иначе они загдохнутъ, какъ гдохнетъ и засыхаетъ почва, которая не разрыхляется трудомъ земледѣльца... Подобное умственное оскудѣніе грозитъ тѣмъ изъ нашихъ пастырей, которые только пользуются прежними (школьными) познаніями, а новыхъ не пріобрѣтаютъ. Наблюдая такихъ пастырей въ теченіи многихъ лѣтъ, я замѣтилъ, говорить одинъ изъ о.о. благочинныхъ, что уровень ихъ познаній и духовнаго развитія постепенно понижается до степени житейскаго практическаго смысла, такъ что они приближаются отчасти къ той простой средѣ, въ которой живутъ и трудятся... Итакъ, внимательное чтеніе книгъ и журналовъ, имѣющихъ отношеніе къ званію пастырскому, а также размышленіе надъ прочитаннымъ, есть необходимая потребность для нашихъ пастырей, которые являются руководителями, наставниками и воспитателями сельскаго населенія, ввѣреннаго ихъ особенному попеченію, подъ руководствомъ архипастырей православныхъ“.

— Послѣ смерти священно-церковно-служителей семьи ихъ нерѣдко остаются рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни. Также участь сплошь и рядомъ ожидаетъ и самихъ престарѣлыхъ священно-церковно-служителей. Поэтому вопросъ о взаимопомощи духовенства составляетъ одинъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ. И духовенство различныхъ епархій такъ или иначе старается разрѣшить его. «Сар. Еп. Вѣд.» сообщаютъ о слѣдующихъ новыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ духовенства Казанской епархіи. Въ ознаменованіе радостнаго событія въ Августѣйшей Семлѣ — рожденія Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны, въ г. Казани учрежденъ и недавно открытъ Ольгинскій Епархіальный женскій сиротскій пріютъ для призрѣнія, первоначальнаго образованія и воспитанія безпріютныхъ малолѣтнихъ дѣтей духовенства Казанской епархіи. Въ пріютъ поступаютъ дѣти не моложе 7 и не старше 12 лѣтъ; въ особыхъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, могутъ быть приняты въ пріютъ сироты и 6-ти и даже 5 лѣтъ. Остаются дѣти въ пріютѣ неопредѣленное время, но ни въ какомъ случаѣ не долѣе, какъ по достиженіи ими 17-ти лѣтъ. Образъ жизни и пища воспитанницъ пріюта самыя простыя. Уборка комнатъ, мытье половъ, стирка бѣлья, приготовленіе пищи, чистка лампъ, словомъ, — все домашнее хозяйство по возможности возлагается на самихъ воспитанницъ пріюта. Первоначальное образованіе послѣднія получаютъ въ образцовой цер-

ковно-приходской школѣ, устрояемой въ самомъ пріютскомъ зданіи специально для обученія пріютокъ. Лучшія по успѣхамъ и поведенію дѣвочки, достигшія узаконеннаго возраста, по окончаніи курса образцовой школы, принимаются въ Епархіальное женское училище, епархіально-боштными пансіонерками. Неудостоенныя же перевода въ 1-й классъ Епархіальнаго женскаго училища или оказавшіяся вовсе неспособныя къ научному образованію, поступаютъ въ специальный классъ рукодѣлія, проэктируемый въ томъ же пріютѣ, примѣнительно къ § 7-му правилъ о церковныхъ школахъ. Въ рукодѣльномъ же классѣ могутъ учиться рукодѣльнымъ работамъ и сироты ученицы, уволеныя изъ училища за малоспособность. Изученіе рукодѣлій предполагается по обширной и разнообразной программѣ, именно: а) кройка и шитье бѣлья, платья, пальто и вообще верхней одежды по фасону; б) кройка и шитье рясы, ризъ, стихирей и др. церковныхъ одеждъ; в) разныя производства изъ соломы, стружки и прутьевъ, въ видѣ шляпъ, корзинокъ и проч.; г) также поясковъ и ковровъ, вышиваніе мишурой, производство искусственныхъ цвѣтовъ и проч. Первоначально пріютъ открытъ на 40 вакансій. Источниками содержанія его (по 50 руб. на пріютку) служатъ: а) ежегодная субсидія Епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія; б) % съ капиталовъ, пожертвованныхъ основателемъ пріюта, Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Владиміромъ (1000 р.) и другими; в) пожертвованія деньгами и вещами отъ разныхъ учреждений и лицъ по пригласительнымъ печатнымъ листамъ, выдаваемымъ чрезъ мѣстную духовную консисторію отъ Совѣта Епархіальнаго женскаго училища приходскимъ священникамъ всей епархіи.—Кромѣ Ольгинскаго сиротскаго пріюта, въ Казанской епархіи въ скоромъ времени откроется богадѣльня для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ 20 лицъ мужскаго пола духовнаго званія и пріютъ для 15 дѣтей круглыхъ сиротъ мужскаго пола отъ трехлѣтняго возраста. Ежегодное содержаніе призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ и пріютѣ исчислено по смѣтѣ въ 5224 руб. 50 коп. Для дѣтей духовенства епархіи, выбывающихъ изъ духовныхъ училищъ и семинаріи по неспособности учиться, въ г. Казани проэктируется устройство ремесленной школы. Въ ней предположено быть двумъ классамъ съ двухгодичнымъ курсомъ въ каждомъ. Ремесла будутъ изучаться самыя простыя: портняжное, сапожное и экипажное съ кузнечнымъ. Воспитанники должны жить за установленную плату въ общежитіи, а бѣдные (по

8-ми въ классѣ) на епархіальныя средства. Ежегоднаго расхода на эту школу по смѣтѣ требуется 2790 рублей и одновременно по первоначальному обзаведенію инструментами 431 руб. 25 коп. Ремесленная школа и богадѣльня съ пріютомъ учреждаются въ память Государя Императора Александра III-го, въ ознаменованіе и увѣковѣченіе благодарности духовенства за дарованныя Имъ милости.

— Въ «Херс. Еп. Вѣд.» опубликовано распоряженіе мѣстнаго епархіальнаго начальства о заведеніи періодическихъ миссіонерскихъ съѣздовъ въ этой епархіи. Въ помѣщенныхъ правилахъ этихъ съѣздовъ говорится: 1) Для болѣе успѣшной борьбы съ существующимъ въ приходахъ Херсонской епархіи сектантскомъ призываются къ противосектантской дѣятельности вмѣстѣ съ миссіонерами епархіи и приходскіе священники. Для достиженія цѣлесообразности и единства противосектантской дѣятельности съ одной стороны духовенства, а съ другой духовенства и миссіонеровъ признаются необходимыми миссіонерскіе съѣзды духовенства, съ участіемъ окружныхъ миссіонеровъ тѣхъ округовъ, въ которыхъ созываются съѣзды, и епархіальнаго миссіонера, по его усмотрѣнію. 2) Предметами занятій миссіонерскихъ съѣздовъ духовенства служатъ: взаимный обмѣнъ наблюденій надъ явленіями въ мірѣ сектанства и въ жизни православнаго населенія, бесѣды о мѣрахъ и средствахъ борьбы съ сектанствомъ и охраненія православнаго населенія отъ вліянія сектантовъ, о лучшей постановкѣ церковнаго и внѣцерковнаго духовенства учительства, объ усиленіи пастырскаго вліянія на народъ, о возвышеніи просвѣтительнаго вліянія церковно-приходской школы на подрастающее поколѣніе народа и т. п. 3) Миссіонерскіе съѣзды духовенства устраиваются разъ въ годъ въ тѣхъ благочинническихъ округахъ, въ которыхъ находятся приходы, зараженные сектанствомъ... 4) Результаты совѣщаній на миссіонерскихъ съѣздахъ духовенства подлежатъ совмѣстному разсмотрѣнію и обсужденію Совѣта Братства и миссіонеровъ Херсонской епархіи, созываемыхъ ежегодно въ сентябрѣ или октябрѣ въ г. Одессу для совѣщанія по дѣламъ миссіи.

— Выяснившіяся религіозныя и духовно-нравственныя потребности населенія вызвали новыя соотвѣтствующія распоряженія духовной власти. «Церк. Вѣст.» сообщаетъ, что Преосвященный епископъ уфимскій Іустинъ, въ представленіи Св. Синода въ прошломъ іюнѣ, объяснилъ, что для замѣщенія священническихъ вакансій въ инородческихъ приходахъ уфимской епархіи въ на-

стоящее время не достаетъ кандидатовъ съ достаточнымъ богословскимъ образованіемъ и знаніемъ инородческихъ языковъ, и потому ходатайствовалъ о разрѣшеніи, виредь до минованія надобности, допускать ипущихъ священнаго сана инородцевъ, получившихъ образованіе въ инородческихъ школахъ, съ правами среднихъ учебныхъ заведеній, въ уфимскую семинарію, въ количествѣ не болѣе 4-хъ въ годъ, для изученія богословскихъ предметовъ V и VI классовъ, съ предоставленіемъ этимъ лицамъ помѣщенія въ семинарскомъ зданіи и половиннаго казеннаго содержанія. Св. Синодъ призналъ это ходатайство заслуживающимъ уваженія.

— Какъ сообщаетъ «Вил. Вѣст.» 26 августа Государыня Императрица въ с. Дойлидахъ, въ сопровожденіи гофмейстерины княгини Голицыной, посѣтили сельскую церковь и церковно-приходскую школу. Пройдя иѣшкомъ изъ парка имѣнія Дойлиды, Ея Величество направилась прежде въ церковь, а потомъ изволила пройти въ находящуюся возлѣ церкви одноклассную церковно-приходскую школу, въ которой находилось тогда 30 учащихся (20 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ) и учитель Буйко, занимавшійся обычнымъ своимъ дѣломъ. При входѣ Ея Величества, дѣти встали и поклонились, даже и не догадываясь, что они осчастливлены, въ лицѣ прибывшей Особы, носѣщеніемъ Самой Царицы. Въ присутствіи Ея Величества бѣгло читали дѣвочка и мальчикъ младшаго отдѣленія. Затѣмъ послѣ просмотра письма въ тетрадяхъ двухъ учениковъ старшаго отдѣленія, учащіеся пропѣли, по желанію Государыни Императрицы, въ одинъ голосъ „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво, радуйся“. Иѣніемъ молитвъ закончилось посѣщеніе школы Ея Величествомъ.

— «Народъ», указывая на фактъ необыкновенно быстрого развитія церковно-приходскихъ школъ, справедливо замѣчаетъ, что въ настоящее время дѣло народнаго воспитанія подъ руководствомъ Церкви поставлено на твердую почву. Предъ этимъ очевиднымъ фактомъ, утверждаетъ газета, должны замолкнуть и тѣ скептическіе голоса, которые недовѣрчиво относились къ церковно-школьному дѣлу. Сочувствіе и довѣріе населенія именно къ этому типу школъ замѣтно возрастаютъ. Замѣчавшаяся ранѣе нѣкоторая рознь въ приѣмахъ и средствахъ народнаго обученія въ значительной степени устранивается образованіемъ учительскихъ курсовъ, дающихъ возможность учителямъ и учительницамъ церковно-приходскихъ школъ единообразно и дружными усиліями стремиться ко благой цѣли. Характеризуя принципиальное значеніе церковно-приходскихъ

школь, «Народъ» совершенно основательно заключаетъ, что главное значеніе церковно-школьнаго преподаванія заключается не въ сухомъ формальномъ обученіи, а въ религіозно-воспитательномъ воздѣйствіи на подрастающее поколѣніе, въ глубокой преданности Православію, Престолу и Отечеству. Главнѣйшій центръ тяжести въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія церковно-приходская школа переноситъ на воспитательную сторону, и это необходимо имѣть всегда въ виду народнымъ воспитателямъ. Это воспитательное значеніе церковно-приходской школы болѣе всего не правилось ея противникамъ. Ослабить и распатать прочныя и непоколебимыя устои всей нашей самобытной общественной и государственной жизни, заключающіеся въ идеяхъ православія и единодержавія, если и можетъ какая-либо школа, то уже ни въ какомъ случаѣ не церковно-приходская. Съ развитіемъ же церковно-приходскихъ школъ и съ установленіемъ возможно-полнаго единенія дѣйствій между народными руководителями, — Россія, при просвѣщенномъ сліяніи народа съ Церковью, станетъ на свою твердую почву и пойдетъ впередъ по своему вѣрному, свѣтлому пути, завѣщанному ей исторіей. Начальное воспитаніе народа имѣетъ огромное значеніе и должно занимать первенствующее мѣсто въ заботахъ государства о нуждахъ и судьбѣ населенія. Съ этой точки зрѣнія здѣсь дѣйствительно слѣдуетъ не столько обучать, сколько воспитывать путемъ просвѣщенія уже присущіе нашему народу идеалы и вѣрованія, подъ знаменемъ которыхъ онъ самоотверженно проливалъ свою кровь за Вѣру, Царя и Отечество. Вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію, высказываемому «Народомъ», «Моск. Вѣд.» высказываютъ желаніе, чтобъ и другіе органы нашего „общественнаго самосознанія“ прониклись этою очевидною истиной.

— По ходатайству Тульского Епархіальнаго Училищнаго Совѣта отъ 2 мая 1897 года, какъ сообщаютъ «Тул. Епар. Вѣд.», для усиленія мѣстныхъ средствъ содержанія церковныхъ школъ Тульскимъ Преосвященнымъ разрѣшено примѣнять въ Тульской епархіи слѣдующія мѣры: 1) Уѣзднымъ отдѣленіямъ предоставляется, кромѣ дня Рождества Христова, въ который производится кружечный сборъ поступающій въ распоряженіе Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, избрать другой какой-либо день для кружечнаго сбора, который долженъ поступать въ распоряженіе уѣздныхъ отдѣленій на нужды школъ уѣзда. 2) Приходскіе священники по соглашенію съ церковнымъ старостами могутъ ежегодно отчислить изъ свободныхъ церковныхъ-суммъ на содержаніе мѣстныхъ церков-

ныхъ школъ до 100 руб., не исправивая на то каждый разъ особаго разрѣшенія, но записывая очисляемыя суммы въ книгу расхода церковныхъ суммъ. 3) Предоставляется учредить при каждой церкви, гдѣ есть церковная школа, особую кружку съ надписью: „въ пользу церковной школы“ и обнародовать эту кружку по домамъ прихожанъ, для чего священникъ можетъ избрать изъ среды прихожанъ особое благонадежное лицо, которое, пользуясь благоприятными обстоятельствами, ходитъ съ кружкою и приглашаетъ прихожанъ къ пожертвованіямъ подобно тому, какъ практикуется это при сборѣ пожертвованій на церковное строеніе.

— Освященіе памятниковъ въ Бозѣ почивающимъ Государямъ Императорамъ Александру II и Александру III въ гор. Черниговѣ совершено, по сообщенію южныхъ газетъ, 30-го минувшаго августа, въ присутствіи командующаго войсками кievскаго военнаго округа, начальника губерніи, губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, представителей всѣхъ учрежденій земства, городовъ, мѣстечекъ, посадовъ, селъ и многотысячной толпы народа, преосвященными: Антоніемъ, епископомъ черниговскимъ и нѣжинскимъ, и Евфиміемъ, епископомъ новгородсѣверскимъ, въ сослуженіи всего городскаго духовенства. Для отданія воинскихъ почестей, по распоряженію командующаго войсками кievскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта Драгомирова, въ Черниговъ прибыли: конно-артиллерійская батарея, 168-й пѣхотный острожскій полкъ и двѣ сотни уральскихъ козаковъ. По окончаніи Богослуженія, подъ звонъ колоколовъ церковей всего города, крестный ходъ, во главѣ съ обоими епископами, въ сопровожденіи знамени 168-го острожскаго полка, двинулся чрезъ площадь къ мѣсту расположенія памятниковъ. По всему пути стояли шпалерами войска, держа ружья „на-караулъ“. Музыка играла гимнъ „Коль славенъ напѣ Господь въ Сіонѣ“. По прибытіи къ памятникамъ, было совершено обычное освященіе, и пелены, покрывавшія бюсты Императоровъ, упали. Громкое единодушное «ура» прокатилось по площади и улицамъ города и раздался пушечный салютъ. По окончаніи освященія и открытія бюстовъ, состоялся воинскій парадъ, а затѣмъ войскамъ было предложено угощеніе отъ города. Проектъ памятниковъ составленъ архитекторомъ-художникомъ Марфельдомъ; бюсты вылѣпилъ профессоръ академіи художествъ Поповъ. День 30-го августа былъ избранъ для открытія памятниковъ, какъ день тезоименитства обоихъ въ Бозѣ почивающихъ Императоровъ.

— 14 сентября въ женскомъ медицинскомъ институтѣ въ Петербургѣ, какъ сообщаютъ «Моск. Вѣд.», былъ совершенъ молебенъ, по случаю начинающагося 15 сентября чтенія лекцій. Торжественное открытіе отложено до октября. На молебнѣ присутствовалъ директоръ Института дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Анрепъ, инспектриса М. А. Сениавина, профессоры и слушательницы. Послѣ молебна директоръ Института обратился къ присутствующимъ слушателямъ съ рѣчью. Послѣ рѣчи директора все помѣщеніе Института было окроплено св. водою. Затѣмъ духовенство перешло во временное помѣщеніе общежитія слушательницъ (на Ружейной улицѣ) и освятило его.

— Министръ народнаго просвѣщенія, какъ сообщается въ «Прав. Вѣст.», поручилъ отдѣленію ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по техническому и профессиональному образованію разработать вопросъ объ устройствѣ къ началу будущаго 1898—99 учебнаго года новыхъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, такъ какъ существующіе нынѣ высшіе техническіе институты и училища, въ виду совершеннаго ихъ переполненія, остаются недоступными для большинства лицъ, желающихъ получить высшее спеціальное образованіе.

— Въ дѣлѣ отвлеченія народа отъ пьянаго времяпровожденія по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ весьма дѣйствительнымъ средствомъ является устройство чайной, конечно не въ качествѣ заведенія трактирнаго типа, удовлетворяющаго исключительно потребности чаепитія. Чайная желательна какъ мѣсто, куда крестьянинъ могъ бы послѣ тяжелыхъ трудовъ дня или недѣли придти для приличнаго отдыха, для дружеской бесѣды въ своей компаніи, для чтенія газеты. Она, такимъ образомъ, должна носить характеръ крестьянскаго клуба и имѣть при себѣ народную бібліотеку или, по крайней мѣрѣ, народную читальню. Приличная обстановка—икона, лампада, назидательныя картины и листы вдоль стѣнъ, присутствіе для чтенія книжекъ и брошюръ, хотя бы по дежурству кого-нибудь изъ членовъ причта, учителя или грамотѣевъ, появленія порой для бесѣды самого батюшки за стаканомъ чая, запросто, среди сидящихъ въ кругъ прихожанъ, сдѣлало бы со временемъ это мѣсто самымъ излюбленнымъ для народа въ воскресные и праздничные дни. Посѣтивъ св. храмъ, отдохнувъ дома и прослушавъ въ богослужебныхъ собесѣдованіяхъ въ школѣ или въ церкви, крестьяне остальное время проводили бы не у кабака, а въ чайныхъ, и тѣмъ удерживались бы отъ праздничнаго

разгула. Вопросъ о помѣщеніи для такихъ чайныхъ рѣшается различно. По мнѣнію однихъ, можно бы временно, по праздникамъ, помѣщать чайныя въ школахъ, пріостанавливая ихъ дѣйствіе въ учебныя дни, по мнѣнію другихъ, ихъ прочно можно устроить въ старыхъ, подлежащихъ закрытію корчмахъ, пользуясь привычкой населенія къ этимъ домамъ и удобствомъ, бойкостью занимаемыхъ ими мѣстъ. Затрата на устройство куба для кипяченія воды и на необходимую посуду, на чай и сахаръ, по своей незначительности, не можетъ лечь тяжестью даже на небольшіе бюджеты приходскихъ обществъ трезвости, особенно, если принять въ расчетъ, что продажа чая, при большомъ количествѣ потребителей или при даровомъ помѣщеніи, можетъ окупать себя съ нѣкоторымъ избыткомъ для покрытія расходовъ на обстановку. Рациональная организація чайныхъ съ читальнями или библіотеками при нихъ потребуетъ болѣе значительныхъ затратъ, которыя окажутся непосильными для многихъ обществъ трезвости. Здѣсь на помощь полезному дѣлу въ мѣстахъ, гдѣ дѣйствуетъ новое положеніе о продажѣ питей, попечительства о народной трезвости должны придти на помощь отпускаемыми въ ихъ распоряженіе денежными суммами. По отчету Главнаго Управленія Неокладныхъ Сборовъ за 1895 г. попечительства въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ, прибѣгая къ устройству чайныхъ въ качествѣ основнаго мѣропріятія въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ, открываютъ чайныя въ наемныхъ помѣщеніяхъ въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ, но пользуются и бесплатными помѣщеніями отъ городскихъ управленій, сельскихъ властей, заводскихъ начальствъ и частныхъ лицъ. Въ Уфимской губерніи такія бесплатныя помѣщенія (9) даже преобладаютъ надъ наемными (7), въ Оренбургской губерніи составляютъ 25% и въ Пермской—30% общаго числа чайныхъ; ихъ вовсе нѣтъ въ Самарской губерніи вслѣдствіе желанія мѣстныхъ комитетовъ устраивать чайныя на первое время лишь въ большихъ селахъ и сразу ставить ихъ въ положеніе прочнаго благоустройства; отсюда здѣсь стало появляться стремленіе снабжать чайныя собственными постоянными помѣщеніями. Завѣдываніе чайными признано полезнымъ оставлять въ рукахъ тѣхъ или иныхъ агентовъ попечительства, избѣгая сдачи въ аренду частнымъ предпринимателямъ, въ интересахъ наилучшаго достиженія культурно-воспитательныхъ задачъ этого рода заведеній. Въ виду нравственной пользы, ожидаемой отъ чайныхъ, комитеты готовы сдѣлать содержаніе ихъ своей расходною статьей вездѣ, гдѣ продажа чая и сахара по ихъ дѣйствительной стоимости не окупаетъ текущихъ

вздержекъ. Въ Самарской губерніи учреждены 24 чайныхъ, при которыхъ комитетъ попечительства напечаталъ необходимымъ устроить читальни, ассигновавъ на этотъ предметъ 700 рублей (хотя неолученіемъ разрѣшенія дѣло задержалось въ отчетномъ году); въ остальныхъ губерніяхъ читальни существуютъ далеко не при всѣхъ чайныхъ. Такъ, въ Уфимской губерніи изъ 16 чайныхъ читальни имѣются въ 10, въ Оренбургской изъ 20—въ 9, а въ Пермской изъ 60—только въ 7. Многія чайныя, не успѣвшія открыть читальни, обзавелись однимъ или нѣсколькими органами печати для безплатнаго пользованія посѣтителей въ самомъ помѣщеніи чайной. Насколько указаннымъ путемъ удастся сдѣлать изъ чайныхъ родъ простонародныхъ клубовъ, покажетъ будущее. Несомнѣнно, однако, что дѣятельность обществъ трезвости и комитетовъ попечительства въ данномъ направленіи встрѣтитъ препятствіе частію въ безграмотности народа, частію въ привычкѣ его читать въ слухъ и въ компаніи. Отсюда понятно значеніе запроса, переданнаго на обсужденіе въ особую комиссію при министерствѣ финансовъ о разрѣшеніи въ чайныхъ чтенія вслухъ книгъ, дозволенныхъ къ употребленію въ народныхъ читальняхъ. Опытъ показываетъ, что употребляются различныя средства для того, чтобы сдѣлать чайныя привлекательными въ глазахъ народа, сосредоточивъ въ нихъ возможно больше разумныхъ развлеченій. При чайныхъ попечительствомъ о народной трезвости открываются дешевыя бібліотеки, организуются въ нихъ же безплатная выдача книгъ для чтенія на дому; съ устройствомъ специальныхъ помѣщеній для чайныхъ предположено дать мѣсто въ нихъ народнымъ чтеніямъ въ качествѣ не случайнаго, а нормальнаго развлеченія для населенія во всѣ праздничные дни. Въ Никольскомъ обществѣ трезвости «Миръ» Тверской губерніи при бібліотекѣ есть читальня и чайная, гдѣ по праздникамъ бесплатно отпускаются чай, сахаръ и баранки для трезвенниковъ, которые собираются сюда читать газеты, играть въ вѣшалки и побесѣдовать между собою. Въ заводскомъ селѣ Мотовилихѣ, Пермской губерніи, достаточной величины помѣщеніе чайной даетъ возможность имѣющимся небольшимъ оркестру и хору любителей членовъ общества трезвости постоянно увеличиваться и совершенствоваться, содѣйствуя обществу въ привлеченіи публики въ чайную—читальню, и удовлетворяя существующему въ мѣстномъ населеніи влеченію къ музыкѣ, способствовать развитію въ немъ облагораживающаго чувства изящнаго. Кромѣ вокально-инструментальныхъ концертовъ, здѣсь же люби-

телями членами общества устраиваются спектакли и народныя чтенія съ туманными картинами. Эти развлеченія приходится особенно по вкусу населенію и всегда привлекаютъ массу слушателей. Лѣтомъ, вмѣсто чтеній и концертовъ, примѣрно два два въ мѣсяць, бывають народныя гулянья въ садикѣ „старого завода“ съ иллюминаціей, музыкой, состязаніями на призы. Насколько такого рода народныя развлеченія цѣлесообразны, видно изъ того, что въ тѣ вечера, когда они устраиваются, на улицахъ села замѣчается непревычная тишина и отсутствіе пьянаго народа у дверей питейныхъ заведеній. «Каш. Еп. Вѣд.»

— Шестой международный конгрессъ для борьбы противъ алкоголизма, засѣдавшій недавно въ Брюсселѣ, выслушалъ, по словамъ «Прав. Вѣст.», нѣсколько любопытныхъ сообщеній о гибельныхъ дѣйствіяхъ алкоголя—этого „величайшаго врага,—по выраженію одного изъ участниковъ конгресса,—рабочей семьи и виновника вымиранія рода человѣческаго“. Несмотря на то, что конгрессъ вращался около избитой темы и очень стараго вопроса, нѣкоторые изъ сдѣланныхъ на немъ сообщеній все-таки внесли новый рядъ небезынтересныхъ данныхъ, дополняющихъ обвинительный актъ противъ алкоголя. Такъ, докторъ Джемсъ Уайтъ, изъ Манчестера, сообщилъ статистику смертности среди членовъ ассоціаціи самопомощи, существующей въ Англій уже много лѣтъ и состоящей изъ лицъ, безусловно воздерживающихся отъ потребленія спиртныхъ напитковъ. Въ концѣ 1896 года, членами этой ассоціаціи состояли 142.000 взрослыхъ и 76.000 молодыхъ людей. Таблицы смертности показали, что восемнадцати-лѣтніе члены той же ассоціаціи имѣютъ на своей сторонѣ всѣ шансы прожить почти на 9 лѣтъ, по среднему расчету, дольше прочихъ молодыхъ людей ихъ возраста. Такимъ образомъ, ихъ безусловное воздержаніе отъ вредныхъ напитковъ обезпечиваетъ имъ болѣе продолжительную жизнь въ сравненіи съ тою, какую гарантируютъ современному человѣку всѣ новѣйшіе успѣхи медицины, гигиены, бактеріологіи и даже строгая умѣренность въ потребленіи спиртныхъ напитковъ. Относительно вліянія прогресса научныхъ знаній на среднюю смертность людей, Джемсъ Уайтъ привелъ рядъ цифровыхъ данныхъ, неоспоримо свидѣтельствующихъ, что гигиена, ассенизаціи, равномерность въ распредѣленіи рабочихъ часовъ и всякія другія предупредительныя мѣры безспорно обезпечиваютъ человѣку болѣе продолжительную жизнь сравнительно съ людьми прежнихъ временъ. Въ періодъ времени отъ 1838 по 1854 годъ,

средняя продолжительность жизни родившихся въ эти годы людей равнялась 39,80 годамъ; дѣти, родившіяся въ промежутокъ между 1870 и 1880 годами могли уже рассчитывать, въ среднемъ на 42,35 года жизни, а для дѣтей, родившихся между 1880 и 1890 годами, предвидился слишкомъ 43-лѣтній періодъ жизни—все по тому же, разумѣется, среднему расчету. Въ теченіе полувѣка, заканчивающагося 1890 годомъ, средняя продолжительность жизни для дѣтей мужскаго пола, какъ заявилъ Джемсъ Уайтъ, увеличивалась на 3,75 года, такъ что нынѣ рождающіяся дѣти мужскаго пола имѣютъ всѣ шансы прожить на 3 года и 270 дней болѣе, чѣмъ жили дѣти, родившіяся въ промежутокъ времени отъ 1838 по 1854 годъ, а въ этомъ должно уже видѣть результатъ совмѣстнаго воздѣйствія на гигиеническія условія жизни усилій современной науки. Сопоставляя затѣмъ эти данныя со статистическими указаніями, относящимися къ вышепомянутому англійскому обществу самопомощи, Джемсъ Уайтъ приходитъ къ заключенію, что за молодыми людьми, вовсе не потребляющими крѣпкихъ напитковъ, все-таки обезпеченъ крупный шансъ прожить на свѣтѣ слишкомъ на 8 лѣтъ долѣе всѣхъ остальныхъ ихъ сверстниковъ.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

14 августа 1897 года, нануствоваанный таинствами елсосвященія, исповѣди и причащенія, скончался священникъ Иверско-Богородичной церкви слободы Бѣлаго-Колодезя, Волчанскаго уѣзда, О. Ѳеодоръ Антоновичъ Дзюбановъ, на 52 году своей жизни.

Покойный родился въ г. Харьковѣ и былъ сынъ діакона Харьковскаго кафедральнаго собора. Въ 1867 году окончилъ курсъ Харьковской духовной семинаріи; въ 1868 году февраля 28 дня рукоположенъ во священника къ Рождество-Богородичной церкви слободы Дороевекп, Валковскаго уѣзда; въ 1869 г. октября 9 дня перемѣщенъ по своему прошенію къ Покровской церкви слободы Большой-Бабки, Волчанскаго уѣзда, а въ 1873 году сентября 12 дня перемѣщенъ къ Иверско-Богородичной церкви слоб. Бѣлаго-Колодезя, гдѣ состоялъ по день своей смерти. Священствовалъ онъ 29 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 14 дней.

Усопшій во всю свою жизнь отличался высокими христіанскими добродѣтелями. Будучи простъ, кротокъ и смиренъ сердцемъ, онъ въ то-же время отличался необыкновенною добротою своей души и глубокою сострадательностію. Онъ не разъ давалъ въ своемъ домѣ пріютъ тяжело больнымъ роднымъ и самъ за ними ухаживалъ. Такою же сострадательностію

и съ такимъ же добрымъ христіанскимъ участіемъ онъ относился къ бѣднымъ несчастнымъ въ кругу своихъ прихожанъ. Такою же любовію онъ и самъ пользовался отъ всѣхъ его окружающихъ. Усопшій былъ истинно добрымъ и благопопечительнымъ пастыремъ для своей паствы. Всѣхъ своихъ прихожанъ онъ зналъ и глашалъ по имени. Онъ хорошо зналъ въ какихъ семействахъ миръ и согласіе, а гдѣ раздоры, семейныя безобразія и нравственныя неурядицы. Все это онъ принималъ близко къ сердцу и не терялъ случаевъ, чтобы съ кротостію и терпѣніемъ побесѣдовать, чтобы сдѣлать добрыя внушенія и назиданія, а иногда и обличить съ отеческою строгостію заблудшихъ. Выслушивая строгія выговоры и обличенія, никто не думалъ обижаться на него, всѣ знали, что онъ говоритъ отъ всего своего добраго сердца, единственно изъ желанія одного добра ближнему. Особенно ненавидѣлъ и презиралъ онъ всякое схищество и лукавство въ ближнемъ и, не взирая ни на какое лицо, строго бичовалъ эту постыдную страсть. Будучи истинно добрымъ пастыремъ по призванію, покойный во всю свою жизнь, при каждомъ удобномъ случаѣ, поучалъ свою паству страху Божію и доброй христіанской жизни. Онъ въ дѣлѣ назиданія не ограничивался однимъ своимъ храмомъ, говоря въ немъ простыя и безыскусственныя и часто трогательныя поученія, но и при посѣщеніи прихожанъ въ ихъ домахъ заводилъ съ ними благочестивыя бесѣды. Съ примѣрною дѣятельностію усопшій заботился о распространеніи грамотности и христіанскаго просвѣщенія въ своемъ многолюдномъ и разбросанномъ приходѣ. Всѣ четыре начальныя школы, изъ коихъ три земскія и одна церковно-приходская, обязаны своимъ существованіемъ благотворному вліянію усопшаго. По должности законоучителя онъ нѣсколько разъ получалъ письменную благодарность отъ Училищнаго начальства съ занесеніемъ въ формулярный списокъ. Прекрасный приходскій храмъ своимъ всегдашнимъ благолѣпіемъ также обязанъ примѣрнымъ заботамъ благопопечительнаго умершаго пастыря. И все это онъ дѣлалъ, не хвалясь не предъ кѣмъ, а единственно изъ любви ко всему доброму и святому. За свою примѣрно-добрую и полезную службу покойный былъ награжденъ набедренникомъ, скуфьею и камлавкою.

Еще за годъ до своей кончины усопшій о. Ѳеодоръ сталъ серьезно чувствовать упадокъ своихъ силъ и началъ готовиться къ переходу въ лучшую жизнь. За нѣсколько дней до смерти онъ пожелалъ пособороваться и причаститься Святыхъ Тайнъ. Во время совершенія таинствъ лицо покойнаго было какимъ-то особенно сіяющимъ, какъ будто онъ готовился къ какому-то особенно радостному торжеству. Съ глубокимъ благоговѣніемъ онъ выстоялъ въ теченіе всего Богослуженія и по окончаніи произнесъ: «да будетъ во всемъ воля Божія; довольно уже мы нагости-

лись здѣсь, пора и домой—въ вѣчность. До самой смерти покойный говорилъ и былъ въ полномъ сознаниіи. 14 августа утромъ за часъ предъ смертію съ сіяющимъ лицомъ онъ отчетливо и раздѣльно прочитывалъ на память всѣ знакомыя молитвы, акаѳисты и канопы и словами молитвы на устахъ въ семь часовъ утра тихо, спокойно и совершенно незамѣтно почилъ вѣчнымъ сномъ праведника.

16 августа послѣ Божественной литургіи, совершенной помощникомъ благочивнаго, величественное священническое погребеніе надъ почившимъ совершалъ мѣстный благочинный, въ сослуженіи шести священниковъ, трехъ діаконовъ, при многочисленномъ стеченіи народа, переполнявшаго церковь и ограду. О. благочинный Евонмовъ почтилъ память покойнаго глубокопрочувствованною рѣчью, въ концѣ которой, обращаясь къ прихожанамъ, онъ между прочимъ сказалъ: „И вы, прихожане храма сего, не забываете въ своихъ молитвахъ почившаго своего пастыря; запишите имя его въ своихъ поминаніяхъ вмѣстѣ съ своими родными, и, когда будете приходить въ церковь, не забываете зайти на его могилу и поклониться ей. Это есть долгъ вашъ относительно почившаго; этого требуетъ отъ васъ признательность къ нему за его любовь къ вамъ и за то добро, которое онъ дѣлалъ вамъ, будучи вашимъ пастыремъ“. Эти слова были выслушаны съ замѣчательно глубокимъ вниманіемъ. Три раза прерывалась рѣчь отъ сильнаго рыданія почти всей церкви надъ гробомъ дорогаго почившаго истинно добраго пастыря-христіанина и человѣка.

Господи, Владыко живота нашего, пріими съ миромъ душу раба твоего іерея Теодора и упокой его въ обителяхъ Святыхъ Своихъ.

О В Ѣ Я В Л Е Н І Я

Съ разрѣшенія Св. Синода въ московской Синодальной Типографіи печатаются

ЛИЦЕВЫЕ СВЯТЦЫ.

въ 12 красокъ, на лучшей бристольской бумагѣ, подъ редакціею Высокопреосвященнаго Сергія, Архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго. До 1-го Августа 1897 г. типографіею принималась подписка на это изданіе, продолженная въ настоящее время еще на весьма краткій срокъ, а именно до 1-го наступающаго Ноября. Лица, подписавшіяся доэтого срока, при единовременномъ взносѣ 10 руб., получаютъ полный экземпляръ Святцевъ, состоящій изъ 48 таблицъ, по мѣрѣ выхода каждой изъ печати, съ бесплатной пересылкой. Тѣ же таблицы, которыя уже изготовлены, высылаются подписчикамъ тотъ часъ же. По окончаніи срока подписки экземпляръ Святцевъ будетъ продаваться по 14 р. 40 коп., плп по 35 коп. за каждую таблицу въ отдѣльности. Все изданіе предполагается окончить въ Августѣ мѣсяцѣ 1898 года.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

**„Ученіе св. Викентія Лиринскаго
О СВЯЩ. ПРЕДАНІИ И ЕГО ЗНАЧЕНІИ“.**

Апологетическій очеркъ.

Законоучителя Харьков. Комм. училища Императора Александра III,
свящ. Іонна Филевскаго.

Продается въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.
Цѣна 60 коп., съ перес. 80 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

**ДЕШЕВОЙ БИБЛИОТЕКИ
„РУССКАГО ПАЛОМНИКА“.**

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1. Святѣи нашего сѣвера. Путешествіе по обителямъ Сѣверной Россіи. И. Остроумова. Цѣна 25 коп. 2. Св. Іоаннъ Златоустъ. Его избранныя творенія. Цѣна 25 коп. 3. Сквозь мракъ къ свѣту. Историч. повѣсть Ф. В. Фаррара въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 25 коп.

Съ требованіями обращаться въ книжный складъ П. П. Сойки на С.-Петербургъ, Стремянная, собст. домъ, № 12.

На пересылку прилагается 20 коп., на каждый 1 руб., часть рубля считается за цѣлый.

ХУДОЖНИКЪ

**ИКОНОСТАСНОЙ ЖИВОПИСИ И РОСПИСИ ЦЕРНЕЙ
А. П. Камнатскій.**

Принимаю художественныя работы, то есть, живопись для иконостасовъ, а также и роспись стѣнъ въ храмахъ. Работы исполняю добросовѣстно, во время и за умѣренныя цѣны; за исполненіе таковыхъ работъ вмѣю свидѣтельство отъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Петровны, а также и отъ другихъ лицъ. Надѣюсь, уважаемые читатели не оставятъ мою мастерскую безъ вниманія. Харьковъ. Моечная улица, д. № 7.

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ позна- гражденіе уча- щимъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоего пола.				
	Отъ Епарх. Училищаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительс.	Отъ помечтени школы.	Отъ сельскаго общества.		Отъ частныхъ жертвовател.	Далъ за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ къ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Завѣдующій, законоучитель спи- щенникъ Іоаннъ Малиженевскій, съ 5 февраля 1896 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи, учитель діаконъ Θεодоръ Брайлоскій, съ 5 февраля 1896 года, окончилъ курсъ духовнаго училища.					50	15		65 руб. остатка нѣтъ.	Пожертвован. отъ обществ. 50 р. поступили въ пользу діакона Θеодора Брай- ловскаго.	2363		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Іоаннъ Сипухинъ, съ 20 сентября 1894 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи, учитель діаконъ Василій Заводовскій, съ 20 сентября 1894 года, уволенный изъ высшаго отдѣленія духовнаго училища.					100			44 р. 45 к. остает- ся 55 р. 55 к.	—	8296		4
Завѣдующій, законоучитель и учитель священникъ Іосифъ Кро- хатскій, съ 23 іюня 1895 года, окончилъ курсъ духовной семинар. Къ учительству привлеченъ и пса- ломщикъ Митрофанъ Соколовскій, съ 23 іюня 1895 года, уволенный изъ 3 класса духовнаго училища.			5			10	50	15 р. 50 к. остат- ка нѣтъ.	—	2778		5
Завѣдующій, законоучитель и учитель священникъ Николай Гры- зодубовъ, съ 1 ноября 1895 г., окон- чилъ курсъ въ реальномъ училищѣ.						51	42 к.	51 р. 42 к. остат- ка нѣтъ.	—	1854		
Завѣдующій и законоучитель священникъ Петръ Вахнинъ, съ 1 сентября 1894 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи, и д. учителя псаломщикъ Сергій Жу- ковъ, съ 1 сентября 1894 года, окончилъ курсъ въ начальномъ народномъ училищѣ. Къ обученію дѣтей привлеченъ и 2-й псалом- щикъ мѣстной церкви Иванъ По- повъ, уволенный изъ 2 класса духов- наго учил., съ того-же 1 сентября.			17	50				17 р 50 к. остатка нѣтъ.	—	3482		2
Завѣдующій и законоучитель священникъ Георгій Пичулищевъ, съ 1 октября 1894 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи, учитель псаломщикъ Василій Бородаевскій, уволенный изъ 3 класса духовнаго училища, съ 1 октября 1894 года.			30					30 руб.	—	2866		5
Завѣдующій и законоучитель школы священникъ Николай Кон- девскій, съ 8 апрѣля 1894 года, изъ средняго отдѣленія духовной семинаріи, учител. состоялъ пса- ломщикъ Петръ Кожевскій (вынѣ-			60					60 руб. остатка нѣтъ.	—	2040		

№№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьных занятій.	Число учащихся въ школѣ.			Число оконченных курсъ.		Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или почитателемъ школы?	
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ годъ числѣ.	Мальч. числ.					
						Съ свид. на льготу.	Безъ свид. на льготу.				
321	Лебединская, при Троицкой церкви, открыта 1 ноября 1893 года.	Помѣщается въ церковной сторожке, для школьных занятій удобной.	11	5	16	—	—	—	—	—	
322	Лебединская, при Соборно-Успенской церкви, открыта 17 января 1894 г.	Помѣщается въ собственномъ зданіи для школьных занятій удобномъ.	28	5	33	—	—	11	88	20 Жена 2-й гильдіи Харьков. купца Б. Н. Лыскова съ 14 октября 1894 г.	
323	Мартиновская, при Николаевской церкви, открыта съ 4 декабря 1886 года.	Помѣщается въ церковной сторожке, для школьных занятій неудобной.	20	—	20	—	4	10	62	116	—
324	Марковская, при Преображенской церкви, открыта 31 декабря 1895 года.	Помѣщеніе наемное, неудобное.	—	9	9	—	—	—	86	—	
325	Межиричская, при Преображенской церкви, открыта 4 октября 1894 г.	Собствен. очень удобное.	57	9	66	—	—	16	4	74	—
326	Межиричская, при Успенской церкви, открыта 12 октября 1894 года.	Въ церкви. сторожка; неудобное.	15	7	22	—	—	—	79	—	
327	Михайловская, при Рождество-Богородицкой церкви, открыта 1-го декабря 1895 года.	Въ наемной пристройкѣ; весьма неудобное.	11	—	11	—	—	2	88	—	

Кто и съ какого времени за- вѣдусть школою и обучать въ ней и какой имѣть образовательный цѣль?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щихъ?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоюго пола.			
	Отъ Епарх. Училищаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.		Отъ частныхъ жертвовател.	Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ въ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.
Завѣдующій священникъ Алексѣй Милостановъ, съ 1 ноября 1893 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи, законоучителемъ діаконъ Василій Стефановъ, съ 1 ноября 1893 года, изъ низшаго отдѣленія духовнаго училища, н. д. учителя псаломщикъ Осодоръ Трофаловъ, съ 1 ноября 1893 года, воспитывался въ уѣздномъ училищѣ.			24					24 руб. остатка нѣтъ.	—	2040	8
Завѣдующій священникъ Стефанъ Прокоповичъ, съ 15 февраля 1894 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи; законоучитель священникъ Василій Лихницкій, съ 17 января 1894 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи, н. д. учителя діаконъ Владиміръ Любинскій, съ 17 января 1894 года, окончилъ курсъ духовнаго училища, н. д. учителя и вѣнн регентъ соборной церкви Стефанъ Козловъ, съ 17 января 1894 года, окончилъ курсъ народнаго училища.								—	Отъ завѣдущаго школою 50 р.	3467	34
Завѣдующій, законоучитель и учитель священникъ Павелъ Мухомъ, съ 4 декабря 1886 г. изъ средняго отдѣленія духовной семинаріи.								—	—	3430	—
Завѣдующій и законоучитель священникъ Стефанъ Поповъ, съ 31 декабря 1895 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи, учитель діаконъ Іоаннъ Лободинъ, съ 31 декабря 1895 года, окончилъ курсъ учительской семинаріи.			25					25 руб. остатка нѣтъ.	—	3892	40
Завѣдующій законоучитель и учитель священ. Іоаннъ Кохановскій, съ 4-го октября 1894 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи.	25						66	91	—	2103	—
Завѣдующій и законоучитель священникъ Іоаннъ Соколовскій, съ 12 октября 1894 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи, учитель діаконъ Трофимъ Оедоровскій, съ 12 октября 1894 года, окончилъ курсъ духовнаго учил.								—	—	2823	6
Завѣдующій и законоучитель священникъ Іоаннъ Стелецкій, съ 1 декабря 1895 г., окончившій курсъ духовной семинаріи. Учитель діаконъ Ілія Климентовъ, съ 1 декабря 1895 г. уволенный изъ 2 клас-			30					—	—	3200	12

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помещается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.						Число окончившихъ курсъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библиотек.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или попечительницею школы?	
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ томъ числѣ:		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.					
					Православнаго исповѣдан.	Католическаго.							Съ свѣд. на льготу.
328	Недригайловская, при Митрофаніевской церкви, открыта 1 июня 1891 г.	Въ церкви, сторожка, не совсѣмъ удобной.	15	15							192		
329	Недригайловская, при Царевской церкви, открыта съ 16 марта 1894 года.	Въ церкви сторожка, для школьныхъ занятій неудобной.	7	7							88	4	
390	Нижне-Верхосульская, при Христо-Рождественск. церкви; открыта 1-го ноября 1887 года.	Въ зданіи Графа Голстаго; для занятій неудобномъ.	58	58			2		8		212	63	
331	Ольшанская, при Архангело-Михайловской церкви, открыта съ 8 января 1886 г.	Въ церкви сторожка; удобна.	68	69			5		8		338		
332	Ольшанская, при Сергіе-Анастасіевской церкви, открыта 17 марта 1894 года, для дѣвочекъ.	Въ зданіи попечительницы школы для занятій не совсѣмъ удобномъ.		15	15						226		Дочь генерал-майора А. П. Шатова, съ 12-го марта 1894 г.
333	Павленковская, при Георгіевской церкви, открыта 15 ноября 1895 года.	Въ наемной крестьянской избѣ; весьма неудобное.	16	16							148		
334	Пристайловская, при Успенской церкви, открыта съ 20 января 1895 года.	Въ наемной крестьянской хатѣ, мало удобное.	16	16							124		

Кто и съ какого времени завѣдуеть школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого поступило на содержаніе школы.							Сколько и отъ кого поступило въ вознагражденіе учащихся?	Число жителей въ приходѣ обоего пола.		
	Отъ Епарх. Училищаго Совѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвователей.		Плата за обученіе.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Завѣдующій и законоучитель священникъ Антошій Дикаревъ, съ 1 іюня 1894 г., окончилъ курсъ духовной семинаріи. И. д. учителя псаломщикъ Иванъ Эварницкій, съ 1 іюня 1894 г., окончилъ курсъ въ духовномъ училищѣ.	—	—	—	—	—	—	—	—	2496	—	8
Завѣдующій священникъ Александръ Давидовъ, съ 16 марта 1894 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи, законоучитель священникъ Василій Петрусенко, съ 16 марта 1894 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи и учитель діаконъ Митрофанъ Македонскій, съ 16 марта, 1894 года, окончилъ курсъ духовнаго училища.	—	—	—	—	—	—	—	—	5322	—	4
Завѣдующій и законоучитель священникъ Антошій Биковъ, съ 14 апрѣля 1894 года, окончилъ курсъ духовной семинаріи, учитель воспитанникъ духовной семинаріи Николай Бѣликовъ, съ 2 апрѣля 1896 г., свидѣтельство на званіе учителя церковно-приходск. школы имѣеть.	—	—	—	—	—	—	—	Отъ графа М. М. Толстаго 100 р., отъ церкви 50 р. и отъ сельскаго общества 50 р.	3213	—	4
Завѣдующій и законоучитель священникъ Александръ Грищенко, съ 31 декабря 1895 г., окончилъ курсъ духовн. семинар., учител. ваканція.	—	—	—	—	—	—	—	—	4350	—	9
Завѣдующій и законоучитель священникъ Михаилъ Лободовскій, съ 12 марта 1894 г., окончилъ курсъ духовной семинаріи. Къ преподаванію прочихъ предметовъ допущенъ, безъ правъ именоваться и. д. учителя псаломщикъ Павелъ Дмитриевъ, съ 18 апрѣля 1896 г., изъ 1 класса уѣзднаго училища.	—	—	—	—	—	—	—	—	3661	—	17
Завѣдующій и законоучитель священникъ Митрофанъ Елаинскій, съ 15 ноября 1895 г., окончилъ курсъ духовной семинаріи. И. д. учителя псаломщикъ Василій Збукаревъ, уволенный изъ 2 класса духовнаго училища, съ 15 ноября 1895 г.	—	—	30	—	—	—	30	—	2946	—	4
Завѣдующій, законоучитель и учитель священникъ Іаковъ Хорошковъ, съ 20 января 1895 г., окончилъ курсъ духовной семинаріи. Привлеченъ къ учительству псаломщикъ Николай Герофаловъ, уволенный изъ духовнаго училища, съ 20 января 1895 г.	—	—	70	20	—	—	60 р. 66 к. остается 29 р. 34 к.	—	2558	—	3

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цѣль?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.							Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Число жител- ей въ при- ходѣ обою пола.			
	Отъ Епарх. Училищаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительс.	Отъ помещика школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвовател.		Плата за обученіе.	Православныхъ.	Раскольниковъ.	Иновѣрцевъ.
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Николай Фодоровъ, съ 10 сентября 1884 г., окончилъ курсъ духовной семинаріи. Учитель діа- конъ Сергій Александровъ, съ 7 августа 1895 г. окончилъ курсъ въ реальномъ училищѣ; учитель пѣнія псаломщикъ Петръ Проскуринковъ, съ 10 сентября 1884 г., изъ сред- няго отдѣленія духовнаго училища.									5755		7	
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Алексій Вербицкій, съ 17 апрѣля 1895 г. окончилъ курсъ учи- тельской семинаріи. Учитель діа- конъ Николай Давидовъ воспитан- никъ 3 класса духовной семинаріи. Свидѣтельство на званіе учителя имѣетъ съ 3 декабря 1895 г.				85				35 руб. остатка пѣть.	80 руб. отъ мѣстнаго обще- ства.	3821		18
Завѣдующій священникъ Леонидъ Придянитъ, съ 1 сентября 1892 г., окончилъ курсъ духовной семина- ріи; законоучитель-священникъ Ва- силій Труфановъ, съ 31 декабря 1895 г., окончилъ курсъ духовной семинаріи. Учитель діаконъ Іоаннъ Приходитъ, съ 15 сентября 1891 г., воспитанникъ 3 класса духов- наго училища.			50					50 руб. остатка пѣть.	—	5469		29
Завѣдующій протоіерей Петръ Краснопольскій, съ 15 ноября 1893 г., окончилъ курсъ духовной се- минаріи; законоучитель священникъ Феодоръ Лободовскій, съ 16 января 1895 г., воспитанникъ 3 класса ду- ховной семинаріи и учитель пса- ломщикъ Викторъ Краснопольскій, съ 18 февраля 1894 г., окончилъ курсъ духовнаго училища. Свидѣ- тельство на званіе учителя имѣетъ.			50					50 руб. остатка пѣть.	100 руб. учите- лю отъ церкви.	3800		13
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Андрей Люминарскій, съ 31 декабря 1895 г., окончилъ курсъ духовной семинаріи. П. д. учителя псаломщикъ Филаретъ Яблоновскій съ 20 декабря 1894 г., изъ 3 клас- са гимназій.								—	—	3050		23
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Николай Орловъ, съ 15 ноября 1894 г., окончилъ курсъ ду- ховной семинаріи. Учитель діаконъ Василій Станиславскій, съ 15 но- ября 1895 г., уволенный изъ сред- няго отдѣленія духовной семинаріи								—	—	2982		40

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія критязанія мѣрянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народнои школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очеркъ русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодохрищеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покой воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intercom- munion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Маргынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Липицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Вѣра~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строкъ, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.